РУССКІЙ АРХИВЪ

1888

5.

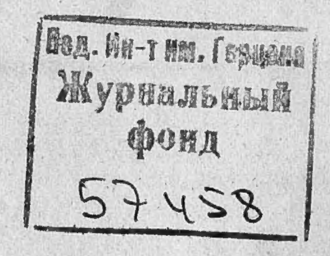
МОСКВА.
Въ Университетской типографіи
на Страстномъ бульварѣ.
1888.

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ.

1888.

II.



Въ 1888 году „Русскій Архивъ“ выходитъ 12 разъ въ годъ. Каждые четыре выпуска составляютъ книгу, съ особымъ счетомъ страницъ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартеневымъ.

1888.

КНИГА ВТОРАЯ.

МОСКВА.
Типографія М. Г. Волчанинова. Леонтьевскій пер., д. Лаврова.
1888.

ПУТЕШЕСТВІЕ СТОЛЬНИКА П. А. ТОЛСТАГО *).

Іюня въ 1-й день. Изъ Венеціи на фрегадонѣ поплылъ и отшедъ отъ Венеціи 12 миль Ит., стояли на морѣ на якорѣ, для того что вѣтру никакого не было, а по-итальянски это называется бонада. На томъ мѣстѣ стоя обѣдали, а по обѣдѣ почалъ быть вѣтръ самый малый и тѣмъ вѣтромъ пошли помалу и отшедъ отъ Венеціи 20 миль Ит. обмеркло. Въ то время на первомъ часу ночи почалъ быть вѣтръ немалый, которымъ мы бѣжали всю ночь и къ утру пробѣжали противъ города Рувина, отъ Венеціи 130 миль Итальянскихъ.

Іюня во 2-й день. На первомъ часу дня почалъ быть вѣтръ малъ, и тѣмъ малымъ вѣтромъ плыли мы до полудня и проплыли Истрію всю, а поравнялися противъ первыхъ Далмацкихъ горъ отъ Венеціи 150 миль Ит. Того жъ дни послѣ полудни вѣтръ былъ малый и тѣмъ малымъ вѣтромъ плыли до ночи и ночь мало не всю, а за три часа до свѣту почалъ быть вѣтръ намъ въ путь нашъ самый способный и немалый и тѣмъ вѣтромъ бѣжали до свѣту и ушли въ 3 часа 20 миль Итальянскихъ.

Іюня въ 3-й день. Съ перваго часа дня вѣтръ намъ былъ способный и немалый и не премѣнился, какъ началъ быть за 3 часа до свѣту, и тѣмъ вѣтромъ бѣжали мы весь день и обмеркло въ Далмаціи противъ города Травы, отъ Венеціи 300 миль Ит., а на первомъ часу ночи вѣтръ почалъ быть меньше и къ полуночи нималаго вѣтру не стало, такъ и во всю ночь было безвѣтріе, и фрегадонъ нашъ стоялъ на одномъ мѣстѣ.

Іюня въ 4-й день. Съ перваго часу дня почалъ быть самый малый вѣтръ, и нашъ фрегадонъ по-малу подавался впередъ, а съ

*) См. „Русскій Архивъ“ сего года вып. 2—4.

обѣда почалъ быть вѣтръ немалый, нашему надлежащему пути въ противность, и фрегадонъ нашъ шелъ бордами, а по голландски лавирами, а послѣ полудня припалъ зѣло великій вѣтръ намъ противный, и фортуна на морѣ почала быть зѣло великая и нашего фрегадона ни бордами ни какими иными мѣрами идтить въ путь нашъ не пустило, и для того вошли мы въ портъ, который портъ называется Ливиръ, и въ томъ портѣ ночевали, а тотъ портъ отъ Венеціи 350 миль Ит., а жилья у того порту никакого нѣтъ.

Іюня въ 5-й день. Послѣ полудня изъ того вышепомянутаго порту пошли, и намъ вѣтръ былъ способный и немалый, которымъ день тотъ весь бѣжали и ночи 5 часовъ, а въ 6-мъ часу той ночи приплыли мы въ Корсуль, отъ Венеціи 400 миль Ит. и стояли въ томъ вышепомянутомъ городѣ Корсулѣ Іюня до 8-го числа, а тотъ городъ Корсуль Венецкой провинціи въ Далмаціи послѣдній къ Рагузскому княжеству, стоитъ на острову. Противъ того вышеписаннаго города на острову на горѣ построенъ монастырь, который называется Итальянскимъ языкомъ Субинъ Целіо деле-Мадона, а Славянскимъ языкомъ то суть взятіе или вступленіе въ небо Пресвятыя Богородицы. Въ томъ монастырѣ костелъ Римской вѣры, въ которомъ костелѣ есть образъ Пресвятыя Богородицы стариннаго Греческаго письма, писанъ подобіемъ тѣмъ, какъ пишется Пресвятыя Богородицы образъ, который называется Смоленскимъ. Отъ той вышеписанной св. иконы бываютъ многія чудеса и нынѣ. Какъ на морѣ, такъ и на землѣ при томъ монастырѣ много посажено деревъ кипарисныхъ, великихъ и малыхъ. Притомъ же монастырѣ много пчелъ въ ульяхъ и въ стѣнахъ костельныхъ. Въ томъ монастырѣ живутъ 4 человѣка законниковъ Борнадыновъ, а иныхъ жителей никакихъ людей въ томъ монастырѣ нѣтъ, а стоитъ тотъ монастырь на землѣ Рагузской провинціи, и отъ того монастыря почитается по морю Венецкой гольфы Рагузскаго княжества владѣніе. Около того монастыря по городамъ живутъ Рагузяне капитаны морскіе и астрономы и маринары. Строеніе домовное имѣютъ каменное самое малое и нужное, также хлѣба и скота имѣютъ мало, только забавляются фруктами, т. е. гроздіемъ. Винныхъ ягодъ и винограду, грушъ, шептали, орѣховъ миндальныхъ, орѣховъ же грецкихъ и иныхъ имѣютъ достатокъ, а говорятъ всѣ Славянскимъ языкомъ, а Итальянскій языкъ всѣ знаютъ и называются Герваты, вѣру держатъ Римскую.

Іюня въ 8-й день, въ пятомъ часу дня, изъ подъ Корсуля поплыли; вѣтръ былъ намъ способный и немалый, и тѣмъ вѣтромъ бѣжали мы до полудня, а съ полудня вѣтръ почалъ быть малъ,

однакожъ намъ способный, и тѣмъ вѣтромъ плыли мы весь день и въ послѣднемъ часу дня того приплыли противъ острова, который островъ Рагузскаго владѣнія и называется Санто-Андреа. На томъ островѣ на верху на самомъ есть построены каменныя жилья немалыя, между которыми есть построена и каплица, т. е. малый костелъ Римскій, а живетъ на томъ острову всегда одинъ человѣкъ, не имѣетъ съ собой никогда никакого товарища, а почитаютъ того человѣка Римляне за святого, а сказываютъ о немъ гисторіи, которымъ вѣрить не можно и слушать ихъ непотребно. А тотъ островъ не доѣзжая Рагузскаго столишнаго мѣста Дубровника за 10 миль Итал. И отъ того острова плыли мы до Дубровника пол-3 часа, а въ третьемъ часу ночи приплыли подъ тотъ городъ Дубровникъ.

Іюня въ 9-й день. Былъ я въ томъ городѣ Дубровникѣ по утру въ монастырѣ у Францишкановъ, въ томъ монастырѣ показывали мнѣ святыни:

Гвоздь терноваго вѣнца Спасителя нашего Христа.

Крестъ, сдѣланъ изъ самаго дерева креста Христова.

Сребренникъ, который взялъ Іуда у архіереевъ Еврейскихъ за Христа, видомъ чернъ, величествомъ съ Черкасскій чехъ и тѣмъ подобіемъ сдѣланъ, а изображенія на немъ не можно знать за многими лѣты.

Часть кости отъ руки Іоанна Крестителя.

Часть кости отъ руки святой мученицы Екатерины.

Часть кости отъ ноги св. Власія, архіепископа Севастійскаго.

Часть отъ ноги св. Геронима.

Изъ того Францишканскаго монастыря пошелъ до дѣвическаго монастыря, въ которомъ живутъ 40 законницъ Францишканокъ. Потомъ былъ въ монастырѣ у Езувитовъ, который строится вновь, въ немъ живутъ 8 человѣкъ Езувитовъ. Потомъ пришелъ на то мѣсто, гдѣ стоятъ пушки на раскатѣ, который раскатъ очищаетъ входъ въ портъ къ воротамъ. Тутъ стоятъ три пушки великихъ, изъ которыхъ одна зѣло велика, изряднаго мастерства, граненая, и малыхъ пушекъ на томъ раскатѣ есть подъ сараемъ немногое число. Потомъ былъ въ палатахъ, въ которыхъ дѣлаютъ динаріи Рагузской монеты, всего 9 человѣкъ мастеровъ, изъ которыхъ пять человѣкъ расковываютъ серебро, а четыре человѣка печати набиваютъ. Потомъ приспѣло время обѣда, и поѣхалъ я изъ города на свой фрегадонъ. Того жъ числа по обѣдѣ пріѣхалъ паки въ городъ и былъ въ Доминиканскомъ монастырѣ, въ которомъ мнѣ показывали святыни, многія вещи. Вначалѣ крестъ немалый, въ которомъ немалая часть древа самого креста Христова. Потомъ часть руки

Іоанна Крестителя, у которой одного пальца нѣтъ; а сказали, что де тотъ палецъ есть въ Римѣ.

Глава Власія, епископа Севатійскаго, кость отъ гортани того же св. Власія, рука того жъ св. Власія, нога того жъ св. Власія.

Рука св. мученицы Парасковеи, которую поитальянски называютъ Бригитою.

Кости отъ спины св. Августина.

Кость отъ челюсти святой Полагеи.

Кость отъ главы первомученика Стефана и камень, одинъ изъ тѣхъ, которыми св. Стефанъ побіенъ отъ Іудей.

Кость отъ главы царицы Маргариты.

Двѣ кости отъ главъ и двѣ ноги святыхъ младенцевъ, избіенныхъ отъ Ирода за Христа. На тѣхъ ихъ ногахъ плоть и кожа и жилы цѣлы.

Камень отъ гроба Спасителя нашего Христа.

Пелена Христова, въ которую по рождествѣ Своемъ былъ Спаситель нашъ принятъ Пречистою Матерью Своею Маріею. Та зѣло толста, а изъ какой матеріи исткана, подлинно о томъ познать не можно, однакожъ подобится толстой посконной холстинѣ.

Два гвоздя отъ терноваго Христова вѣнца.

Кость отъ ребра св. апостола Павла.

Кость отъ главы св. Анны, матери Богородицыной.

Кость св. апостола Андрея Первозваннаго.

Кость отъ ноги св. мученика Канарея.

Части отъ рукъ св. трехъ братій, Петра, Лаврентія и Андрея.

Нога св. Николая Пилигрима.

Часть отъ руки св. Іоанна Златоуста, котораго Итальяне называютъ Хризостомъ.

Часть отъ главы царицы Елены, матери царя Константина.

Часть мощей апостола Варѳоломея.

Глава св. Пагкратія.

Часть отъ руки Петронимы, дочери апостола Петра, и нитки, которыя та святая Петронима пряла.

Часть отъ главы св. мученика Сергія.

Часть отъ руки св. Трофима.

Нога св. мученика Зиновія.

Нога св. мученицы Зиновіи.

Въ томъ же монастырѣ дали мнѣ двѣ свѣчи, которыя повелѣваютъ запалять предъ святыми иконами на кораблѣ или на какомъ ни есть суднѣ во время великой фортуны, т. е. сильныхъ вѣтровъ. Изъ того монастыря пошелъ я къ принципу, т. е. къ князю Ра-

гузскому на дворъ. Тотъ его дворъ близко соборнаго ихъ костелу, построенъ мастерствомъ нарочитымъ, не великъ, и палатъ на немъ немного. Прежде привели меня въ палату, гдѣ у Рагузскаго князя и у всей ихъ республики чинятъ судъ и всякое управленіе. Та палата не велика, однакожъ убрана нарочито и есть та палата внизу.

Потомъ пошелъ я вверхъ и вошелъ въ палату, въ которой Рагузяне обираютъ себѣ князей. Та палата длинна, сажень 6, а ширина сажени 4, убрана рѣзьбами, и подѣланы вдоль въ той палатѣ лавки и скамьи. Изъ той палаты вошелъ въ палаты жъ, въ которыхъ живетъ князь Рагузскій. Въ первой палатѣ княжескіе домовые люди, человѣкъ съ 8, стоятъ въ красныхъ одеждахъ. Изъ той палаты пришелъ въ другую палату, въ которой меня встрѣтилъ самъ князь и за нимъ одинъ его человѣкъ въ красной же одеждѣ и повелъ меня въ другую палату, въ которой поставлены кресла, обиты красными камками, и палата обита тѣми же камками. Въ той палатѣ князь самъ сѣлъ и мнѣ противъ себя велѣлъ сѣсть въ креслахъ, гдѣ я съ нимъ сидѣлъ недолго. Потомъ, поблагодарствовавъ ему за ласку къ себѣ, отъ него пошелъ, и онъ меня проводилъ въ третью палату изъ той, въ которой я съ нимъ сидѣлъ. А говорилъ со мною князь Рагузскій Славянскимъ языкомъ; а которые сенатори пришли со мною къ нему, тѣ всѣ не входили въ ту палату, гдѣ я съ нимъ сидѣлъ, для того что у Рагузянъ есть такое обыкновеніе: гдѣ князь ихъ сидитъ съ пріѣзжими къ нему иноземцы, въ ту палату сенатори къ нему входить не повинны. И пошедъ я отъ князя, ночевалъ ту ночь въ городѣ на дворѣ, а на фрегадонъ того дня не поѣхалъ.

Городъ Дубровникъ стоитъ на берегу моря, подъ высокими горами. Тотъ городъ столица Рагузскаго княжества. Фортеца каменная и зѣло изрядная и крѣпкая; отъ проѣзжей башни, которая къ морю, есть портъ, то суть пристанища судамъ и въ которое мѣсто суды входятъ; на томъ мѣстѣ отъ башни до стѣны положена чѣпь желѣзная великая, которая возбраняетъ входъ всякимъ судамъ непріятельскимъ въ тотъ вышепомяненный портъ. Въ томъ городѣ Дубровникѣ домы строенія каменнаго не великіе, однакожъ то мѣсто недобре, безлюдно.

Рагузская шляхта и сенатори и купецкіе люди къ пріѣзжимъ иноземцамъ ласковы и пріемны; а платье носятъ сенатори Рагузскіе черное, подъ исподомъ кафтаны долгіе, подобные чернеческимъ рясамъ, а наверху долгія епанчи, подобныя чернеческимъ мантіямъ.

Въ Дубровникѣ мясо и всякій харчъ дороги, и рыбы свѣжей и соленой зѣло мало, временемъ и не бываетъ. Фруктовъ всякихъ есть и не дорого. Деньги у нихъ свои серебрянныя, которыя называютъ динаріями; тѣхъ динаріевъ на золотой червонный даютъ по 132, а видомъ тѣ динаріи круглые, величествомъ съ Московскую копѣйку.

Принципы или князи бываютъ у нихъ помѣсячно, на каждый мѣсяцъ выбираютъ новаго князя изъ сенаторей, а всякія дѣла дѣлаютъ общей республикою; а владѣнія Рагузскаго всего по берегу Венецкаго моря на 100 миль Ит., а противъ самаго столишнаго ихъ мѣста Дубровника островъ владѣтельства Венецкаго князя.

Войны никогда Рагузяне ни съ кѣмъ не имѣютъ, даютъ дары цесарю Римскому, и королю Гишпанскому, и князю Венецкому, и салтану Турецкому. Имѣютъ у себя Рагузяне пѣхоты для карауловъ 500 человѣкъ солдатъ тутошнихъ жителей.

Въ томъ городѣ Дубровникѣ живетъ Римской вѣры арцибискупъ, который подъ собою имѣетъ двухъ бискуповъ Римской же вѣры. Въ томъ городѣ Дубровникѣ видѣлъ я многіе домы раззорены и палатное строеніе разваленное; а сказываютъ, что весь городъ Дубровникъ былъ раззоренъ волею Божіею отъ нынѣ лѣтъ за 30 трясеніемъ земли.

Іюня въ 10-й день, въ 6-мъ часу дня, отъ города Дубровника мы на своемъ фрегадонѣ поплыли къ городу, или къ мѣстечку, Перастѣ способнымъ вѣтромъ, а не великимъ и, отъѣхавъ отъ Дубровника 10 миль Ит., увидѣли на морѣ впереди себя два судна Турецкихъ, которыя называются фусты, на которыхъ ѣздятъ курсары, т.-е. добыточники, или разбойники морскіе. И мы на фрегадонѣ своемъ, управя пушки къ бою и всякое ружье, поворотили парусы свои прямо къ тѣмъ курсарамъ и сошлись съ ними близко, какъ можно стрѣлять изъ пушекъ; и тѣ курсары поворотили отъ насъ къ берегу и, опасаяся насъ, поставили у себя на фустѣ бандеру, т.-е. знамя подъ гербомъ Венецкой республики подъ образомъ св. Марка, которую бандеру мы усмотря, прошли ихъ мимо, не стрѣляя по нихъ изъ пушекъ, въ ближнемъ разстояніи; а то суть обыкность курсаровъ Турецкихъ, когда не смѣютъ съ кѣмъ биться, тогда выставливаютъ бандеры или знамена христіанскихъ знаковъ.

Того жъ числа за два часа до ночи приплыли мы подъ городъ, который называется Каштельново. Тотъ городъ Венецкой провинціи, отъ города Дубровника 40 миль Ит. Подъ тѣмъ городомъ наѣхалъ я на своихъ Москвичъ на кораблѣ—князь Димитрія и князь Ѳедора Голициныхъ, князь Андрея Репнина, князь Ивана Гагина,

князь Юрія Хилкова, князь Бориса Куракина и иныхъ. Городъ Каштельново самый малый, фортеца каменная и все строеніе въ немъ каменное жъ. Подъ тѣмъ городомъ стоялъ нашъ фрегадонъ тотъ день весь и всю ночь.

Іюня въ 11-й день. На первомъ часу дни поѣхали мы каналомъ отъ города Каштельново. Вѣтеръ былъ самый малый и недобре намъ способный. Того жъ числа въ 6 часу дня приплыли мы къ мѣстечку, которое называется Пераста. То мѣстечко Венецкой державы, живутъ въ томъ мѣстечкѣ Герваты, капитаны морскіе и астрономы и маринары. Домы имѣютъ строенія каменнаго и садовъ имѣютъ много. Отъ того мѣстечка Перасты въ 15 верстахъ и ближе городы и деревни Турецкіе. То мѣстечко Пераста сидитъ между высокихъ горъ, при самомъ каналѣ моря. Въ томъ мѣстечкѣ стоялъ я Іюня до 19 числа. Отъ города Каштельново до Перасты 18 миль Ит. То мѣстечко Пераста въ княжествѣ Албанскомъ и есть въ немъ много Сербовъ, которые суть вѣры Греческой; однако жъ въ томъ мѣстечкѣ Перастѣ церкви Греческой нѣтъ, а есть церкви Греческія по селамъ около того мѣстечка не въ далекихъ мѣстахъ, въ которыхъ селахъ живутъ Сербы Греческой вѣры, а тѣ Сербы подъ державою Венецкою, недавно избѣжали отъ рукъ проклятыхъ бусарманъ, отъ державы Турецкаго салтана и живутъ смежно съ Турецкими городами и съ деревнями. Тѣ Сербы люди военные, подобятся во всемъ Донскимъ казакамъ, говорятъ всѣ Славянскимъ языкомъ, платье носятъ Герватское. Жены ихъ и дочери во всемъ подобны Герватскимъ женамъ въ платьѣ и въ обыкностяхъ и зазоръ отъ мужеска полу имѣютъ и скрываются. Тѣ Сербы хлѣба и живностей и фруктовъ имѣютъ достатокъ, живутъ между великихъ и высокихъ каменныхъ горъ, домы имѣютъ строенія каменнаго, къ Московскому народу зѣло привѣтны и почитательны.

Въ томъ вышеписанномъ мѣстечкѣ Перастѣ стоялъ я въ домѣ капитана морскаго, который называется Виценцо Буевичъ, съ которымъ я съѣхался подъ вышеписаннымъ городомъ Каштельново и былъ у него на кораблѣ, и тотъ Виценцо въ то время просилъ меня о томъ, чтобъ мнѣ, будучи въ Перастѣ, стоять въ его домѣ. И какъ я въ Перасту пріѣхалъ, и того вышепомяненнаго капитана Виценцо братъ двоюродный, Римскаго закону апатъ, именуемый Виценцій же, принялъ меня въ домъ брата своего помяненнаго Виценція съ великою честію и привѣтомъ. Въ томъ домѣ было мнѣ палатъ и кроватей и столовъ и креселъ и стульевъ и всякихъ потребъ довольно, и постеля была для меня изготовлена изрядная. Также тотъ вышепомяненный капитанскій братъ обсылалъ меня

фруктами и живностью и въ свой домъ меня звалъ и всякое почтеніе мнѣ чинилъ съ великимъ привѣтомъ. А тотъ вышепомяненный капитанъ Виценцій служитъ въ Венецкой Рѣчи Посполитой изъ платы, а служба его суть такая. Имѣетъ тотъ капитанъ свой корабль воинскій, на томъ кораблѣ Венецкихъ солдатъ имѣетъ 160 человѣкъ на платѣ Венецкой республики, а за корабль и за свою услугу беретъ отъ князя Венецкаго и отъ всей республики на три мѣсяца по 1600 дукатовъ; и маринеровъ 160 человѣкъ на томъ кораблѣ держитъ тотъ капитанъ изъ той же платы и ходитъ въ томъ кораблѣ непрестанно по морю Венецкой гольфы, ищетъ Турецкихъ судовъ и смотритъ того, чтобъ Турецкихъ людей ни въ какихъ судахъ въ Венецкую гольфу не пропустить, а гдѣ съ Турецкими людьми съѣдется, и онъ съ ними повиненъ биться, и ежели увидитъ свое безсиліе, что Турки его осиливъ, похотятъ взять корабль его, и онъ повиненъ въ кораблѣ своемъ порохъ запалить и самъ и съ кораблемъ пропасть, чтобъ корабль его и Турецкое судно купно сгорѣли и всѣ бъ за едино пропали. И въ томъ капитанъ Виценцій Венецкому князю и всей республикѣ чинилъ присягу.

Іюня въ 12-й день, т.-е. въ день Пятидесятницы, изъ мѣстечка Перасты ѣздилъ я въ село Ризу, гдѣ живутъ Сербы Греческаго закону, и въ томъ селѣ слушалъ святую литургію въ Греческой церкви. Ту святую службу служилъ Сербскій священникъ Славянскимъ языкомъ. Того помяненнаго села Ризы жители приняли меня съ любовью и съ великимъ почтеніемъ и, какъ изъ того села поѣхалъ, проводили меня до моей лодки великимъ многолюдствомъ. Въ той помяненной Греческой церкви имѣютъ нѣкоторыя церковныя книги и Московской печати, также есть и святыя иконы Московскихъ писемъ штилистовыхъ, а завозятъ туды иконы и книги съ Москвы Греки.

Іюня въ 13-й день. Поѣхалъ я изъ Перасты въ лодкѣ въ городъ Катарру, который городъ Венецкой державы, сидитъ подъ высокою горою на концѣ того каналу, въ который мы вошли съ фрегадономъ своимъ противъ города Каштельново. Отъ Перасты тотъ городъ Катарро 6 миль Ит. Въ томъ городѣ Катаррѣ повелѣно было нашего фрегадона капитану отдать сухари Венецкаго князя, которые онъ изъ Венеціи въ Катарру во фрегадонѣ своемъ привезъ, и какъ мы Іюня въ 11 день изъ фрегадона вышли въ Перастъ и того жъ дни фрегадонъ дошелъ до Катарры, а я того фрегадона дожидался въ Перастѣ. А какъ я въ Катарру пріѣхалъ, и того города Катарры губернаторъ встрѣтилъ меня въ городовыхъ воротахъ съ великимъ почтеніемъ и проводилъ меня до Греческой церкви, гдѣ я слушалъ святую литургію, и пошелъ смотрѣть того города

строенія, и тотъ помяненный губернаторъ со мною жъ ходилъ и привелъ меня въ Римскій костелъ, въ которомъ я видѣлъ подъ престоломъ тѣло нѣкоторыя жены убранное въ платье Доминиканскаго закону, только видѣть лицо и руки, имѣющія плоть и жилы и кожу нетлѣнно; а сказываютъ, что по смерти ея до нынѣ 130 лѣтъ. Та жена была Греческаго закону, имя ей Анна, о томъ и Римляне сказываютъ, что она была не ихъ вѣры; а отняли то ея тѣло Римляне у Грековъ для того, что Греки того мѣста которые живутъ подъ властью Римлянъ. Изъ того костела пошелъ я до остаріи, гдѣ, обѣдавъ, пошелъ изъ города, и губернаторъ того мѣста проводилъ меня до городовыхъ воротъ съ великою любовью, и я изъ города Катарры поѣхалъ послѣ обѣда тою жъ лодкою паки до Перасты. Городъ Катарро имѣетъ фортецу каменную и зѣло крѣпкую; половина той фортецы есть при водѣ на ровномъ мѣстѣ, а другая половина обведена по горѣ высоко для того, что имѣютъ опасеніе отъ приходу по землѣ Турецкихъ людей. Отъ той Катарры живутъ Турки въ ближнихъ мѣстахъ, верстахъ въ 6 и ближе, и всегда у Катарцевъ и у Перастянъ съ Турками бываютъ бои, и часто бываетъ перемирье, когда, помирясь, имѣютъ между собою и торги.

Также и помяненный капитанъ Виценцій, отстоя на морѣ уреченные мѣсяцы, за которые возьметъ плату отъ Венеціанъ, тогда вольно ему ѣхать въ Турецкія мѣста для торговъ и, пріѣхавъ въ Турецкіе городы, свободно съ Турками пребываетъ и торгуетъ; также и на морѣ, съѣхався съ Турецкими людьми въ судахъ и бився съ ними, учинитъ перемирье и поѣдетъ на Турецкіе суды, и Турки пріѣдутъ къ нему на корабль, гдѣ другъ друга повинны подчивать, и такъ съ миромъ разъѣзжаются по своимъ дорогамъ, на чемъ положатъ между собою трактаты.

Близко помяненныхъ мѣстъ Катарры и Перасты живутъ вольные люди, которые называются Черногорцы. Тѣ люди суть вѣры христіанской, языка Славянскаго и есть ихъ немалое число, никому не служатъ, временемъ войну точатъ съ Турками, а временемъ воюются съ Венетами.

Іюня въ 19-й день, за часъ до свѣту, поплыли мы изъ подъ Перасты на своемъ фрегадонѣ тѣмъ же каналомъ, которымъ и къ Перастѣ плыли, и того жъ числа въ 4-мъ часу дня приплыли паки подъ городъ Каштельново. И близко того города былъ я въ церкви Греческой, гдѣ видѣлъ мощи святыя: рука царицы Елены, матери царя Константина, перстъ апостола Ѳомы, перстъ апостола Варнавы. При той церкви живетъ митрополитъ Греческаго закону, у него подъ властью немало есть епархій въ Сербскомъ народѣ. Тѣ

Сербы всѣ говорятъ Славянскимъ языкомъ и службы святыя въ церквахъ совершаютъ Славянскимъ языкомъ, и во многихъ мѣстахъ у тѣхъ Сербовъ святыхъ иконъ письма и книгъ печати Московской много. Отъ того города Каштельново недалеко пребываетъ другой митрополитъ Греческой же вѣры и тотъ въ Сербскомъ же народѣ имѣетъ въ своей епархіи Греческихъ церквей немало-жъ, а поставляются тѣ оба митрополиты отъ благочестиваго патріарха Сербскаго, который есть Греческой вѣры и пребываетъ въ городѣ Будимѣ подъ властью цесаря Римскаго. И подъ тѣмъ городомъ Каштельново стояли мы тотъ день весь, для того что имали къ себѣ на фрегадонъ прѣсную воду и прибавливали во фрегадонъ саворны, для того что изъ подъ того города Каштельново потребно намъ было отъѣзжать чрезъ все Венецкое море до города Барлета или до города Бара, во область Гишпанскаго короля; также убирались съ пушками и съ ружьемъ, для того что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ намъ надлежалъ путь до Барлета или до Бару, всегда бываютъ Турецкіе люди въ корабляхъ и галерахъ, также и курсары на фустахъ и на иныхъ судахъ. Въ томъ времени проведиторъ города Каштельнова прислалъ ко мнѣ винъ разныхъ въ сулеяхъ и мушкателей, а самъ со мною не видался.

Того жъ Іюня въ 19-й день, во второмъ часу ночи, изъ подъ города Каштельново пошли мы въ надлежащій свой путь; вѣтръ былъ намъ способный, только жъ гораздо малъ, которымъ мы не могли изъ порту выйтить, а тянули фрегадонъ въ баркѣ канатомъ и вышли изъ порту съ трудомъ; также и на морѣ вѣтръ былъ зѣло малъ, которымъ мы въ ту во всю ночь ушли отъ города Каштельнова 10 миль Итальянскихъ.

Іюня въ 20-й день съ перваго часа дни шли весь день такъ же, вѣтръ былъ намъ способный, только жъ зѣло малъ, которымъ фрегадонъ нашъ скоро идтить не могъ, а въ иные часы была и бонація, т. е. безвѣтріе, которые часы стоялъ нашъ фрегадонъ на одномъ мѣстѣ и не могъ идтить нимало. И всего съ перваго часу дни по отдачу часовъ денныхъ ушли мы 20 миль Итальянскихъ, и на томъ мѣстѣ обмеркло, а съ перваго часу ночи началъ вѣтръ быть хотя нашему пути и недобре способенъ, однакожъ не малъ, которымъ мы бѣжали всю ту ночь и убѣжали до свѣту 70 миль Ит.

Іюня въ 21-й день. На первомъ часу того дня видѣть намъ была въ лѣвой сторонѣ земля державы Турецкаго салтана, которая называется Албанія; потомъ, какъ мы ту землю пробѣжали, почало быть видно съ правой стороны земля державы Гишпанскаго короля, которое мѣсто называется св. Ангела, гдѣ древлѣ сотворилъ чудо

архистратигъ Михаилъ, испустилъ изъ камня воду. Того Іюня съ 21-го дни вѣтръ намъ былъ съ перваго часа дня недобре способенъ, однакожъ немалый, которымъ бѣжали мы до полудня того и поровнялись противъ горъ, на которыхъ горахъ церковь во имя чудесъ архангела Михаила, а подъ тѣми горами городъ Гишпанскаго короля, который называется Мамфредонъ. И съ полудня вѣтеръ почалъ быть малъ, которымъ нашъ фрегадонъ шелъ тихо, и почали тамъ быть видны черни Гишпанскихъ береговъ, на которыхъ городъ Барлетъ или Баръ, и тѣмъ вѣтромъ малымъ плыли мы съ полудня до 10 часовъ того дня, а въ 10-мъ часѣ дня вѣтръ намъ былъ недобре способенъ, однакожъ не малъ, и тѣмъ вѣтромъ шли мы отъ 10-го часа по 16-й часъ, а въ 16-мъ часѣ того дня приплыли мы въ Гишпанію, подъ Гишпанскій городъ, который между Барлетомъ и Баромъ, а называется тотъ городъ Трани. Отъ того городу Катарру по берегу морскому есть два города Гишпанскихъ же, которые имянуются Бижели и Мальжета. Отъ Мальжеты недалеко на томъ же берегу моря городъ Баръ. И того Іюня 21-го дня съ перваго часу по 16-й часъ ушли мы всего 30 миль Ит. и подъ тѣмъ вышепомяненнымъ городомъ Трани поставили мы свой фрегадонъ на якорѣ въ морѣ, для того что подъ тѣми городами, которые межъ Барлету и Бару, и въ самомъ Барѣ порту, т. е. пристанища судамъ, нѣтъ, а ставятся суды подъ тѣми городами, которые къ нимъ приходятъ на морѣ, потому что въ томъ мѣстѣ можетъ якорь задержатися о землю.

Городъ Трани стоитъ при самомъ морѣ, фортеца каменная и немалая и строеніе домовное все каменное жъ, около его много садовъ и виноградовъ; и отъ того города Трани по берегу морскому до города Бижели и кругомъ города, также и отъ города по тому жъ берегу морскому до города Мальжета и кругомъ того города, и отъ того города по берегу жъ моря до самаго Бару и кругомъ Бару садовъ и виноградовъ множество жъ, и между тѣхъ виноградовъ и садовъ много домовъ строенія каменнаго. Подъ тѣмъ городомъ, который зовется Трани, стояли мы Іюня до 22-го числа. Вышепомяненные Гишпанскіе городы Барлетъ и Бижели и Мальжета стоятъ при самомъ же морѣ, фортецы каменныя и строеніе въ нихъ домовное и костелы каменные жъ, и разстояніе между нихъ не дальнее, а по берегу морскому между тѣхъ всѣхъ городовъ построены башни каменныя, башня отъ башни сажень по 100, а построены тѣ башни для опасенія отъ Турецкихъ людей и отъ курсаровъ, потому что Турецкіе городы отъ тѣхъ вышепомяненныхъ Гишпанскихъ городовъ въ самыхъ ближнихъ мѣстахъ.

Іюня въ 22-й день. За два часа до свѣту пошли мы съ того мѣста, гдѣ стояли, къ городу Бару. Вѣтръ былъ намъ способный и немалый, и въ 3-мъ часу того дня приплыли мы подъ городъ Баръ и, не пошедъ въ Баръ, т. е. въ пристанище, стояли мы противъ города Бару на морѣ безъ якоря, для того что тотъ портъ, еже есть пристанище, капитану и астроному и маринарамъ нашего фрегадона суть незнаемъ, и опасались въ него войтить, чтобъ не разбить фрегадона; а на морѣ противъ города Бару якоря кинуть было невозможно, для того что въ томъ мѣстѣ дно морское каменисто, и якорь не можетъ тутъ задержатися. И стоя мы на томъ мѣстѣ, послали отъ себя въ городъ Баръ одного человѣка съ практикою, т. е. съ листомъ, который листъ взялъ я себѣ для проѣзду изъ Рагузскаго княжества изъ города Дубровника, и губернаторъ города Бару поволилъ мнѣ въ Баръ ѣхать, и за тѣмъ позволеніемъ пріѣхавъ я въ Баръ, сталъ на постояломъ дворѣ, что поитальянски называется остарія. Та остарія называется Маркандони ди Санъ-Марко, близко пляца. Въ ту остарію прислалъ ко мнѣ Барскій губернаторъ человѣка, велѣлъ меня привѣтовать и просить о томъ, чтобъ я къ нему по времени пришелъ въ домъ. Того жъ числа по обѣдѣ, какъ почали благовѣстить на весперъ, т. е. къ вечерни, и я пошелъ въ Римскую церковь, въ которой лежатъ мощи великаго архіерея Христова Николы. У той церкви въ дверяхъ встрѣтили меня попы Римскіе, которые называются канонники. Та церковь каменная, великая, сдѣлана по обыкновенію западныхъ церквей; въ той церкви настоящій престолъ во имя Чудотворца Николы, и иныхъ престоловъ въ той церкви много, какъ обыкновенно быть въ Римскихъ костелахъ. Въ томъ же костелѣ много столповъ каменныхъ, на которыхъ сдѣланы кругомъ того костелу внутри хоры. Подъ алтаремъ той церкви въ землѣ низко сдѣлана церковь Римская жъ, въ которой лежатъ святыя и чудотворныя мощи святителя Николая. Въ ту церковь изъ вышепомяненной великой церкви два схода, въ которыхъ подѣланы лѣстницы каменныя, широкія. Въ той нижней церкви на срединѣ сдѣланъ алтарь Римскій во имя Чудотворца Николая, весь серебрянный литой, на которомъ со всѣхъ сторонъ сдѣланы изъ серебра образы чудесъ Чудотворца Николы. Поверхъ того престола сдѣланъ осьми-угольный амвонъ серебрянный же литой, въ двѣ ступени въ высоту, на томъ амвонѣ поставленъ образъ великаго Николы поясной, вылитъ изъ серебра; праву руку имѣетъ благословенную, а въ лѣвой рукѣ держитъ святое Евангеліе, зѣло украшено каменіемъ изряднымъ: алмазы, яхонты, изумруды, лалы. Поверхъ того Евангелія сдѣланы три яблока

круглыя золотыя въ образъ чудеси чудотворцева, какъ отцу трехъ дѣвицъ, хотящему отдати на бракъ скверный, три узла подалъ злата и отъ смертельнаго блуднаго грѣха тѣхъ трехъ дѣвицъ избавилъ. Подъ тѣмъ вышеписаннымъ алтаремъ въ землѣ низко лежатъ мощи чудотворныя великаго іерарха Николы покрыты единымъ каменемъ мраморнымъ. На томъ камнѣ сдѣлано едино окно малое, круглое, и, когда кто хощетъ видѣть его святыя чудотворныя мощи, тотъ повиненъ войтить подъ престолъ въ окно, на то устроенное, и смотрѣть внизъ въ то вышепомяненное круглое окно; а въ то окно каноникъ, влѣзши подъ алтарь, опуститъ внизъ, надъ самыя чудотворныя мощи серебрянный небольшой шандалъ со возженною свѣчею на серебрянной чѣпи, и въ то вышеписанное круглое окно видѣть св. Чудотворца Николая кость отъ ноги, которая суть лежитъ вся потоплена въ мѵрѣ, исходящемъ отъ пресвятыхъ его мощей, и поверхъ той кости святой стоитъ святое мѵро, видомъ подобно чистому маслу. Въ ту низкость, гдѣ его святыя мощи лежатъ, никто не входитъ отнюдь, а мѵро святое достаютъ той церкви каноники такимъ поведеніемъ: навяжутъ едину губу на серебрянный жезлъ, на то устроенный, и опустятъ въ вышепомяненное круглое окно со свѣчею, и ту губу, напоивши святымъ мѵромъ, исходящимъ отъ чудотворныхъ мощей, вынявъ оттуду, выжмутъ въ сосудъ и паки такъ же чинятъ и сколько потребно, столько возьмутъ, а мѵро святое никогда не оскудѣваетъ. И то святое мѵро канонники той церкви требующимъ раздаютъ безъ возбраненія, кто сколько похочетъ взять, и безъ цѣны; и множественное число того святого мѵра разбираютъ на всякій день пріѣзжіе молебщики, однакожъ никогда не умаляется исходити отъ чудотворныхъ мощей, и весь міръ тѣмъ святымъ мѵромъ Чудотворца Николая преизобилуетъ и освящается; и всегда то святое мѵро въ церкви чудотворцевой держитъ одинъ канонникъ въ серебрянномъ сосудѣ и помазуетъ приходящихъ неоскудно. Когда то святое мѵро раздаваемо бываетъ требующимъ и влито въ скляницы, тогда является видомъ подобно чистой водѣ, и даютъ то святое мѵро приходящимъ пить неоскудно.

Въ той нижней церкви еще четыре алтаря по сторонамъ чудотворцева алтаря, построены по два алтаря; а на правой сторонѣ у стѣны сдѣлана одна шкатула деревянная, рѣзной работы, золоченая, мѣрою въ длину полтора аршина, а въ ширину аршинъ, въ высоту трехъ четвертей. Въ той шкатулѣ поставленъ деревянный ларецъ — тотъ, въ которомъ привезены въ Баръ изъ города Мира мощи Чудотворца Николы. Въ той нижней церкви есть 24 столпа аспидныхъ, на которыхъ утвержденъ той церкви входъ; а близко

алтаря Чудотворца Николы сдѣланы своды изряднымъ мастерствомъ изъ гипсу Итальянскою работою.

Въ той же церкви на правой сторонѣ есть одинъ столпъ желтаго аспиду, который стоялъ при мощахъ св. Николы въ городѣ Мирѣ, и по принесеніи его святыхъ мощей тотъ столпъ приплылъ моремъ въ городъ Баръ и нынѣ стоитъ въ той же нижней церкви, отъ котораго столпа, сказываютъ католики, и нынѣ молитвами Чудотворца Николы бываютъ чудеса вѣрующимъ, и огороженъ тотъ столпъ желѣзными рѣшетками вокругъ. Въ той же нижней церкви лампадъ серебрянныхъ великихъ и малыхъ больше ста. Та нижняя церковь сдѣлана въ землѣ, однакожъ свѣтлость въ ней изрядная: на двухъ стѣнахъ сдѣлано по четыре окна немалыхъ, а на третьей стѣнѣ позади алтаря чудотворцева сдѣлано одно окно великое. Та церковь не длинна, а широка зѣло.

По правую сторону чудотворцева алтаря есть одни двери, которыми входятъ въ притворъ, который сдѣланъ для храненія св. мvра. Въ томъ притворѣ подѣланы многіе шкафы, въ которыхъ стоитъ много великихъ скляницъ со святымъ мvромъ. Въ той нижней церкви противъ того мѣста, гдѣ лежатъ чудотворныя мощи великаго святильника Николы, у стѣны поставлены арганы великіе, и во время праздниковъ въ той церкви играетъ музыка на арганахъ и на иныхъ разныхъ мусикійскихъ инструментахъ. Изъ той нижней церкви паки вошелъ я въ верхнюю великую церковь; въ той верхней церкви своды устроены изряднымъ мастерствомъ изъ гипсу. Изъ той великой церкви по лѣвую сторону настоящаго алтаря пошелъ я вверхъ въ притворы, въ которыхъ показывали мнѣ святыхъ мощей и богатствъ всякихъ костельныхъ много.

Вначалѣ показали крестъ, сдѣланъ изъ самаго дерева креста Христова, потомъ одинъ гвоздь отъ терноваго Христова вѣнца, обагренный спасительною пречистою Его кровью.

Часть губы, которою напоили проклятые Іудеи Господа славы во время спасительной Его страсти на крестѣ оцтомъ.

Власы Пресвятыя Богородицы.

Часть мощей святаго Василія Великаго.

Часть мощей архидьякона Лаврентія, которымъ когда кто прикоснулся устами медленно, услышитъ отъ нихъ теплоту немалую, которое то чудо и я сподобился видѣть.

Часть одежды Пречистыя Дѣвы Маріи Богородицы, которую носила на пречистомъ Своемъ тѣлѣ.

Рука св. апостола Ѳомы. Часть мощей мученика Севастьяна.

Рука св. апостола Іакова, брата Господня.

Часть отъ руки св. апостола Іакова Алфеева.

Кости младенецъ, избіенныхъ отъ Ирода во время рождества Христова. Часть отъ главы св. Власія Севастійскаго.

Часть мощей св. мученика Бонифація и иныхъ св. мощей много, которыхъ нынѣ подробну описать для продолженія времени оставляю.

Въ той сосудохранительницѣ, или въ притворѣ, стоитъ образъ Чудотворца Николы въ мѣру возраста его, письма древняго Греческаго, и отъ многихъ лѣтъ теменъ, съ котораго образа пишутъ въ Барѣ св. иконы Чудотворца Николы власно тѣмъ подобіемъ, какъ написанъ тотъ святой вышепомяненный образъ; а привезенъ тотъ образъ въ Баръ вкупѣ съ мощами Чудотворца Николы и написанъ Чудотворецъ Никола на той святой иконѣ весь стоящій, правую руку имѣетъ благословенную, а въ лѣвой рукѣ держитъ святое Евангеліе, на которомъ написаны три златника во образъ того чудеси, какъ писалъ я о томъ въ сей книгѣ выше; а сказываютъ, что тотъ образъ писанъ съ самого чудотворцова лица, когда Чудотворецъ Никола былъ живъ.

Въ томъ же притворѣ показывали мнѣ многія одежды архіереевъ Римскихъ низанныя и шапки низанныя Римскихъ же архіереевъ и двѣ подушки низанныя, которыя въ Баръ въ чудотворцеву церковь прислала въ дарахъ королева Польская; и иные уборы церковные въ томъ притворѣ показывали мнѣ многіе. И какъ я изъ того притвору хотѣлъ идтить къ себѣ во остарію, гдѣ стоялъ, въ то время губернаторъ города Бара прислалъ ко мнѣ просить о томъ, чтобъ я къ нему пришелъ въ домъ, и одинъ канонникъ церкви Чудотворца Николая пошелъ со мною провожать меня до двора губернатора. И какъ я въ домъ губернаторовъ вошелъ, и меня самъ губернаторъ встрѣтилъ на лѣстницѣ и съ великимъ почтеніемъ принялъ меня до своихъ палатъ, гдѣ я съ нимъ немного времени посидѣлъ и пошелъ отъ него до остаріи, въ которой стоялъ, и тотъ губернаторъ проводилъ меня изъ дому даже за ворота; и какъ я отъ него пошелъ къ себѣ, и вышепомяненный канонникъ проводилъ меня ко мнѣ во остарію, и въ томъ часѣ вышепомяненный губернаторъ съ иными—Гишпанскою шляхтою—пришелъ ко мнѣ во остарію, гдѣ я стоялъ, и сидѣли у меня часъ довольный; потомъ просилъ меня, чтобъ я у него обѣдалъ Іюня въ 24-й день, которое его желаніе обѣщалъ я учинить по его волѣ.

Іюня въ 23-й день. Въ пятомъ часу дня пошелъ я паки до церкви св. Николы, гдѣ меня дожидались къ обѣдни Римскіе канонники, и, шедъ я къ той церкви, купилъ себѣ два погребца со скляницами на святое муро, истекающее отъ мощей іерарха чуднаго

Николы, которые погребцы канонники той церкви немедленно мнѣ наполнили святымъ чудотворнымъ мνромъ, и съ тѣмъ великимъ даромъ, прочитавъ у чудотворцевыхъ мощей акаѳистъ, паки пошелъ во остарію, въ которой стоялъ.

А какъ я со фрегадона въ Баръ поѣхалъ и капитану фрегадона своего, на которомъ я ѣхалъ, за провозъ золотые червонные заплатилъ, и капитанъ, почитая меня, со фрегадона своего стрѣлялъ изъ пушекъ. И того жъ числа тотъ фрегадонъ изъ подъ города Бару поплылъ паки въ Далмацію въ городъ Корсуль, а я остался въ Барѣ.

Городъ Баръ стоитъ при самомъ морѣ, фортеца каменная и немалая, сдѣланъ новою модою, съ бельвардами, и на бельвардахъ есть пушекъ великихъ и малыхъ достатокъ.

Въ городѣ Барѣ строеніе домовное и костелы и монастыри каменные и изрядные. Домъ губернаторовъ сдѣланъ на городовой стѣнѣ, при самомъ морѣ, зѣло на веселомъ мѣстѣ. Въ Барѣ живетъ арцибискупъ Римской вѣры, небогатъ гораздо. Городъ Баръ многолюденъ, народъ въ немъ Гишпанскій, говорятъ по-итальянску, однакожъ съ Венеціанами и съ Римлянами въ языкѣ имѣютъ малую нѣкоторую дифференцію, т. е. ровницу; платье носятъ Гишпанской моды.

Лавокъ и въ нихъ товаровъ въ Барѣ немного, также и мастеровыхъ всякихъ людей малое число.

Губернаторъ Барскій изъ Неаполя Гишпанецъ, породы дворянской, носитъ на себѣ кавалерскій крестъ.

И стоялъ я въ Барѣ Іюня до 25-го числа, наймовалъ себѣ фурмана; и какъ я на фрегадонѣ въ Баръ пріѣхалъ и съ него сошелъ, и капитанъ того фрегадона Иванъ Карстели далъ мнѣ свидѣтельствованный листъ о бытности моей на морѣ и о наукѣ, а въ немъ пишетъ сице:

„Дня 22-го Іюня лѣта 1698-го, въ Барѣ.

„Я, капитанъ Иванъ Карстели, чиню вѣру всѣмъ, а особливо кому надлежитъ вѣдать, нынѣшнимъ листомъ, что въ нынѣшнемъ лѣтѣ дворянинъ Московскій Петръ Андреевичъ купно съ солдатомъ Иваномъ Стабуринымъ былъ на моемъ фрегадонѣ и ѣздилъ по морю Венецкой гольфы даже до границъ княжества Рагузскаго и до Рагузы, до города Дубровника и отъ того мѣста имѣлъ желаніе ѣхать на моемъ же фрегадонѣ до городовъ Каштельнова и до Перасты и даже до Катарры, которые городы граничатъ съ городами Турецкими, и желалъ видѣть Турковъ на морѣ на ихъ боевыхъ корабляхъ, чтобы съ ними биться. И какъ скоро отъѣхали, встрѣтились съ

двумя фустами Турецкими, въ которыхъ обрѣталось Турковъ въ достатокъ. И въ тотъ часъ по милости Божіей пришелъ на насъ вѣтръ потребный, съ которымъ вѣтромъ стали мы въ урядѣ до битвы съ вышепомяненными Турками, которые, видя свое безсиліе, утекли къ берегу, а мы для нѣкоторыхъ мелкихъ мѣстъ не могли ихъ угонить совершенно на конецъ мѣста. А потомъ пріѣхали мы до мѣста Катарры, которая граничитъ съ Турками, гдѣ стояли мы 6 дней, и тамъ за безсчастіемъ нашимъ не могли мы встрѣтить и видѣть Турецкаго корабля и, чтобъ мы не стояли, отъѣзжалъ. Но поѣхали мы въ государство Гишпанское даже до самаго Бару чрезъ всю Венецкаго моря гольфу и желали всегда встрѣтитися съ кораблями Турецкими, чего и тамъ учинить не могли, и были отягчены отъ фортуны морской, въ которой имянованный дворянинъ Московскій купно съ солдатомъ всегда были не боязливы, стоя и опираяся злой фортунѣ. А потомъ, сошедшись съ моего корабля, поѣхать желалъ изъ Бару до Неаполя чрезъ землю, желая ѣздить по морю въ томъ кораблѣ, для того что я не могъ въ такіе дальніе краи плыть на моемъ фрегадонѣ."

„Для увѣренія за капитана Ивана Карстели я, капитанъ морской Иванъ Лазаревичъ, подписуюся на его мѣсто, для того что онъ писать не умѣетъ."

У того подлиннаго листа печать капитана морского Ивана Карстели изображена на красномъ воску.

А по пріѣздѣ моемъ въ Венецію паки тотъ вышеписанный листъ объявленъ въ канцеляріи св. Марка и подписанъ сице: „Чиню вѣру я, публичный ноторъ, т. е. писарь, яко велебный ксендзъ, Антони Пасадорскій, Полякъ закону Доминиканскаго, и капитанъ морской Ангелъ Каподоровъ, видя вышеписанное письмо чрезъ меня канцлера имъ показанное, признали и подтвердили съ присягою, т. е. помяненный ксендзъ Пасадорскій, приложивши руку до персей своихъ по обыкновенію капланскому, т. е. священническому, а капитанъ Ангелъ вышепомяненный, доткнувшися письма въ рукахъ моихъ, признали истинное и власное письмо Ивана Лазаревича, капитана морского, и тожъ вѣдая и зная имѣть совершенное познаніе и практику въ его характерѣ и письмѣ".

„Дано въ Венеціи того дня 28-го мѣсяца Октября, для чего я, Винценціушъ Винценци, господина Яна Геронима сынъ урожденный, купецъ Венецкій и публичный Венецкій канцлеръ, о томъ прошенный, для вѣры подписался и означилъ."

Изъ канцеляріи св. Марка данъ листъ на свидѣтельство сего вышеписаннаго капитанскаго листа, а въ немъ пишетъ сице: „Силь-

вестръ Валерій, Божіею милостію князь Венецкій, всякому и всѣмъ особливо такъ пріятелямъ, яко и вѣрнымъ нашихъ листовъ видящимъ, ознаймуемъ. Винценца Винценцій подъ днемъ 28-мъ бѣжащаго запросилъ о аттестаціи, т. е. о свидѣтельствованіи Ивана Лазаревича такъ имянованнаго, что въ ней есть ноторъ, или писарь Венецкій доброй славы и доброй опиніи, о которой публичными письмами туто и вездѣ полную имѣетъ брати вѣру. Дано суть въ нашемъ княжескомъ домѣ въ княжеской палатѣ дня 28-го Октября индикта седьмого, лѣта Господня 1698."

Тотъ листъ, который данъ въ Венеціи на свидѣтельство капитанскаго листа писанъ на пергаментѣ. Печать у того листа свинцовая; на ней изображенія: на одной сторонѣ образъ св. Евангелиста Марка, а на другой сторонѣ изображена персона Венецкаго принципа, т. е. князя. А писаны тѣ листы—вышепомяненный капитанскій и свидѣтельствованный Венецкій—оба Итальянскимъ языкомъ, а не Латинскимъ.

Стоя въ вышеписанной остаріи, платилъ хозяину за постоялое и за пищу и за постелю по 10 карлиновъ Гишпанской монеты, а тѣхъ карлиновъ даютъ за червонный золотой по 24 карлина.

Въ Барѣ деньги ходятъ Гишпанской монеты, шкуды, филипы, карлины, граны, сольды. Во всякомъ карлинѣ по 10 грановъ, а всякій гранъ ходитъ за двѣ сольды.

Іюня въ 23-й день по обѣдѣ ходилъ я гулять по городовой стѣнѣ и пришелъ къ верхнему городу, который называется Итальянскимъ языкомъ Каштельо. Въ тотъ верхній городъ меня безъ позволенія кастелянскаго не пустили и послали до кастеляна тотчасъ одного солдата, который, скоро ко мнѣ поворотясь, отворилъ мнѣ ворота, и повелъ меня одинъ Барскій житель дворянской породы по всему тому верхнему городу.

Въ томъ верхнемъ городѣ въ городовой стѣнѣ подѣланы избы солдатамъ, которые тутъ живутъ съ женами и съ дѣтьми. Тѣ солдаты въ томъ верхнемъ городѣ стоятъ на гварди, т. е. на караулѣ; а тѣхъ солдатскихъ домовъ въ верхнемъ городѣ 36 домовъ, да въ томъ же городѣ домъ кастеляновъ, а иныхъ жителей въ томъ верхнемъ городѣ никого нѣтъ.

Тотъ верхній городъ величествомъ гораздо малъ; домъ построенъ въ немъ кастеляну вновь зѣло великъ изряднымъ мастерствомъ и палатъ зѣло много. Между палатами сдѣлана каплица, т. е. малая Римская церковь, въ которой алтарь Римскаго святого Франциска. Въ томъ домѣ многія палаты еще и не отдѣланы, въ которыхъ строятъ подволоки и иные уборы изряднымъ мастерствомъ. Въ томъ же

домѣ живетъ вышепомяненный кастелянъ и есть онъ князь Гишпанскій нѣкотораго своего владѣтельства. Недалеко отъ того верхняго города домъ арцибискупа Барскаго зѣло великъ и строенъ, сдѣланъ при самой соборной церкви, которая соборная Барская Римская церковь не мала, а строенія хорошаго въ ней нѣтъ. Подъ алтаремъ той церкви есть образъ Пресвятыя Богородицы Греческаго письма, принесенъ въ Баръ изъ Константинополя, сказываютъ, письма Луки Евангелиста.

Іюня въ 24-й день. Поутру рано паки пошелъ я къ мощамъ св. Чудотворца Николы въ нижнюю церковь, въ которой надъ алтаремъ Чудотворца Николы сдѣланъ сводъ изъ серебрянныхъ досокъ литыхъ предивнымъ мастерствомъ и богатствомъ великимъ. Того жъ числа обѣдалъ я въ Барѣ у помяненнаго губернатора; со мною у него обѣдали дворяне Гишпанскіе и канонники. Тотъ губернаторъ учтилъ меня зѣло изрядно и, какъ я отъ него пошелъ, проводилъ меня со всѣми при немъ будучими за ворота дома своего съ великою любовью.

Фурмановъ нанялъ я отъ Бару до Неаполя, далъ за коляску 10 дукатовъ; у той же коляски назади поставилъ сундукъ мой со всякими моими вещами за той же платою.

Въ Барѣ есть монастырь Езувитскій и иные монастыри разныхъ законовъ. А у костела, въ которомъ лежатъ мощи Чудотворца Николы, пребываютъ канонники, и есть ихъ при той церкви 42 человѣка.

Іюня въ 25-й день. Поѣхалъ я изъ Бары въ коляскѣ. И пріѣхалъ къ Гишпанскому городу, который стоитъ при морѣ и называется Джовенацо, отъ Бару 12 миль Ит. Тотъ городъ не великъ, фортеца и все строеніе въ немъ каменное. По дорогѣ отъ Бару до того города по обѣ стороны сады, въ которыхъ плодовитыхъ всякихъ деревъ и виноградовъ множество, и жилыхъ мѣстъ по той дорогѣ много жъ. Въ томъ городѣ я не стоялъ, проѣхалъ мимо и пріѣхалъ въ городъ Мальжету, отъ Бару 15 миль Ит. Въ томъ Мальжетѣ стоялъ я въ остаріи и обѣдалъ. Городъ Мальжета не малъ, фортеца и все строеніе каменное, стоитъ при морѣ; въ томъ городѣ зѣло много елею, т. е. масла деревяннаго и, обѣдавъ въ той остаріи, поѣхалъ и пріѣхалъ къ городу Бижели. Тотъ городъ Бижели стоитъ при морѣ, фортеца изрядная и строеніе все каменное жъ, отъ Мальжеты 6 миль и, не стоя въ томъ городѣ, проѣхалъ его и пріѣхалъ къ городу Трани, отъ Бижели 4 мили Ит. Тотъ городъ Трани стоитъ при морѣ, фортеца и строеніе въ немъ каменное и, не стоявъ въ томъ городѣ, пріѣхалъ ночевать въ городъ Барлетъ.

Тотъ городъ Барлетъ отъ города Трани 6 миль Ит. Городъ Барлетъ стоитъ при морѣ и суть великъ и строенъ, фортеца изрядная каменная, домовъ строенія изряднаго каменнаго въ Барлетѣ много, также монастырей и церквей каменныхъ немало. Въ Барлетѣ при одной церкви сдѣланъ замокъ каменный невеликъ, регулярный и квадратовый, т. е. ровный четвероугольный изрядный. Городъ Барлетъ многолюденъ. Отъ вышепомяненнаго города Мальжеты до Барлета много по дорогѣ жилыхъ мѣстъ и садовъ оливныхъ и виноградовъ множество. Отъ Бару до Барлета вышеписанные городы всѣ державы Гишпанскаго короля.

Іюня въ 26-й день. Изъ Барлету пріѣхалъ я въ 5-мъ часу дня въ остарію, которая называется Делячиринелля, отъ Барлету 18 миль Ит. По дорогѣ отъ Барлету до той вышепомяненной остаріи садовъ никакихъ нѣтъ и жилья мало, только много хлѣба жатаго, мѣста полистыя и стада есть конскія и быковъ много. Скотина тутъ, быки и коровы, зѣло велики. И пшеницу молотятъ быками. Въ той остаріи стоялъ я того Іюня 26-го дня до 23-го часа по Итальянскимъ часамъ, а по Московскому до 16-го часа, и на послѣднемъ часу того дня изъ той остаріи я поѣхалъ и ѣхалъ всю ночь, а на первомъ часу дня Іюня 27-го пріѣхалъ въ остарію, которая называется Порта Дебовина, отъ вышеписанной остаріи 24 мили Ит. Въ той остаріи стоялъ я Іюня въ 27-й день до ночи. Въ томъ мѣстѣ по дорогѣ все лѣса и дорога гладкая. Изъ той остаріи Понта Дебовина поѣхалъ за два часа до ночи и ѣхалъ 4 часа ночи, сталъ на дорогѣ, лошадей мало покормилъ и напоилъ изъ фонтаны, которая фонтана для покою проѣзжихъ сдѣлана на дорогѣ, и паки поѣхалъ съ того мѣста и пріѣхалъ въ отдачу часовъ ночныхъ въ остарію, которая называется Ротаминарда, отъ вышеписанной остаріи Порта Дебовина 24 мили Ит. По той дорогѣ много лѣсовъ, дубнику, клену, березы, осины. Дорога зѣло не гладка, növениста и горы немалыя; по той дорогѣ видѣлъ я ночью множество мухъ огнистыхъ, летающихъ по лѣсамъ и по хлѣбамъ и по дорогѣ. И стоялъ я въ остаріи Ротаминарда Іюня въ 28-й день съ перваго часа до 13-го. Тѣ всѣ остаріи отъ Бару до Неаполя Гишпанскія, и зѣло скудно въ нихъ бываетъ пищею, а паче жъ нѣтъ рыбы и фруктовъ, т. е. гроздія, и за дорогую цѣну рыбы не съищешь, гдѣ былъ я не съ малою нуждою голода. По той дорогѣ по лѣсамъ подѣланы домы каменные, въ которыхъ бываютъ непрестанно солдаты для сторожи отъ воровскихъ людей.

Іюня въ 28-й день въ 13-мъ часу изъ той остаріи Ротаминарда я поѣхалъ и ѣхалъ во всю ночь и пріѣхалъ въ 29-й день въ остарію,

которая называется Кардинала, на первомъ часу дня, отъ остаріи Ротаминарда 26 миль Итальянскихъ.

По той дорогѣ много лѣсовъ есть и пашни, и дорога гориста, а по пашнямъ сѣютъ пшеницу, ячмень и овсы. И въ той вышеписанной остаріи Кардиналѣ стоялъ я до 10 часа дня, а въ 10-мъ часу изъ той остаріи поѣхалъ и пріѣхалъ на послѣднемъ часу того дня въ городъ Неаполь. По той дорогѣ по обѣ стороны сады, въ которыхъ много деревъ всякихъ плодовитыхъ, а паче много виноградовъ, которыми оплетены великія деревья. По той же дорогѣ отъ остаріи Ротаминарда до Неаполя много жилья, строеніе каменное и во многихъ мѣстахъ караулы.

Не доѣзжая Неаполя за милю или за двѣ, подѣланы по обѣ стороны дороги и на срединѣ дороги многія фонтаны изряднымъ мастерствомъ, изъ которыхъ вытекаютъ чистыя изрядныя воды для потребъ всякимъ проѣзжимъ людямъ.

Не доѣзжая Неаполя за двѣ мили Ит. на лѣвой сторонѣ есть гора зѣло высока, которая непрестанно отъ сотворенія свѣта горитъ, и въ день отъ той горы великій курится дымъ, а ночью бываетъ видѣть и огонь; и такъ, сказываютъ, всегда безпрестанно горитъ и не угасаетъ никогда ни на малое время. Пріѣхавъ въ Неаполь, стоялъ я въ остаріи, которая называется Алля Коліомба Доро, т.-е. подъ золотымъ голубемъ. Въ той остаріи отвели мнѣ камору изрядную, въ которой была кроватъ изрядная золоченая и постеля съ бѣлою простынею; и платилъ я въ той остаріи за пищу и за камору и за постелю на день по 10 карлиновъ съ своей персоны, и стоялъ я въ той остаріи Іюля до 8 числа.

Іюня въ 30-й день. По обѣдѣ пріѣхали ко мнѣ два человѣка дворянъ Гишпанскихъ; одинъ изъ нихъ вышеписанному Барскому губернатору братъ родной, и сказалъ мнѣ, что ему изъ Бару братъ писалъ черезъ почту о томъ, какъ я въ Неаполь пріѣду, чтобъ онъ мнѣ въ Неаполѣ учинилъ почтеніе доброе. И просили меня тѣ шляхтичи о томъ, чтобъ я съ ними въ ихъ каретахъ поѣхалъ гулять и смотрѣть всякихъ изрядныхъ вещей, которыя зрѣнію человѣческому сладки обрѣтаются въ Неаполѣ, и я съ ними въ каретахъ ихъ поѣхалъ. И пріѣхали прежде въ Кармилитанскій монастырь, пришли въ костелъ. Тотъ костелъ каменный, внутри весь убранъ изрядною работою алебастромъ, стѣны и своды, и по алебастровымъ рѣзьбамъ вызолоченъ изрядно; въ томъ костелѣ есть образъ Пресвятыя Богородицы чудотворный и, сказываютъ, что отъ того святого образа было чудо такое, что пришла одна жена и хотѣла поцѣловать ногу Предвѣчнаго Младенца Господа нашего Іисуса

Христа, написаннаго на той святой иконѣ на рукахъ Пречистыя Дѣвы, и пресвятая Его нога поднялась вверхъ и донынѣ есть такъ всѣми видима. И стоитъ тотъ святой образъ надъ престоломъ за завѣсомъ, а открываютъ ту пречистую икону на видѣніе людямъ въ году въ одинъ день, и къ тому св. образу вицерей Неаполитанскій повиненъ пріѣхать во всякую Субботу и съ женою. Въ томъ же костелѣ стоитъ высоко надъ алтаремъ крестъ, и на немъ сдѣлано тѣло Христа Господа съ наклоненною головою, а причина того наклоненія есть та: въ древнія лѣта, во время въ Неаполѣ бывшаго междоусобія, отъ пушечной стрѣльбы прилетѣло одно ядро пущенное на главу тѣла Христова, сдѣланнаго на помяненномъ крестѣ, и пречистая Его глава уклонилася, а то ядро скатилося отъ главы Спасовы къ церковнымъ дверямъ, и въ которомъ мѣстѣ осталось, на томъ мѣстѣ въ помостѣ церковномъ сдѣланъ кругъ каменный и на немъ подписано Латинскими литерами, для чего тотъ кругъ въ томъ мѣстѣ сдѣланъ, а то ядро въ той церкви и нынѣ виситъ на чѣпи желѣзной повѣшано у стѣны, вѣсомъ будетъ фунтовъ 20 или больше. Въ той церкви алтарь сдѣланъ изъ разныхъ аспидовъ пречуднымъ мастерствомъ. Въ той церкви двои органы и немалые, и все въ той церкви украшеніе дивное. Изъ того монастыря пріѣхалъ къ церкви; у той церкви служатъ бѣлые попы, и есть ихъ у той церкви числомъ 100 человѣкъ, и на всякій день въ той церкви на всѣхъ престолахъ бываетъ по 100 обѣдень. Та церковь сдѣлана во имя Пресвятыя Богородицы, честнаго и славнаго Ея благовѣщенія. Въ той церкви алтарь сдѣланъ изъ разныхъ мраморовъ преудивительной работы; надъ тѣмъ алтаремъ сдѣланъ образъ Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы зототой, который цѣнятъ пятью тысячами шкудовъ. Въ той церкви сводъ и стѣны сдѣланы изъ разныхъ мраморовъ и изъ алебастру и вызолочены многія мѣста, и весь уборъ той церкви преудивительный и зѣло богатый; письма въ той церкви святыхъ иконъ зѣло чудны, какихъ во всей Италіи мало обрѣтается. Въ ту церковь приходитъ на всякій годъ интраты, т. е. доходовъ, съ вотчинъ по 200000 шкудовъ.

Въ той церкви казали мнѣ богатства церковнаго дивныхъ работъ, серебра премногое множество, и есть въ той церкви серебра вѣсомъ во всякихъ вещахъ 17000 фунтовъ и того будетъ 425 пудъ, въ подсвѣчникахъ, лампадахъ и въ иныхъ узорочныхъ фигурахъ предивной работы, между которыми видѣлъ я алтарь весь серебрянный литой, двѣ доски серебрянныя литыя, корабль литой серебрянный предивной все работы, также и иныхъ вещей узорочныхъ серебрянныхъ множество, которыхъ подробну за множествомъ описывать трудно.

Въ той же церкви показывали намъ двѣ шкатулы изрядной работы стекольчатыя, въ тѣхъ шкатулахъ лежатъ тѣла младенцевъ, которые отъ Ирода за Христа побиты: одно тѣло лежитъ наго, все цѣло, только головы нѣтъ, имѣетъ плоть и кожу и жилы; а другое тѣло также цѣло, только ноги правой нѣтъ и лежитъ въ рубашкѣ, въ которой убитъ, опоясанъ красною шелковиною, а возрастомъ тѣ оба младенцы знатно были по году съ небольшимъ лишкомъ.

Тутъ же видѣлъ я верхній черепъ главы св. мученицы Варвары, отъ котораго изрядное благовоніе исходитъ.

Изъ той церкви пошелъ я въ палаты, въ которыхъ пишутъ приходъ и расходъ казны, которая сбирается на ту церковь. Въ тѣхъ палатахъ подѣланы столы и сидятъ многолюдно подобно тому, какъ бываетъ въ Московскихъ приказахъ много подъячихъ; и показали мнѣ въ одной палатѣ множество золотыхъ червонныхъ и серебрянныхъ всякихъ монетъ. Потомъ пришелъ я въ шпиталь, который сдѣланъ той вышеписанной церкви казною. Въ томъ шпиталѣ бываетъ по 250 человѣкъ болящихъ мужеска полу, а на другой сторонѣ столько же бываетъ болящихъ женска полу, а временемъ бываетъ и больше. Тамъ подѣланы болящимъ кровати изрядныя и постели покойныя и завѣсы хорошія, и у всякаго болящаго поставленъ у кровати столикъ малый и сосуды, изъ чего ему пить и ѣсть, и для услуги болящимъ въ томъ шпиталѣ держатъ работниковъ—мущинамъ мужеска полу, а женамъ и дѣвицамъ женска полу. Въ тѣхъ палатахъ, гдѣ лежатъ болящіе, подѣланы каплицы, т. е. малыя церкви, въ которыхъ по вся дни совершаются литургіи, и на всякій часъ у болящихъ сидятъ перемѣняясь по 6 человѣкъ поповъ для душевной пользы. У того жъ шпиталя сдѣлана аптека, въ которой дохтуры, аптекари и лекари непрестанно бываютъ и лечатъ болящихъ безъ платы отъ той вышепомяненной церкви; также и пища болящимъ и всякіе на тотъ шпиталь расходы отъ той же помяненной церкви, и лечатъ всякихъ болящихъ, и поятъ, и кормятъ, и покоятъ Христа ради безъ платы; и который умретъ погребаютъ казною той же церкви, а который оздоровѣетъ, отпустятъ его безъ задержанія.

Потомъ пріѣхалъ я къ соборной церкви, у которой пребываетъ кардиналъ. Та церковь длинна, широкости не гораздо великой, убору виситъ хорошаго не довольно; однакожъ сводъ и стѣны мѣстами улѣплены гипсомъ. Въ той церкви двои органы великіе; на правой сторонѣ придѣлъ немалый огороженъ рѣшеткою мѣдною, которая сдѣлана изрядною работою литая и зѣло въ ней много мѣди. Въ томъ придѣлѣ лежатъ поклажи, т. е. богатства Неаполи-

танскихъ жителей, принциповъ, дуковъ, маркезовъ и иныхъ честныхъ людей множественное число.

Потомъ пріѣхалъ я до костела св. Филиппа. Тотъ костелъ изнутри убранъ разными мраморами и алебастромъ и вызолоченъ. Въ томъ костелѣ 12 столповъ каменныхъ мраморовыхъ, вытесанъ всякій столпъ изъ одного цѣлаго камня. Тѣ столпы зѣло велики высотою и толстотою. Въ томъ костелѣ двои органы великіе, и все украшеніе въ той церкви изрядное.

Пріѣхалъ потомъ въ монастырь, въ которомъ живутъ законники и называются Теотины. Въ томъ монастырѣ была церковь св. Павла и отъ трясенія земли развалилась, тому нынѣ 8 лѣтъ, и остались той развалившейся церкви столпы поломанные, которые и нынѣ для упоминанія стоятъ. А сдѣлана та церковь была въ древнихъ лѣтахъ тому нынѣ 1580 лѣтъ, и вмѣсто той древней развалившейся церкви сдѣлана нынѣ вновь церковь изряднымъ мастерствомъ, своды въ ней гипсовые золоченые. Въ томъ костелѣ четверы арганы немалые; въ томъ же костелѣ много зѣло одеждъ священническихъ шитыхъ предивнымъ мастерствомъ.

Потомъ пріѣхалъ въ монастырь Езувитскій; въ томъ монастырѣ церковь изряднаго убору изъ разныхъ мраморовъ и изъ алебастру, своды и стѣны золоченые. Въ той церкви двои арганы великіе и зѣло предивные, и весь уборъ въ той церкви зѣло изряденъ.

Оттуды поѣхалъ я по городу гулять и встрѣтилъ Неаполитанскаго вицерея жену; передъ нею идутъ много пѣшихъ солдатъ, убраны въ изрядномъ платьѣ желтаго цвѣта; потомъ идетъ карета предивная на двухъ возникахъ порозжая, за тою каретою несутъ 4 человѣка вицерееву жену въ порчшезѣ, которая обита бархатомъ краснымъ. Уборъ на ней Гишпанской моды подобенъ Французскому, грудь имѣетъ голую, а на головѣ никакого покровенія нѣтъ, и волосы убраны подобно Московскимъ дѣвицамъ и, поровнявся я противъ ея, отдалъ ей по обыкновенію поклонъ, сидя въ каретѣ; также и она мнѣ по обыкности своей поклонилась. За нею идутъ двѣ кареты, въ которыхъ сидятъ по четыре дѣвицы въ каретѣ, потомъ идутъ другія двѣ кареты, въ тѣхъ каретахъ сидятъ по четыре человѣка мужеска полу слугъ вицереевыхъ. По сторонамъ вицереевой жены и помяненныхъ каретъ идетъ немалое число солдатъ въ такихъ же вышеписанныхъ уборахъ.

Потомъ я пріѣхалъ противъ дому тѣхъ вышеписанныхъ дворянъ, которые со мною ѣздили. Тутъ мы остановились на улицѣ, и вынесли изъ дому ихъ разныхъ шербетовъ на серебрянныхъ блюдахъ, также вынесли тарелей и ложекъ серебрянныхъ, и потчивали

меня тѣми шербетами съ великимъ почтеніемъ, и я, сидя въ каретѣ, ѣлъ тѣ шербеты и паки поѣхалъ мимо вицереева дому на морской берегъ. Домъ вицереевъ зѣло великъ, и множество на немъ палатъ зѣло высокихъ, изряднымъ мастерствомъ построенъ. У воротъ его стоитъ караулъ солдатъ многое число, передъ вороты его площадь изрядная и зѣло великая, домъ его близко моря, и видъ изъ палатъ его на море и на весь городъ Неаполь. Близко двора его на самомъ берегу моря построенъ домъ, который называется арсиналъ, для строенія судовъ морскихъ. Потомъ я, проѣхавъ вицереевъ домъ, поѣхалъ по берегу морскому, гдѣ видѣлъ по краю берега подѣлано многое число изрядныхъ фонтанъ. По тому берегу объѣзжали нашу карету и встрѣчались со мною множество каретъ и колясокъ, въ которыхъ ѣздятъ для забавы принципы и дуки и маркезы, и всякіе люди гуляютъ съ женами и дѣтьми и веселятся. Потомъ поѣхалъ я до остаріи, гдѣ стоялъ, и видѣлъ по улицамѣ много фонтанъ, предивныхъ изряднымъ мастерствомъ построенныхъ, и по улицамъ въ Неаполѣ всегда множественное число ѣздитъ всякихъ людей въ каретахъ и колякахъ, а кареты и коляски—Неаполитанская мода особая—безъ оселинъ и безъ пасовъ на деревянныхъ тонкихъ брусьяхъ, а къ ѣздѣ зѣло покойны.

Въ Неаполѣ лошадей добрыхъ не гораздо много, больше ѣздятъ на мулахъ, и въ кареты ихъ впрягаютъ, и за каретами людей пѣшихъ ходитъ много подобно обыкновенію Московскому. Потомъ пріѣхалъ я до остаріи, въ которой стоялъ и вышеписанные дворяне, которые со мной ѣздили, проводили меня до той вышеписанной остаріи и, отдавъ мнѣ поклонъ, поѣхали къ себѣ.

Іюля въ 1-й день. Рано нанялъ я себѣ коляску и поѣхалъ смотрѣть удивленія достойныхъ вещей, обрѣтающихся въ ближнихъ мѣстахъ отъ Неаполя и, выѣхавъ изъ города Неаполя, видѣлъ вещь предивную: сдѣлана дорога подъ землею шириною сажень пяти, а вышиною въ одномъ концѣ отъ Неаполя тотъ проѣздъ подъ землею сажень 6-ти, а въ другомъ концѣ ниже, а длиною той дороги или проѣзду подъ землею будетъ съ пятьсотъ сажень. Въ срединѣ того проѣзду темнота великая и въ день, для того что та дорога просѣчена скрозь великую гору каменную, и для свѣтлости на срединѣ той дороги сдѣлано вверхъ малое окно; однакожъ отъ того окна свѣтлости тамъ мало. Та дорога вымощена вся камнемъ; по срединѣ той дороги, ѣхавъ изъ Неаполя на лѣвой сторонѣ, высѣчена пещера малая, въ которой сдѣлана каплица, т.-е. малая Римская церковь, гдѣ по вся дни бываетъ служба для проѣзжихъ людей. А на горѣ, скрозь которую та дорога просѣчена, много садовъ всякихъ и домовное строеніе камен-

ное есть немалое, въ которомъ живутъ Неаполитанцы. Потомъ, проѣхавъ ту дорогу, ѣхалъ я отъ Неаполя 4 мили Итальянскихъ и пріѣхалъ ко озеру, въ которомъ озерѣ называютъ Неаполитанцы воду живою. То озеро округло и немало, промежъ великихъ горъ. Пріѣхавъ къ тому озеру отъ Неаполя, на правой сторонѣ въ одной горѣ высѣчена печура шириною, какъ можно пройти одному человѣку, а въ высоту въ сажень трехъаршинную, а длины той печуры въ гору сажень пять. Въ той печурѣ отъ земли воздухъ тягостный, который скоро умерщвляетъ всякое животное, человѣка, и скота, и звѣря, и птицу; а въ высоту отъ земли того заразительнаго воздуху только на четверть аршина, и человѣку войти въ ту печуру свободно; только наклониться низко головою или лечь въ той печурѣ невозможно, для того что если тотъ заразительный воздухъ обыметъ человѣческую голову, тогда въ малую минуту часа человѣкъ умретъ, также и всякое животное. Ежели тотъ воздухъ обыметъ голову, тогда ничто живо быть не можетъ; а кромѣ головныхъ иныхъ частей плоти тотъ воздухъ не портитъ и, какъ въ той печурѣ какое ни есть животное умретъ отъ того воздуху, и тотчасъ оттуды вынято и положено въ то вышеписанное озеро будетъ, тогда такъ же въ малую минуту часа паки оживетъ и будетъ здорово какъ и прежде. И видится въ той печурѣ отъ земли верхъ на четверть аршина власно какъ дымъ стоитъ тонкій и синеватъ подобенъ избному чаду; тѣмъ воздухомъ и огонь угашаетъ. Тѣ вещи я освидѣтельствовалъ явно. Прежде, взявъ собаку, положилъ въ той печурѣ, которая мало побився и повизжала, потомъ умолкнувъ стала дыхать тягостно, и пѣны изо рту потекли, и омлѣла вся, и растянулась въ минуту часа; и ту собаку, скоро вынявъ изъ той печуры, бросили въ вышепомяненнаго озера воду близко краю, гдѣ бы не можно было ей утонуть; тогда такъ же въ минуту часа отдохнула и, мало пошатався, изъ воды вышла здорова какъ была прежде. Потомъ запалили свѣчи смоленыя съ сѣрою великія и, какъ тѣ свѣчи разгорѣлись, приложили ихъ въ ту печуру къ землѣ въ тотъ помяненный смертельный воздухъ, которыя тотчасъ всѣ погасли, власно какъ бы великимъ сильнымъ вѣтромъ скоро задуло, и знаку огня на тѣхъ свѣчахъ не осталось.

При томъ озерѣ въ горѣ подѣланы каменныя жилья, которыя Неаполитанцы называютъ банями, въ которыхъ великая натуральная или природная теплота безъ огня безпрестанно бываетъ власно какъ въ банѣ, которая бы зѣло много была натоплена. Въ тѣхъ палатахъ подѣланы кровати, и лежатъ болящіе отъ всякихъ болѣзней страждущіе, паче жъ Французоватые, и освобождаются отъ болѣзней

своихъ исходящимъ отъ нихъ отъ той натуральной или природной теплоты безъ всякихъ лекарствъ поту, потому что въ тѣхъ палатахъ безмѣрно всегда тепло, и поту исходитъ отъ тамъ лежащихъ зѣло много.

Потомъ поѣхалъ я изъ тѣхъ вышеписанныхъ мѣстъ смотрѣть другихъ мѣстъ, также удивленію достойныхъ. Пріѣхалъ прежде къ одному городу отъ Неаполя 10 миль Ит., который называется Пуцеліо. Въ томъ городѣ, оставя коляску, сѣлъ въ одну филягу и поѣхалъ моремъ до того мѣста, гдѣ есть въ морѣ натуральная горячесть и, пріѣхавъ къ одной невеликой горѣ, изъ той филяги вышелъ, и одинъ мариналъ досталъ изъ моря подлѣ берегу песку. Тотъ песокъ зѣло горячъ, а вода морская поверхъ того песку всегда студена по обыкновенію, какъ и всегда бываетъ во всемъ морѣ. На той помяненной невеликой горѣ построены небольшія палаты, въ которыхъ палатахъ лежитъ много болящихъ, разными болѣзнями одержимыхъ, а больше которые есть во франкахъ. Изъ тѣхъ палатъ есть въ ту гору ходъ узкій, какъ можно пройтить одному человѣку; и ходятъ тамъ со свѣчами, для того что тамъ великая темнота и такой жаръ натуральный въ той печурѣ, что съ великою нуждою можно человѣку дойтить до конца той печуры и паки выйтить изъ нея; а длины той печуры будетъ сажень съ 50, и такъ занимаетъ духъ у человѣка, что насилу можетъ тамъ быть человѣкъ живъ четверть часа. Въ той печурѣ по сторонамъ подѣланы мѣста, въ которыхъ стоятъ и сидятъ болящіе, который сколько можетъ времени вытерпѣть и потѣть, а потомъ ихъ скоро оттуды выводятъ; а ходятъ въ ту печуру люди наги. Въ ту печеру понудился и я идтить видѣнія ради бывшихъ тамъ болящихъ и, не дошедъ до конца той печуры, поворотился, не могъ больше терпѣть духоты отъ того натуральнаго жару; а въ которое время въ той печурѣ больные сидятъ, въ то время всѣ болящіе поютъ своимъ языкомъ „Санта Марія ора про нобисъ“, т.-е. „Святая Марія, молися за насъ“: призываютъ въ помощь себѣ Пресвятую Богородицу и инымъ святымъ приносятъ молитвы. Подъ той горою подѣланы были древле отъ Нерона-мучителя каменныя бани, въ которыхъ были воды холодныя и горячія отъ натуры, т.-е. отъ существа, а не огнемъ грѣтыя; и нынѣ тѣ бани цѣлы, и воды въ нихъ холодныя и горячія отъ натуры есть всегда.

Потомъ поѣхалъ я до того мѣста, гдѣ во древнія лѣта былъ городъ, который называется Каштель-ди-Бая. Тотъ городъ былъ области Нерона-мучителя и великъ былъ гораздо, около его было мѣрою 10 миль Ит., стоялъ при самомъ морѣ, строеніе въ немъ было знатно изрядное каменное, котораго и нынѣ остатки есть. Тотъ го-

родъ весь развалился, и мѣсто то, гдѣ былъ, поросло лѣсомъ, однакоже и нынѣ видимы суть остатки того города: палаты и божницы поганскихъ боговъ, которыя были въ томъ городѣ, построены при проклятомъ помяненномъ мучителѣ Веронѣ. Подъ тѣмъ городомъ портъ, т.-е. пристанище морскимъ судамъ, лучшее во всей Гишпани и Неаполитани. Въ томъ мѣстѣ видѣлъ я божницу поганскаго бога Каприссорія, сдѣланну изъ каменью въ землѣ. Въ той божницѣ сводъ каменный, на томъ сводѣ множество напечатано поганскихъ боговъ; а на левкасѣ, или на извести, что̀ напечатано, того за множествомъ лѣтъ совершенно познать не можно, однакожъ предивной и удивленія достойной работы было то дѣло, и какою живностью изображены тѣ поганскихъ боговъ образы, о томъ подлинно описать не могу. Божница была во имя поганскаго бога Венуса, сдѣлана изъ плинѳовъ, какихъ нынѣ нигдѣ не обрѣтается. Тѣ плинѳы дѣланы шириною и длиною въ аршинъ, а толщиною въ одинъ вершокъ аршина и зѣло крѣпки. Была та божница велика зѣло, круглая, знатно и нынѣ внутри той божницы во многихъ мѣстахъ по стѣнамъ письма стѣнныя изрядныя. Божница жъ знатно была длинная и вся развалилась, только нынѣ стоитъ ея малая часть, а сдѣлана была та божница во имя поганской богини Діаны. Также и иныя знатно божницы боговъ поганскихъ Меркуріева и иныхъ, которымъ приносилъ жертвы проклятый Неронъ и за ту свою къ нимъ любовь купно съ ними есть въ пеклѣ. Вмѣсто того вышепомяненнаго Неронова города Каштель-ди-Бая, который въ конецъ разрушился, сдѣланъ нынѣ вновь городъ близко того стараго мѣста тѣмъ же именемъ Каштель-ди-Бая, при самомъ же морѣ.

Отъ древняго города Каштель-ди-Бая былъ сдѣланъ по морю мостъ каменный до вышеписаннаго города Пуцеля на многихъ каменныхъ столпахъ, а сдѣлалъ было тотъ мостъ цесарь Гайя Галиколя тому нынѣ 1658 лѣтъ, а какъ тотъ мостъ отъ морскихъ волненій развалился, тому нынѣ 400 лѣтъ; однакожъ и нынѣ еще знатно изъ моря нѣкоторые столпы поверхъ водъ морскихъ, между иными столпами еще и нынѣ своды не упали. Длины того мосту было 3 мили Итальянскихъ.

Въ тѣхъ же мѣстахъ при самомъ морѣ есть горы, изъ которыхъ берутъ землю и той землею дѣлаютъ въ водѣ морской или въ рѣкахъ фундаментъ, т.-е. основаніе подъ каменное строеніе, а называютъ Неаполитанцы ту землю „Пуцуляно“. Та земля въ водѣ такова крѣпка бываетъ какъ желѣзо или какъ твердый камень, а видомъ та земля изжелта-сѣровата. Близко того мѣста при самомъ морѣ знатно домъ мучителя проклятаго цесаря Нерона, малый остатокъ

палатъ; знатно, что были изряднаго мастерства. Въ иныхъ мѣстахъ стѣнное знатно письмо, писано мусіею, а иное строеніе каменное жъ того дому знатно въ морѣ. Недалеко отъ того дому знать было строеніе каменное, а нынѣ уже въ морѣ, которое было построено однимъ Римскимъ сенаторомъ Артанціушемъ, гдѣ тотъ Артанціушъ призывалъ къ берегу изъ моря рыбу и ималъ себѣ на потребу, которую хотѣлъ.

Близко того мѣста гробъ матери мучителя-Нерона въ горѣ низко въ землѣ. Надъ тѣмъ гробомъ есть древнее строеніе каменное. Потомъ пришелъ я къ водѣ, которая называется Мертвое море. Та вода округла, величествомъ поперекъ будетъ сажень 1000, отъ великаго моря отдѣлилась землею, а вода въ томъ Мертвомъ морѣ соленая жъ какъ и въ великомъ морѣ. Подлѣ того Мертваго моря лугъ великій, по которому поросло много лѣсовъ. На томъ лугу въ древнія лѣта поганскій народъ сожигалъ мертвыхъ тѣлеса и пепелъ тѣхъ сожженныхъ тѣлъ относилъ въ гору и клалъ въ каменные гробы, которые и нынѣ суть видимы, изряднымъ мастерствомъ были сдѣланы и подписаны изнутри стѣннымъ письмомъ. Изъ тѣхъ гробовъ тотъ пепелъ имали древній народъ за святыню на исцѣленіе болящихъ. Въ тѣ гробы сверху подѣланы сходы каменные, а величествомъ тѣ гробы шириною и длиною сажени по двѣ. Близко тѣхъ гробовъ сдѣланъ погребъ зѣло великъ и высокъ въ горѣ; въ томъ погребу 48 столповъ каменныхъ великихъ, на которыхъ утвержденъ того погреба сводъ. Сдѣлалъ тотъ погребъ въ древнія лѣта Римскій сенаторъ, который назывался Люціо Люлкуло, для постановленія въ немъ холодной воды сладкой на питье ратямъ Римскимъ, и называется тотъ погребъ Писина Марабиля Итальянскимъ языкомъ, а пославянски тотъ погребъ на воду.

Недалеко отъ того мѣста есть городъ Неаполитанскаго королевства, который называется Прочета. Мѣсто суть немалое и многолюдное, стоитъ при морѣ, изряднымъ мастерствомъ сдѣланъ, строеніе въ немъ все каменное.

Потомъ въ той же филюгѣ пріѣхалъ въ вышеписанный городъ Пуцельо и въ томъ городѣ въ остаріи обѣдалъ, по обѣдѣ въ той же филюгѣ поѣхалъ въ Неаполь, а коляску свою отпустилъ въ Неаполь берегомъ.

Недалеко отъ города Пуцеля есть на морѣ островъ, который именуется Преминторія-де-Мисино. На томъ острову древле жилъ философъ владѣтель, который назывался Плініушъ. Къ тому Плініушу на вышепомяненный островъ ушелъ изъ Трои во время Троянскаго раззоренія одинъ сенаторъ Троянскій называвшійся Энея, о которомъ особая есть гишторія. Тотъ помяненный Плініушъ сгорѣлъ

на той горѣ, что̀ противъ Неаполя, которая отъ сотворенія свѣта горитъ непрестанно и до нынѣ, и тотъ Пливіушъ невѣрствіемъ былъ одержимъ, чтобъ той горѣ горѣть и хотѣлъ видѣть изъ той горы исходящій пламень и упалъ въ ту гору и тамъ сгорѣлъ.

Проѣхавъ тотъ островъ, пріѣхалъ къ острову жъ, скрозь который островъ сдѣланъ проѣздъ и пропущена вода; въ тотъ проѣздъ проѣхалъ я филюгою по водѣ, длиною того проѣзду будетъ сажень больше 100, а шириною сажень 6, и по сторонамъ того проѣзду подѣланы окна для свѣтлости. Тотъ проѣздъ просѣченъ скрозь каменный островъ, а въ которыхъ мѣстахъ надъ тѣмъ проѣздомъ прилучилась земля мягкая, въ тѣхъ мѣстахъ сдѣланы своды изъ кирпича. Тотъ проѣздъ сдѣланъ зѣло чудно и удивительно, и всегда въ немъ бываетъ вѣтръ холодный. Тутъ гуляютъ въ малыхъ лодкахъ Неаполитанскіе жители съ женами и съ дѣтьми часто во время великихъ жаровъ для холоду.

Проѣхавъ то мѣсто есть островъ, который называется Нисита, на томъ острову есть Неаполитанская кантомація, и построены на томъ острову палаты невеликія для бывающихъ въ кантомаціи, а кантомація то суть: которые люди пріѣдутъ въ Неаполь изъ Леванто, то суть съ Востоку, тѣхъ людей сажаютъ на тотъ островъ и не спускаютъ съ того острова никуды 6 недѣль, также и къ нимъ никого не пускаютъ, для того что на Левантѣ, т.-е. на Востокѣ бываетъ часто моровое повѣтріе, и отъ того Неаполитанцы хранятъ свое государство.

Потомъ пріѣхали мы къ Неаполю и пришли въ одинъ домъ Неаполитанскаго сенатора, который построенъ при краю самаго моря. Въ томъ домѣ зѣло много изрядныхъ веселыхъ палатъ съ предивными уборами, между которыми въ срединѣ палата сдѣлана осьмигранная, и въ ней зѣло изрядные уборы, картины чудныхъ Итальянскихъ писемъ; при тѣхъ палатахъ подѣланы изрядныя гульбища къ морю изряднымъ мастерствомъ и обсажены виноградомъ, и сверху ихъ обросъ виноградъ же власно какъ кровля. Изъ того дому поѣхалъ я въ Неаполь, гдѣ видѣлъ домъ зѣло великъ при морѣ древняго строенія. Сказали мнѣ, что тотъ домъ древней Неаполитанской королевы былъ, а нынѣ взялъ тотъ домъ себѣ Неаполитанскій вицерей, и которое строеніе того дому отъ древнихъ лѣтъ развалилось, то нынѣ строятъ вновь. Архитектура того дому старая, однакожъ изрядная. Потомъ пріѣхалъ я къ себѣ во остарію, гдѣ стоялъ, въ другомъ часу ночи.

Іюля во 2-й день. Рано пріѣхалъ ко мнѣ во остарію вышеписанный Неаполитанскій дворянинъ, Барскаго губернатора братъ и,

взявъ меня съ собою, въ каретѣ поѣхали до трибуналу, т.-е. гдѣ приказы Неаполитанскаго королевства. Сдѣланъ тотъ трибуналъ великимъ домомъ, въ которомъ зѣло много палатъ въ 5 житей вверхъ. Палаты зѣло великія. И есть въ Неаполѣ 32 приказа, въ которыхъ много судей и подъячихъ; надо всякимъ приказомъ начальныхъ людей по 12 человѣкъ. Въ тѣхъ приказахъ безмѣрно многолюдно всегда бываетъ, и тѣснота непомѣрная подобно тому, какъ въ Московскихъ приказахъ; а столы судейскіе и подъяческіе сдѣланы власно такъ какъ въ Московскихъ приказахъ, и сторожи у дверей стоятъ всякаго приказу подобно Московскимъ. Какъ я на тотъ трибуналъ пріѣхалъ, и на томъ трибуналѣ стоитъ каретъ больше 100 изрядныхъ, въ которыхъ пріѣзжаютъ судьи и челобитчики, кому дѣло есть.

Потомъ пришелъ я къ той палатѣ, гдѣ сидятъ 12 человѣкъ судей за великими государственными дѣлами. Между тѣми судьями одинъ судитъ на мѣстѣ короля Гишпанскаго и называется капо, т.-е. голова надо всѣми. И какъ я въ ту палату вошелъ, и тотъ начальный судья и всѣ судьи противъ меня встали и отдали мнѣ поклонъ, съ великою учтивостью привѣтствовали меня и, показавъ всѣ вещи, которыя иноземцу надлежитъ видѣть, такъ же съ честію меня отпустили и послали со мною одного человѣка, велѣли меня проводить, который шелъ изъ той палаты передо мною, очищая дорогу во многолюдствѣ, и съ такою учтивостью меня проводилъ въ верхнія палаты, гдѣ я видѣлъ государства Неаполитанскаго старыя книги и письма устроены по шкафамъ изрядно съ подписьми; тѣхъ старинныхъ писемъ зѣло много. Изъ тѣхъ верхнихъ палатъ сошелъ въ нижнія палаты, гдѣ слушалъ Неаполитанскаго суда, какъ судились два человѣка передъ судьями: говорятъ чинно съ великою учтивостью, а не съ крикомъ, и подъячій слова ихъ записывалъ подобно тому, какъ и на Москвѣ.

Изъ того трибуналу пріѣхалъ я въ монастырь, въ которомъ живутъ законники и называются Регуляры. Тѣ законники всѣ высокихъ породъ честные люди, а простыхъ людей въ тотъ монастырь не принимаютъ. Въ томъ монастырѣ принялъ меня одинъ законникъ породы честной, папѣ Римскому свойственникъ, и привелъ меня въ церковь. Та церковь зѣло изряднымъ мастерствомъ сдѣлана изъ гипсу и изъ разныхъ мраморовъ и вызолочена изнутри во многихъ мѣстахъ, а сдѣлана та церковь во имя святыхъ апостолъ. Потомъ изъ церкви ходили по монастырю и по палатамъ ихъ зѣло высоко, оттуды видѣть весь городъ Неаполь, и смотрѣлъ я того монастыря садовъ изрядныхъ.

Изъ того монастыря пріѣхалъ въ дѣвичій монастырь, гдѣ есть 680 законницъ, а тѣ законницы всѣ высокихъ же породъ. Въ томъ монастырѣ также церковь предивная изряднаго жъ убору; въ той церкви много уборовъ, шитыхъ завѣсовъ предивной работы. Въ томъ монастырѣ погребаются тѣла умершихъ королей Неаполитанскихъ. Въ той церкви арганы изрядныхъ голосовъ и зѣло великіе, на которыхъ во время бытности моей въ той церкви играли.

Изъ того монастыря пріѣхалъ я въ монастырь, въ которомъ живутъ законники и называются Оливетаны, ходятъ въ бѣломъ платьѣ. Въ томъ монастырѣ церковь изрядная, и убору предивнаго въ притворѣ той церкви видѣлъ я. Сдѣланъ гробъ стекольчатый, въ томъ гробѣ лежитъ сдѣланное изъ камней, изъ которыхъ дѣлаются краски, тѣло Господа нашего Іисуса Христа зѣло пречуднымъ мастерствомъ. Около того гробу подѣланы образы изъ такихъ же каменій. При главѣ Христова тѣла сдѣланъ образъ Пресвятыя Дѣвы Маріи сидящей, по сторону сдѣланъ образъ Маріи Магдалины стоящей. Подлѣ нея сдѣлано подобіе королевы Неаполитанской, которая тотъ монастырь сдѣлала; по другую сторону сдѣланъ образъ стоящей св. Соломіи, подлѣ нея образъ Іоанна Богослова сдѣланъ стоящій же. Въ ногахъ у тѣла Христова сдѣланы два подобія Римскихъ философовъ, стоящихъ на колѣняхъ. Тѣ всѣ образы зѣло преизряднымъ мастерствомъ сдѣланы; не можно познать, чтобъ не живые. Потомъ видѣлъ въ томъ монастырѣ палату, въ которой дѣлаютъ комедіи, убрана переспективами, какъ обыкновенно быть въ комедіяхъ. Потомъ смотрѣлъ палатъ, въ которыхъ живутъ законники, между которыми видѣлъ въ одной палатѣ много поставлено деревъ съ зеленымъ листвіемъ, и напущено кинареекъ множество бѣлыхъ и зеленыхъ; въ той палатѣ тѣ кинарейки водятся и высиживаютъ дѣтей, а держитъ ихъ себѣ для забавы одинъ законникъ.

Тотъ монастырь зѣло великъ, а подо всѣмъ подъ нимъ сдѣланы превеликіе погребы, въ которыхъ всегда стоитъ множество бочекъ, наполненныхъ разными вины. Законники того монастыря въ недѣлѣ три дня ѣдятъ мясо, а четыре дня ѣдятъ рыбу, т.-е. въ Недѣлю, во Вторникъ и въ Четвертокъ ѣдятъ мясо, а въ Понедѣльникъ, въ Среду и въ Пятницу и въ Субботу ѣдятъ рыбу; и когда ѣдятъ мясо, тогда обѣдаютъ и ужинаютъ въ той палатѣ, гдѣ дѣлаютъ комедіи: а когда ѣдятъ рыбу, тогда обѣдаютъ въ особой палатѣ. Въ томъ монастырѣ въ придѣлѣ видѣлъ я образъ Рождества Христова вырѣзанъ на алебастрѣ величествомъ въ высоту и въ ширину аршина по два, такою работою сдѣланъ, какой работы на всемъ свѣтѣ мало

гдѣ обрѣтается, и описать о томъ подлинно невозможно, и уму человѣческому непостижно какая та работа. Изъ того монастыря пріѣхалъ я къ себѣ во остарію, уже бо приспѣлъ часъ обѣда.

Того жъ числа по обѣдѣ тотъ же вышеписанный Неаполитанскій дворянинъ, губернатора Барскаго братъ, прислалъ ко мнѣ карету, и просилъ меня присланный отъ него, чтобъ я въ той каретѣ пріѣхалъ къ нему въ домъ. Тогда я по прошенію его въ той каретѣ къ нему въ домъ пріѣхалъ, и онъ, меня принявъ съ любовью, учинилъ какъ есть обычай Гишпанамъ. Потомъ изъ дому его поѣхалъ съ нимъ купно смотрѣть галеръ Неаполитанскихъ, гдѣ видѣлъ я 8 галеръ зѣло великихъ, которыя стоятъ въ портѣ близко вицереева двора и имѣютъ на себѣ по 60 веселъ, а на иныхъ и больше и меньше. Тѣ галеры зѣло изряднымъ мастерствомъ сдѣланы, рѣзьбы около ихъ предивныя золоченыя, а иныя красками писаны. Изъ тѣхъ галеръ взошелъ я на одну галеру, гдѣ меня принялъ съ честью комитъ той галеры и для моего приходу велѣлъ галіотамъ, т.-е. работникамъ, всѣмъ надѣть цвѣтные кафтаны, которыхъ на той галеръ есть 450 человѣкъ, всѣ въ голубыхъ суконныхъ кафтанахъ, и всякій человѣкъ на той галерѣ работный прикованъ желѣзною чѣпью за ногу. Тѣ вышеписанные галіоты, или работники, никуды съ тѣхъ галеръ не спускаются.

Тотъ же комитъ за почесть мнѣ велѣлъ играть на шипошахъ, Туркамъ и Гишпанцамъ на трубахъ трубить, какъ есть обычай быть на Гишпанскихъ галерахъ музыкѣ; и я, смотря галеръ и поблагодарствуя комиту, поѣхалъ до остаріи, въ которой стоялъ, уже бо приспѣла ночь.

Іюля въ 3-й день. Нанялъ я карету и ѣздилъ до костела па музыку; былъ въ костелѣ, въ которомъ есть монастырь Францишканскій; тотъ костелъ строенія изряднаго, убранъ аспидами разными и стѣннымъ изряднымъ письмомъ, изнутри весь вызолоченъ. Оттуды пріѣхалъ паки въ остарію къ обѣду.

Того жъ числа поѣхалъ въ каретѣ къ морскому берегу и нанялъ филюгу, въ той филюгѣ ѣздилъ по морю гулять, смотрѣлъ обычайной утѣхи Неаполитанской, какъ Неаполитанцы забавляются въ году 4 мѣсяца—Іюнь, Іюль, Августъ и Сентябрь. Въ тѣхъ четырехъ мѣсяцахъ въ недѣлю два дни—въ Воскресенье и Четвертокъ ѣздитъ Неаполитанскій вицерей въ изрядной филюгѣ, которая сдѣлана предивнымъ сницарскимъ мастерствомъ, вся вызолочена; на верху той филюги сдѣланы предивные 3 фонаря. Въ той филюгѣ съ вицереемъ сидятъ по 4 человѣка графовъ Неаполитанскихъ. Передъ тою филюгою идетъ филюга вицереева же, также изряднымъ мастерствомъ

сдѣлана и вызолочена, и маринеры въ тѣхъ филюгахъ убраны въ камчатыхъ изрядныхъ кафтанахъ. Въ той передней филюгѣ кромѣ маринеровъ никого не бываетъ, только возятъ ту филюгу для чести вицереевой; поставлены бандеры, т.-е. знаки подъ его гербомъ, въ которой онъ самъ сидитъ, а напереди вицереева жъ третья филюга, въ той филюгѣ вицереевы трубачи ѣдучи трубятъ. По лѣвой сторонѣ вицерея идетъ филюга жъ, а въ ней вицереева музыка играетъ и поютъ, увеселяя вицерея; по обѣ стороны вицерея ѣдутъ по двѣ филюги, въ которыхъ сидятъ офицеры, т.-е. начальные люди отъ пѣхоты для гвардіи, т.-е. для сторо́жи. За вицереемъ ѣдетъ много филюгъ, въ которыхъ ѣдутъ графы, дуки, маркезы и шляхта, или дворяне, также множество филюгъ, ѣздятъ повольно всякіе честные люди и марканты, т.-е. купцы канпаніями и забавляются, ѣдятъ и пьютъ, и веселятся въ филюгахъ. Въ тоже время выходитъ вицереевыхъ шесть великихъ галеръ и зѣло уборны изрядно. Напереди идетъ галера генеральская, обвѣшена красными камками и сукнами, и бандеры, т.-е. знаки, на той галерѣ всѣ красные. На кормѣ той галеры три фонаря изрядные, на носовой щеглѣ, которая называется „тринкето“, наверху фонарь же. За тою галерою идутъ четыре галеры, также обвѣшены красными сукнами; на кормахъ тѣхъ галеръ по одному фонарю да на носовыхъ щеглахъ по одному жъ фонарю, бандеры, или знаки на тѣхъ галерахъ всѣ бѣлые. Позади идетъ одна галера, на той галерѣ на кормѣ одинъ фонарь и на носовой щеглѣ одинъ же фонарь. И, пришедъ близко того берега, у котораго ѣздитъ вицерей, тѣ всѣ вышеписанныя галеры станутъ на морѣ, и на генеральской галерѣ играетъ музыка на флейтахъ и на трубахъ трубятъ и, какъ вицерей пріѣдетъ противъ тѣхъ галеръ, въ то время, отдавая ему честь, прежде съ генеральской галеры, потомъ и со всѣхъ галеръ выстрѣлятъ изъ пушекъ. А вицереева жена пріѣдетъ на тотъ берегъ въ каретѣ изрядной, и за нею въ другихъ каретахъ дѣвицы ея, и придетъ на дворъ свой, который вицереевъ дворъ построенъ на берегу моря, и сядетъ на ганкахъ; подлѣ нея сядутъ принциповъ Неаполитанскихъ жены, три или четыре старыхъ женъ; кругомъ ея стоятъ домовыя ея дѣвицы и ближніе люди мужеска полу, всѣ въ изрядныхъ уборахъ. Также и въ иныхъ домахъ, которые есть по тому берегу, сидятъ Неаполитанскихъ жителей жены и дочери-дѣвицы, убрався изрядно по ганкамъ и по окнамъ, а по берегу при самомъ морѣ станутъ множество каретъ предивныхъ, въ которыхъ сидятъ Неаполитанскихъ жителей честныхъ людей жены и дочери-дѣвицы въ изрядныхъ уборахъ и веселятся, ѣдятъ сахары и пьютъ изрядные лимонады. А вицерей

и принципы и всякіе люди подлѣ того берегу ѣздятъ въ филюгахъ и, поровнявся вицерей противъ жены своей, поздравляетъ ей и привѣтствуетъ, также и инымъ честнымъ женамъ и дѣвицамъ поздравляетъ же; подобно тому чинятъ и всѣ честные люди и купцы, пріѣзжая къ вицереевой женѣ и иныхъ честнымъ мужей женамъ и дѣвицамъ, привѣтствуя ихъ, поздравляютъ и отдаютъ имъ поклонъ со всякою учтивостью; такъ же чинятъ и форестиры, т.-е. всякіе пріѣзжіе иноземцы; тожъ съ повинностью обычая ихъ и я чинилъ. И такъ гуляютъ весь день и даже до ночи; а какъ вицереева жена пріѣхала на дворъ свой, въ то время, отдавая ей честь, со всѣхъ вышеписанныхъ галеръ стрѣляли изъ пушекъ подобно тому, какъ стрѣляли за почесть вицерееву. И какъ наступила ночь, въ то время вицерей и всѣ, которые гуляли, поѣхали въ Неаполь по домамъ, и вышеписанныя галеры паки выстрѣлили изъ пушекъ и пошли въ Неапольскій портъ на свои обыкновенныя мѣста. Изъ генеральской галеры пускали много ракетъ, а какъ галеры изъ Неаполя на ту потѣху пошли, въ то время были всѣ покрыты полотнами по обыкновенію, а на генеральской галерѣ кровля была полосатая; а какъ пришли на то мѣсто, гдѣ повинны стоять, въ то время кровли со всѣхъ галеръ сняли и стояли безъ кровель, а галіоты, т.-е. работники, или гребцы, на тѣхъ галерахъ на всѣхъ наги. А какъ ночь наступила, тогда со всѣхъ галеръ бандеры и фьямолы сняли и засвѣтили фонари на кормахъ и на щеглахъ, также и на вицереевой филюгѣ засвѣтили фонари и подобно тому жъ учинили и на всѣхъ филюгахъ, потому что на всѣхъ филюгахъ на кормѣ дѣлаются изрядные фонари. И съ тѣми фонарями всѣ поѣхали по домамъ, также и я въ своей филюгѣ пріѣхалъ къ берегу и, вышедъ изъ филюги, поѣхалъ въ каретѣ къ себѣ во остарію.

Іюля въ 4-й день. Поѣхалъ я въ изрядной каретѣ во дворъ вицереевъ смотрѣть его дому. Домъ его сдѣланъ изряднымъ мастерствомъ и не малъ, палатъ на немъ зѣло много въ 5 житей въ высоту. У воротъ вицереевыхъ стоятъ солдаты на караулѣ, и при нихъ начальные люди. И пріѣхавъ я на вицереевъ дворъ къ крыльцу, изъ кареты вышедъ, пошелъ въ палаты его. Крыльца вицереевы сдѣланы зѣло предивно, безмѣрно широки и стройны; палаты есть великія, изрядныя, убраны картинами изрядныхъ Итальянскихъ писемъ, а иныя обиты камками. Также много въ тѣхъ палатахъ столовъ и креселъ изрядныхъ; окна тѣхъ его палатъ завѣшаны бѣлыми тафтами, зеркала великія поставлены по Гишпанской модѣ у стѣнъ на столахъ. Также въ тѣхъ палатахъ стоятъ шкафы

изрядные и иные уборы. Изъ вицереевыхъ палатъ пошелъ я на конюшенный вицереевъ дворъ, гдѣ видѣлъ въ конюшняхъ 125 лошадей, между которыми великихъ изрядныхъ лошадей много. Уборъ въ тѣхъ конюшняхъ изрядный. Въ другихъ палатахъ множество видѣлъ шоръ, цуковъ изрядныхъ бархатныхъ съ золочеными и серебрянными наборами предивной работы. Тутъ же видѣлъ 11 каретъ предивныхъ и зѣло богатыхъ, между которыми двѣ кареты преславныя Римской работы зѣло великія и такимъ преславнымъ дивнымъ мастерствомъ сдѣланы, котораго мастерства и богатства описать подлинно трудно. Цѣна тѣмъ двумъ каретамъ 100000 шкудовъ, а тѣхъ шкудовъ по два за золотой червонный даютъ. Также видѣлъ тутъ же иныхъ каретъ и колясокъ множество.

Потомъ поѣхалъ съ вицереева двора до школы, гдѣ учатъ лошадей. При той школѣ площадь великая, изрядная и ровная, по которой площади ѣздя учатъ лошадей, гдѣ и я ученье лошадей видѣлъ, между которыми видѣлъ лошадь темно-сѣрую изрядной школьной науки. Потомъ во время обѣда поѣхалъ къ себѣ въ остарію, въ которой стоялъ. Господинъ той остаріи, именемъ Мартынъ, человѣкъ зѣло богатый и добрый и ко мнѣ былъ пріятенъ и услуженъ зѣло. Того жъ числа по обѣдѣ поѣхалъ я въ шпиталь, въ которой видѣлъ болящихъ 400 человѣкъ, лежатъ по кроватямъ, и постели подъ ними изрядныя. Тотъ шпиталь зѣло великъ, и палатъ въ немъ множество; между тѣми палатами подѣланы каплицы т.-е. Римской вѣры церкви, въ которыхъ по вся дни бываютъ литургіи для болящихъ. Подъ палатами подѣланы погребы многіе, и многіе болящіе лежатъ въ погребахъ по разсужденію дохтурскому для холоду. Въ томъ шпиталѣ аптека немалая, при которой дохтуровъ, лекарей, аптекарей и медициновъ довольно въ урядѣ. Надъ тѣмъ шпиталемъ есть одинъ принципъ, т.-е. князь Гишпанскій и съ нимъ два кавалера Неаполитанскихъ. Въ томъ же шпиталѣ собрано безумныхъ отъ природы 200 человѣкъ, живутъ въ особыхъ палатахъ, кормятъ ихъ и поятъ, и платье имъ даютъ довольное. Разсуждаютъ о томъ Неаполитанскіе жители, что тѣ безумные отъ природы сотворены волею Божіею и чтобъ они не были голодны и нужны и не были бъ отъ другихъ поругаемы, и надъ тѣми безумными приставлены нарочно люди, которые ихъ принуждаютъ къ работѣ и смотрятъ, чтобъ они межъ себя не бились; а работаютъ тѣ безумные въ томъ вышеписанномъ шпиталѣ: воду таскаютъ изъ колодезей, дрова носятъ къ варенію пищи и иныя небольшія потребы, которыя могутъ снесть. А которые между тѣхъ безумныхъ есть

безъ ума не съ природы, но отъ болѣзней, тѣ суть въ особыхъ палатахъ, иные и скованы. Тѣмъ дохтуры даютъ лекарства и къ работѣ ихъ не принуждаютъ.

Во время моего въ тотъ шпиталь пріѣзду всѣ болящіе и безумные обѣдали; пища ихъ была поставлена въ особой палатѣ въ котлахъ; надъ тою пищею поповъ Римскихъ человѣкъ больше 10 поютъ ораціоне, т. е. моленіе къ Богу о болящихъ; и ту пищу раскладываютъ на оловянныя малыя блюда и ставятъ тѣхъ блюдъ по 6 на деревянные лотки и отсылаютъ болящимъ; а разносятъ ту пищу къ болящимъ Неаполитанскіе честные люди, для спасенія своихъ душъ служатъ больнымъ, кто изволитъ; а работники на ту службу въ томъ шпиталѣ устроенные есть, только мало имъ даютъ той службы исправлять: честные люди служатъ въ томъ болящимъ сами Христа ради; многіе честные люди, пріѣзжая, обвѣшався фартуками на то устроенными, разносятъ къ болящимъ пищу.

Въ томъ же шпиталѣ живутъ сироты мужеска и женска полу малые ребята, также и въ тѣхъ малыхъ ребятахъ есть безумные. Тѣхъ сиротъ малыхъ покоятъ въ томъ шпиталѣ, кормятъ и поятъ и даютъ имъ одежды и постели и призираютъ къ нимъ изрядно во всякихъ ихъ нуждахъ.

Работниковъ и надъ работниками приставовъ есть въ томъ шпиталѣ довольно, которые во всякихъ потребахъ того шпиталя чинятъ услуги. А въ которое время больнымъ подаютъ пищу, въ то время дохтуры ходятъ и смотрятъ на пищи и пишутъ, что̀ который болящій ѣлъ и сколько съѣлъ какой пищи и что̀ ему дать пищи на другой день или въ вечеръ — всего того тѣ дохтуры съ прилежаніемъ смотрятъ. А на всякія нужды того шпиталя сбирается въ годъ интраты, т. е. доходу по 150000 шкудовъ съ лавокъ и съ дворовъ и съ земель, которые дворы, лавки и земли въ тотъ шпиталь даны отъ Неаполитанскаго вицерея и ото всѣхъ Неаполитанцевъ по волѣ Гишпанскаго короля.

При томъ шпиталѣ есть сады изрядные для травъ и коренью въ аптеку и для забавы и гулянья болящимъ, которые отъ болѣзней начнутъ свобождатися, тѣ по малу въ садахъ гуляютъ. Которые въ томъ шпиталѣ отъ болѣзней помираютъ, тѣхъ погребаютъ казною того жъ шпиталя. А болящихъ въ томъ шпиталѣ, лечатъ и кормятъ, и поятъ, и покоятъ безъ заплаты всякихъ людей, кто бъ ни пришелъ Христа ради. Такихъ еще въ Неаполѣ 6 шпиталей, только тѣ всѣ величествомъ и доходомъ меньше сего шпиталя.

Потомъ поѣхалъ я во академію Неаполитанскую. Та академія построена казною публичною, т. е. королевскою, зѣло велика, въ

которой 120 палатъ великихъ нижнихъ и верхнихъ; сдѣланы тѣ палаты вверхъ въ пять житей. Въ тѣхъ палатахъ учатся до философіи и до богословіи и иныхъ высокихъ наукъ и анатоміи. Въ той академіи бываетъ студентовъ 4000 человѣкъ и больше, учатся всѣ безъ платы, кто ни придетъ, вся плата мастерамъ королевская. Въ той же академіи сдѣлана особая палата на диспуты и на свидѣтельство учениковъ: которые докончаютъ науку, тѣхъ свидѣтельствуютъ диспутами въ той вышеписанной палатѣ. Та палата сдѣлана полукруглая подобно церковному алтарю. Въ передней стѣнѣ противъ дверей сдѣлано мѣсто высокое подобно королевскому мѣсту; по обѣ стороны отъ того мѣста вокругъ подѣланы мѣсты въ четыре ряда вверхъ, по которымъ мѣстамъ во время диспуты сидятъ мастеры и всякіе ученые люди, на диспуты собранные, и студенты.

Близко той палаты сдѣлана палата, гдѣ чинится анатомія; та палата не есть велика и построена по обыкновенію какъ надлежитъ быть анатоміи.

Въ той академіи есть въ Неаполѣ 400 человѣкъ дохтуровъ, а лекарей и аптекарей и медицинъ съ 2000 человѣкъ. Тѣ всѣ живутъ безъ платы на своемъ коштѣ и кормятся своею наукою отъ Неаполитанскаго вицерея и отъ принциповъ, и графовъ, и дуковъ, и маркезовъ, и отъ шляхты, и отъ купцовъ, и отъ всякихъ Неаполитанскихъ жителей.

Потомъ поѣхалъ я гулять на морской берегъ, гдѣ строятъ нѣкоторыя утѣхи къ празднику своему по Римскому календарю Іюля къ 21-му числу, ставятъ у моря по берегу столбы и обиваютъ досками между многими фонтанами, которыя по морскому берегу построены; и то ихъ строеніе во время праздника будетъ все обвѣшено и накрыто камками и иными уборами, и цвѣтами, и фруктами. По тому мѣсту будетъ процессія, при которой изрядная будетъ музыка спѣванная и игранная, и во время того праздника изъ вышеписанныхъ фонтанъ вмѣсто воды будутъ истекать вина розныя виноградныя, красныя и бѣлыя, и разбираемы будутъ тѣ вина неимущими и кто похочетъ безвозбранно. Того праздника въ Неаполѣ я не дождался, для того что поспѣшилъ ѣхать въ Мальтійскій островъ, чтобъ не упустить времени, въ которое время надлежало мнѣ ѣхать до Мальту.

Потомъ пріѣхалъ я въ домъ одного Неаполитанскаго принципа, который меня принялъ съ любовью и потчивалъ меня шербетами разными. У того принципа сидѣлъ я даже до часа ночи съ Неаполитанскими кавалерами; и какъ я отъ того принципа пошелъ, и онъ

меня проводилъ на крыльцо, а другіе кавалеры проводили меня до кареты съ великими свѣчами, сдѣланными изъ бѣлаго воску. Отъ того принципа пріѣхалъ я паки въ остарію, въ которой стоялъ.

Іюля въ 5-й день. По обѣдѣ прислалъ кавалеръ Неаполитанскій ко мнѣ карету и просилъ меня, чтобъ я пріѣхалъ въ домъ одного Неаполитанскаго дворянина смотрѣть казни, какъ будутъ казнить одного человѣка смертью, и я въ той каретѣ пріѣхалъ въ домъ близко пляца, которое пляцо у вицереева двора. На томъ пляцѣ поодаль вицереева двора поставлено колесо на бревнѣ высоко на двѣ сажени въ высоту или мало выше, и со всѣхъ сторонъ то колесо подперто бревнами, чтобъ стояло крѣпко, и приставлены къ тому колесу двѣ лѣстницы малыя съ двухъ сторонъ. На пляцѣ при томъ колесѣ множество народу собралось смотрѣть той казни, и за два часа до ночи пришло солдатъ 30 человѣкъ и оступили то помяненное колесо вокругъ, чтобъ народъ къ тому колесу близко не тѣснился. Потомъ идетъ одинъ человѣкъ и въ рукахъ несетъ письмо и трубу; въ ту трубу протрубя читаетъ письмо, какого злодѣя ведутъ и за какое дѣло его хотятъ казнить; и такъ отъ того мѣста, гдѣ тотъ злодѣй сидѣлъ, даже до того помяненнаго колеса тотъ человѣкъ трубилъ и письмо читалъ, чтобъ весь народъ то вѣдалъ, за что тотъ злодѣй будетъ казненъ. За тѣмъ человѣкомъ идутъ немного солдатъ, при которыхъ ѣдутъ верхами 3 человѣка капитановъ отъ трибуналу, т. е. отъ приказу, въ которомъ судятъ смертныя дѣла. За тѣми капитанами одинъ человѣкъ въ бѣломъ платьѣ и на головѣ бѣлый тюрюкъ и лицо все закрыто, только прорѣзано противъ глазъ, чтобъ могъ видѣть, несетъ крестъ высоко немалый, на которомъ вырѣзанъ образъ тѣла Христова. За нимъ идутъ въ томъ же бѣломъ одѣяніи и въ тюрюкахъ 20 человѣкъ лучшихъ людей Неаполитанскихъ жителей высокихъ честныхъ породъ, а укрываются всѣ для того, чтобъ ихъ никто не позналъ. За ними идетъ тотъ человѣкъ, который осужденъ на смерть, въ бѣломъ запонѣ и въ штанахъ, а на ногахъ чулки и башмаки. Позади его идетъ палачъ, привязалъ малую веревку къ поясу и за ту веревку держитъ, а тотъ осужденный въ рукахъ несетъ невеликій крестъ, на которомъ изображено распятіе Христово. По обѣ стороны того осужденнаго идутъ два человѣка поповъ Римской вѣры въ томъ же помяненномъ бѣломъ платьѣ и въ тюрюкахъ, изъ тѣхъ поповъ одинъ ему отецъ духовный; и, шедъ съ нимъ, тѣ попы непрестанно ему говорятъ, чтобъ онъ упоминалъ свой грѣхъ и былъ бы въ надеждѣ спасенія, чтобъ не пришелъ въ отчаяніе; и уготованное колесо ему на мученіе отъ него тѣ попы закрываютъ, чтобъ онъ увидѣвъ то не обезпамятѣлъ. И какъ его

къ тому колесу привели, и у лѣстницы, которою тому осужденному на то колесо идтить, сталъ тотъ осужденный на колѣни, а духовникъ его, припадчи къ нему, шепталъ ему въ ухо съ четверть часа, утверждая его, чтобы онъ съ надеждою милости Божіей умиралъ, а не отчаявался бы милосердія Божія. Потомъ тотъ его духовникъ, обнявъ его, поцѣловалъ въ голову и отступилъ отъ него; а палачь, взявъ его, повелъ по лѣстницѣ на колесо и его за собою повелъ; другой человѣкъ созади поддерживалъ того осужденнаго и помогалъ ему на лѣстницу идтить, понеже бо тотъ осужденный отъ страху насилу могъ на колесо по лѣстницѣ идтить. И какъ на колесо его ввели и положили на колесѣ взничъ, а голову поворотили на лѣвую сторону правымъ вискомъ вверхъ, и завязали ему глаза платкомъ, а руки и ноги привязали крѣпко къ колесу, также и голову къ колесу привязали; а по другой вышепомяненной лѣстницѣ взошелъ на тожъ колесо съ другой стороны того осужденнаго духовникъ, держа въ рукѣ крестъ, и какъ того осужденнаго палачъ къ колесу привязывалъ, а тотъ его духовникъ сидѣлъ на колесѣ надъ нимъ съ крестомъ и непрестанно его словами утверждалъ, чтобъ онъ не страшился смерти и съ надеждою бъ умиралъ, а не въ отчаяніи. Когда уже палачъ глаза осужденному закрылъ платкомъ, тогда духовникъ, его крестомъ оградя, съ колеса сошелъ. Потомъ палачъ взялъ великій желѣзный молотъ и долго надъ головою осужденнаго махалъ и ударилъ тѣмъ молотомъ изъ обѣихъ рукъ того осужденнаго въ правый високъ и проломилъ ему голову даже до мозгу и вдругоредь ударилъ сильно тѣмъ же молотомъ по лбу, паки проломилъ ему голову, изъ которыхъ ранъ множество истекло крови. Потомъ ударилъ тѣмъ же молотомъ по груди, потомъ по тайнымъ удамъ, потомъ по колѣнямъ, потомъ паки по головѣ, и такъ тѣмъ молотомъ прибилъ его до смерти. И снявъ съ него чулки и башмаки, тотъ палачъ съ колеса сошелъ, а въ которое время палачъ того осужденнаго къ колесу привязывалъ и билъ, въ то время духовникъ осужденнаго и всѣ, которые были въ бѣломъ платьѣ и въ тюрюкахъ, стояли около того помяненнаго колеса по землѣ на колѣняхъ и молились за душу осужденнаго, чтобъ ему Богъ отпустилъ его согрѣшеніе.

Тотъ осужденный былъ породою Римлянинъ, служилъ въ Неаполѣ у одного капитана за челядника и сего Іюля въ 3-й день въ вицереевыхъ палатахъ побранился съ вицереевымъ слугою и закололъ того вицереева слугу въ вицереевыхъ палатахъ до смерти, и его поймавъ сего Іюля въ 5-й день и казнили той же ночи Іюля противъ 6-го числа. Тѣло его, снявъ съ колеса, разсѣкли начет-

веро и развѣсили на полѣ отъ Неаполя по милѣ и по двѣ, чтобъ всѣмъ было во устрашеніе, чтобъ въ вицереевыхъ палатахъ никто никого не убивалъ.

Потомъ изъ вышеписаннаго шляхетскаго дому поѣхалъ я къ себѣ на остарію на послѣднемъ часу дня.

Іюля въ 6-й день. Поутру нанявъ карету, поѣхалъ я въ Езувитскій монастырь. Въ томъ монастырѣ церковь немалая изнутри убрана вся алебастромъ рѣзнымъ изрядно. Потомъ пришелъ въ палату, гдѣ Езувиты обѣдаютъ. Та палата великая убрана изрядно столярной работою орѣховымъ деревомъ, столовъ въ ней много, накрытыхъ изрядными чистыми скатертями, и положенъ хлѣбъ имъ на пищу зѣло изрядный, крупичатый самый бѣлый. Потомъ изъ той палаты вышедъ видѣлъ изрядную фонтану, которая сдѣлана изъ кремней и изъ раковинъ морскихъ предивною работою. Потомъ пришелъ въ аптеку, гдѣ убраны 5 палатъ аптекарскихъ многими лекарствы зѣло предивно. Потомъ пришелъ въ малую церковь, которая сдѣлана между келій предивнымъ мастерствомъ; стѣны и своды въ той церкви и престолъ сдѣланы хрустальные въ изрядныхъ рѣзьбахъ золоченыхъ. Въ той же церкви сдѣланы въ стѣнѣ три лампады, которыя непрестанно горятъ, заставлены великими круглыми хрусталями, и огонь тѣхъ лампадъ скрозь хрусталей видѣть, и въ церкви отъ нихъ свѣтлость, а копоти въ церкви отъ тѣхъ лампадъ не бываетъ. Изъ той церкви пришелъ въ тѣ палаты, гдѣ на Езувитовъ платья шьютъ и моютъ. Тѣ палаты немалыя и убраны шкафами изрядно. Въ тѣхъ палатахъ сдѣлана малая церковь, уборъ въ ней изрядный. Въ той церкви показывали мнѣ много мощей святыхъ, между которыми видѣлъ я нѣкотораго мученика отъ главы кость. Въ той кости одинъ гвоздь желѣзный великій, который тому мученику былъ прибитъ при мучителѣ во время страданія его за Христа, такъ и нынѣ есть въ той церкви. Изъ той церкви пришелъ въ библіотеку, гдѣ видѣлъ въ трехъ палатахъ множество книгъ, между которыми показали мнѣ книгу великую — гишторія Московская печатная на Латынскомъ языкѣ. Въ той книгѣ въ лицахъ напечатано городъ Москва, Кремль и Китай и Бѣлый городъ, и подписаны башни и рѣки, и улицы Славянскимъ языкомъ и литерами Славянскими жъ. Въ той книгѣ описано все Московское государство. Въ той же библіотекѣ видѣлъ два глобуса великихъ, одинъ небесный, другой земной. Изъ той библіотеки пришелъ въ новую библіотеку, которая еще не окончена. Та палата зѣло велика, изнутри всѣ стѣны той палаты обдѣланы орѣховымъ деревомъ предивною столярною работою, и подѣланы шкафы, въ которыхъ будутъ лежать книги. Изъ

той палаты пошедъ, видѣлъ въ палатахъ подѣланы три круга: однимъ кругомъ объявляетъ часы денные и ночные, другимъ кругомъ объявляетъ дни мѣсячные, третьимъ кругомъ показуетъ деклинацію солнечную; а инструменты, которыми тѣ круги дѣйствуютъ, приведены веревками съ другой стороны того монастыря отъ боевыхъ часовъ издалека. Потомъ видѣлъ палаты, въ которыхъ бываютъ у нихъ диспуты, также много школъ, въ которыхъ учатся студенты. Въ томъ монастырѣ бываетъ студентовъ полтораста человѣкъ и больше. Потомъ пошелъ въ погребы, гдѣ стоитъ вино; тамъ видѣлъ три погреба великихъ, въ которыхъ много бочекъ наполненныхъ разными изрядными вины. Тѣхъ бочекъ съ виномъ есть больше 2000. Потомъ изъ того монастыря поѣхалъ; Езувиты проводили меня до кареты. Въ тотъ монастырь приходитъ всякихъ доходовъ въ годъ по 18000 шкудовъ.

Пріѣхалъ въ монастырь Кармилитанскій, въ которомъ есть образъ чудотворный Пресвятыя Богородицы и образъ же распятія Христова наклоненнаго главою отъ пушечнаго ядра, о которомъ монастырѣ писалъ я въ сей книгѣ выше сего.

Въ томъ монастырѣ сего Іюля въ 6-й день есть по Римскому календарю праздникъ, и образъ Пресвятыя Богородицы чудотворная икона открыта, которую я сподобился видѣть. Въ томъ костелѣ слышалъ я музыки спѣванной и игранной; и потомъ во время обѣда пріѣхалъ паки къ себѣ въ остарію.

Обыкность въ Неаполѣ у праздниковъ подобна Московской. У той церкви, гдѣ праздникъ, торговые люди подѣлаютъ лавки и продаютъ сахары, и всякіе конфекты, и фрукты, и лимонады, и шербеты.

Того жъ числа послѣ обѣда пріѣхали ко мнѣ въ остарію Неаполитанцы-дворяне въ каретахъ и просили меня о томъ, чтобы я съ ними въ ихъ каретахъ поѣхалъ смотрѣть разныхъ наукъ, которымъ наукамъ учатся Неаполитанскихъ жителей честныхъ людей дѣти, и я съ ними пріѣхалъ на одинъ дворъ, который построя держатъ изъ платы Езувиты. Тотъ дворъ длиненъ, а не широкъ, палатъ на немъ много, построены изряднымъ мастерствомъ въ высоту въ четыре жилья. Въ томъ домѣ всегда бываетъ учениковъ по 100 человѣкъ, а временемъ и больше и меньше Неаполитанскихъ жителей честныхъ людей дѣти, а недворянской породы въ томъ домѣ никого нѣтъ и не принимаютъ. Въ томъ домѣ учатся прежде грамотѣ словесной и писать и полатыни и инымъ разнымъ наукамъ. Тутъ же учатся биться на шпадахъ по-гишпански со штылетами и безъ штылетовъ; тутъ же учатся играть бандерою, т. е. знаменемъ; тутъ

же учатся танцовать разныхъ танцевъ, тутъ же учатся ѣздить на лошадяхъ, тутъ же учатся скакать на лошади, не вступая въ стремя, изрядными штуками, и всѣмъ тѣмъ наукамъ учатся ученики по вся дни кромѣ Недѣли и праздниковъ. И если отдастъ кто въ тотъ домъ сына своего для наукъ, тотъ повиненъ за него платить Езувитамъ, которые тотъ домъ держатъ, по 9-ти шкудовъ въ мѣсяцъ. За тою платою того студента въ томъ домѣ будутъ кормить и поить, какая пища надлежитъ честнымъ людямъ, и постеля ему въ томъ домѣ будетъ изрядная, и учить его будутъ всѣмъ вышеписаннымъ наукамъ за тою жъ платою; а студенты въ томъ домѣ живутъ въ разныхъ палатахъ; которые лѣтъ по 10 и меньше — тѣ живутъ въ нижнихъ палатахъ, которые лѣтъ по 13 или 14—тѣ живутъ надъ ними въ особыхъ палатахъ; которые лѣтъ по 20 — въ особыхъ же палатахъ. И такъ тѣ студенты разобраны на 6 статей. Какъ я въ томъ домѣ пришелъ въ ту палату, въ которой учатся биться на шпадахъ и знаменемъ играть, и танцовать, и черезъ лошадь скакать, въ той палатѣ для меня велѣли учители студентамъ своимъ биться на шпадахъ и знаменемъ играть, и танцовать разные танцы, и скакать черезъ лошадь, которая стоитъ въ тѣхъ палатахъ сдѣлана изъ дерева, и на ней сдѣлано сѣдло подобно Нѣмецкому сѣдлу. Та лошадь сдѣлана въ мѣру лошади Нѣмецкой немалой. И тѣ студенты зѣло меня удивили, какъ бились на шпадахъ и знаменемъ играли, и танцовали зѣло малолѣтніе ребятки лѣтъ по 10 или по 12; а въ наукахъ своихъ зѣло искусны, а паче удивленія достойно, какъ въ той палатѣ 4 человѣка изрядныхъ молодцовъ и честныхъ отцовъ дѣти скакали черезъ деревянную вышепомяненную лошадь, какими дивными штуками и какою легкостью, того описать подлинно невозможно. Потомъ я въ томъ домѣ ходилъ по тѣмъ палатамъ, въ которыхъ тѣ студенты живутъ; въ тѣхъ палатахъ поставлены имъ всякому человѣку особая кровать и постели изрядныя, всѣ покрыты зелеными суснами, и у всякой кровати особая завѣса зеленая жъ. Въ тѣхъ же палатахъ поставлены длинные столы, на которыхъ тѣ студенты играютъ для забавы мячами. Потомъ пришелъ въ ту палату, въ которой тѣ всѣ вышеупомянутые студенты ѣдятъ; въ той палатѣ поставлены столы многіе, на которыхъ постланы скатерти изрядныя бѣлыя и тарелки, и ножи съ вилками, и ложки—все чистое изрядное, также полотенца бѣлыя всегда. И какъ я изъ тѣхъ палатъ сошелъ на дворъ, и на дворѣ вышеписанные студенты, которые того дни скончили алекци, играютъ великими мячами по обыкности Итальянской. И какъ я съ того двора пошелъ, и меня Езувиты и студенты съ почтеніемъ и съ любовью проводили.

Потомъ пріѣхалъ я на морской берегъ, гдѣ обыкновенно Неаполитанцы по вся дни гуляютъ въ каретахъ, также и жены и дѣвицы. Въ томъ мѣстѣ есть монастырь Кармилитанскій, въ которомъ сего Іюля въ 6-й день по Римскому календарю былъ праздникъ. Въ томъ мѣстѣ встрѣтился я съ Неаполитанскимъ вицереемъ, гдѣ онъ ѣздитъ и гуляетъ по морскому берегу въ каретѣ; съ нимъ въ каретѣ сидитъ противъ его капитанъ, Римскій шляхтичъ; за каретой его идутъ люди его, убранные въ цвѣтные атласные кафтаны по Гишпанской модѣ. И я ему отдалъ поклонъ, сидя въ каретѣ, также и онъ заимно мнѣ поклонился. За нимъ ѣздятъ слуги его въ каретахъ, по 4 человѣка сидитъ въ каретѣ.

По тому морскому берегу противъ Кармилитанскаго вышепомяненнаго монастыря, въ которомъ былъ того числа праздникъ, и изготовлена потѣха огненная изъ ракетъ, которую я пожелалъ видѣть, и пріѣхалъ на дворъ одного Неаполитанскаго сенатора, который называется капо-ди-трибунало, т.-е. голова надъ судьями. И сидитъ тотъ сенаторъ въ трибуналѣ на мѣстѣ короля Гишпанскаго. Изъ того дому смотрѣлъ я, какъ ту вышепомяненную огненную потѣху запалили, въ которой было много ракетъ верховыхъ, а паче много было ракетъ, привязанныхъ къ доскамъ, которыя рвало подобно пѣхотной стрѣльбѣ, и иныя штуки были изрядныя. Потомъ я изъ того дому, изъ котораго смотрѣлъ, поѣхалъ къ себѣ въ остарію, въ которой стоялъ.

Іюля въ 7-й день. По обѣдѣ пріѣхали ко мнѣ кавалеръ Мальтійскій да маркизъ Неаполитанскій, и взяли меня съ собою въ своихъ каретахъ гулять, и пріѣхалъ я съ ними въ домъ одного великаго Неаполитанскаго дука, который есть въ Неаполѣ судья. Великій тотъ его домъ сдѣланъ при морѣ на красовитомъ мѣстѣ, палаты сдѣланы вновь, еще и не докончены, числомъ палатъ зѣло много и пространны зѣло. Уборы въ палатахъ предивныя, картины Итальянскихъ изрядныхъ писемъ и зеркалы великія, по которымъ писаны цвѣты и фрукты преславною живописною работою, также и иныхъ предивныхъ уборовъ въ тѣхъ палатахъ много. Того вышеписаннаго дука дѣти, три сына малые, первому сыну 12, другому 8, третьему 4 года; тѣ его три сына, веселя меня, пѣли при цимбалахъ по нотамъ и танцовали изрядно пофранцузски и зѣло удивительно, что и четырехъ-лѣтній младенецъ пѣлъ по нотамъ и танцовалъ пофранцузски. Потомъ пошелъ я въ садъ, въ которомъ много изрядныхъ деревъ плодовитыхъ и цвѣтовъ, и построенъ тотъ садъ предивно. Въ томъ саду много преславныхъ фонтанъ, пречудною работою сдѣланныхъ, изъ которыхъ изрядныя чистыя воды истекаютъ зѣло

штучно. Изъ того саду поѣхалъ я къ себѣ въ остарію, въ которой стоялъ. Того жъ числа Москвичи наши князь Михайло, князь Андрей Хилковы, нанявъ коляски, поѣхали изъ Неаполя назадъ въ Венецію; а я остался въ Неаполѣ, для того что имѣлъ намѣреніе ѣхать въ Мальтійскій островъ.

Городъ Неаполь подъ властію короля Гишпанскаго, стоитъ на ровномъ мѣстѣ при морѣ, близко одной высокой горы, на которой построена Неапольская фортеца каменная изрядною крѣпостью. По той горѣ по всей Неаполитанскихъ жителей домы и сады изрядные. Самый городъ Неаполь каменный, изряднымъ мастерствомъ построенъ, ворота проѣзжіе предивною пропорціею устроены, и домы всѣ въ Неаполѣ каменнаго строенія, а деревяннаго ничего нѣтъ. Палаты Неаполитанскихъ жителей модою особою, не такъ какъ въ Италіи, въ иныхъ мѣстахъ подобятся много Московскому палатному строенію. Украшеніе въ палатахъ имѣютъ изрядное, обитья камчатныя и иныя всякія, а больше любятъ палаты убирать картинами изрядныхъ писемъ и зеркалами великими, а зеркалы ставятъ къ стѣнамъ на столахъ. Въ домахъ держатъ для забавы цимбалы и другіе мусикійскіе инструменты кромѣ органъ, а органъ кромѣ церквей въ домахъ не держатъ. Шкафы изрядные въ палатахъ ставятъ Неаполитанской работы и въ нихъ ставятъ вещи изрядныя изъ разныхъ матерій сдѣланы за стеклами для украшеній.

Въ Неаполѣ живетъ вицерей, т. е. подвластный король подъ державою Гишпанскаго короля, и присылаются тѣ вицереи отъ короля Гишпанскаго изъ Мадриту на 6 лѣтъ въ Неаполь; а который вицерей будетъ Неаполитанскимъ жителямъ потребенъ, тотъ бываетъ въ Неаполѣ вицереемъ и больше 6 лѣтъ по прошенію Неаполитанцевъ, а который вицерей Неаполитанскимъ жителямъ будетъ и непотребенъ, однако меньше 6 лѣтъ въ Неаполѣ не бываетъ. А посылаются въ Неаполь вицереями самые честные люди высокихъ породъ, и кого король Гишпанскій намѣритъ послать въ Неаполь вицереемъ, тотъ прежде повиненъ ѣхать изъ Мадриту отъ короля Гишпанскаго посломъ въ Римъ къ папѣ и жить у папы въ Римѣ 2 года безъ подмоги, на своемъ коштѣ, потомъ пріѣдетъ въ Неаполь вицереемъ. Тому Неапольскому вицерею отъ Неаполитанцевъ великая почесть, имѣютъ его за короля и во всемъ ему послушны, а доходовъ всякихъ приходитъ ему въ годъ 300000 шкудовъ. Которые городы надлежатъ провинціею къ Неаполю, какъ городы Баръ и Барлетъ и Манфредонъ и иные,—въ тѣ городы Неаполитанскій вицерей отпускаетъ отъ себя губернаторомъ, кого похочетъ.

Товарищъ вицерея въ Неаполь генералъ присылается изъ Мадриту жъ отъ короля Гишпанскаго надъ пѣхотою по землѣ и по морю, и живетъ тотъ генералъ въ Неаполѣ. Построенъ ему изрядный домъ, на которомъ много палатъ изрядныхъ, и караулъ у генеральскаго двора всегда стоитъ—капитанъ съ солдатами; однакожъ тотъ генералъ вицерею отдаетъ великую почесть и мало что не за государя его себѣ имѣетъ, также и дукамъ Неаполитанскимъ старымъ людямъ честныхъ породъ тотъ генералъ въ засѣданіи мѣсто уступаетъ; а вицерея имѣютъ себѣ всѣ за главу.

Пѣхоты въ Неаполѣ 500 человѣкъ солдатъ. Тѣ солдаты стоятъ на караулахъ у вицереева двора, также у генеральскаго двора и въ иныхъ мѣстахъ, гдѣ надлежитъ быть и ходятъ по всему Неаполю въ день и въ ночь, смотрятъ того, чтобъ не было дракъ и убивства, и никакого воровства не чинилось нигдѣ.

Платье носятъ въ Неаполѣ вицереи и всѣ честные люди, кто какою модою изволитъ, а больше любятъ строи Французскіе; а Гишпанское древнее платье носятъ марканты, т. е. купцы, и иные подлые люди и слуги сенаторскіе и шляхетскіе.

Платья Гишпанскаго мода особая: все черное зѣло короткое, штаны зѣло узкіе, рукава вдоль распороты, и сверху епанчи носятъ черныя жъ. Жены и дѣвицы Неаполитанскія носятъ уборы Французскіе и на головахъ носятъ уборы Французскіе жъ, а иныя и погишпански ходятъ съ непокровенными головами.

Неаполитанцы мужеска полу къ форестирамъ, т. е. къ иноземцамъ ласковы и привѣтны, а женскій полъ и дѣвицы имѣютъ нравы зазорные и скрываются подобно Московскимъ обычаямъ.

Честные люди въ Неаполѣ, также и жены ихъ и дочери, ѣздятъ въ каретахъ, а пѣши не ходятъ: то у Неапольцевъ подъ зазоромъ. А мужеска полу люди въ Неаполѣ верхомъ на лошадяхъ не ѣздятъ, старые и молодые—всѣ въ каретахъ и колясках, и каретъ и колясокъ въ Неаполѣ премногое множество.

Неаполитанскіе жители между собою съѣзжаются часто и живутъ зѣло любовно, а когда съѣдутся въ домъ, потчиваютъ другъ друга шербетами и лимонадами, а вина пьютъ мало винограднаго, а водокъ отнюдь не пьютъ, также и табаку дымового не курятъ, а носовой табакъ у всѣхъ Неаполитанцевъ изъ рукъ не выходитъ, и зѣло много его всѣ употребляютъ — мущины и женщины, и дѣвицы.

Пьянство въ Неаполѣ и блудный грѣхъ подъ великимъ зазоромъ и подъ страхомъ, и говорить о томъ Неаполитанцы гнушаются, не только что дѣлать.

Въ Неаполѣ въ самомъ мѣстѣ изрядныхъ монастырей разныхъ законовъ 160, а которые есть за городомъ и съ тѣми всѣхъ 300. Церквей приходскихъ въ Неаполѣ 400 слишкомъ, которыя зѣло изряднымъ украшены уборомъ и безмѣрно богаты.

Людей въ Неаполѣ, сказываютъ, всѣхъ 600000 человѣкъ служилыхъ и торговыхъ всякаго чину.

Лошадей въ Неаполѣ добрыхъ мало, а больше ѣздятъ въ каретахъ и колягскахъ на мулахъ, а работы всякія работаютъ на лошадяхъ. Рядовъ и лавокъ въ Неаполѣ зѣло много, и въ нихъ всякихъ товаровъ довольно, и харчу всякаго въ Неаполѣ много, мяса и рыбы, и всякой живности, а рыбы всѣ морскія, а рѣчныхъ рыбъ нѣтъ; а паче много въ Неаполѣ всякихъ изрядныхъ фруктовъ и зѣло дешевы, а лимоны въ Неаполѣ зѣло велики, какихъ величествомъ во всей Италіи нигдѣ нѣтъ, и зѣло дешевы.

Садовъ въ Неаполѣ множество изрядныхъ съ плодовитыми деревьями и цвѣтами, въ которыхъ множество фонтанъ изрядныхъ съ чистыми водами. По улицамъ и по домамъ фонтанъ въ Неаполѣ преславныхъ множество, которыя подѣланы изрядными штучными работами. Улицы въ Неаполѣ и переулки широкіе, всѣ вымощены лещадьми сѣраго твердаго камени, ровно и зѣло изрядно.

Мастеровыхъ всякихъ людей въ Неаполѣ множество, а паче много мастеровъ которые дѣлаютъ чулки шелковые, также вяжутъ шелковыя шапки спальныя и рукавицы, и штаны, и кафтаны вяжутъ шелковые съ золотомъ и серебромъ изрядною работою; однакожъ тѣ тамъ вещи не гораздо дешевы.

Много жъ мастеровъ, которые дѣлаютъ коробочки и иныя всякія вещи изъ черепахъ и нарѣзываютъ ихъ зототомъ и серебромъ, и раковинами, и костьми; также дѣлаютъ черепаховые ларцы великіе изряднымъ же мастерствомъ.

Домы сенаторскіе и шляхетскіе въ Неаполѣ серебромъ зѣло богаты; блюдъ, тарелокъ, рукомойниковъ и лаханей во всякомъ шляхетскомъ домѣ довольно, также шандаловъ серебрянныхъ и чашъ довольно жъ. Въ Неаполѣ жъ въ остаріяхъ ложки и черенья ножевые, и вилки, и солонки серебрянныя.

Въ Неаполѣ живетъ кардиналъ, который имѣетъ подъ своимъ регимeнтомъ арцибискуповъ и бискуповъ, и апатовъ въ Неаполитанской области, а домъ того кардинала въ Неаполѣ близко соборнаго костела зѣло великъ, множество на немъ палатъ изрядныхъ и уборныхъ; и живетъ тотъ кардиналъ многолюдно; да и всѣ Неаполитанскіе жители честные люди живутъ не безлюдно, и за каретами

ихъ, когда сами и жены ихъ ѣздятъ, ходитъ пѣшихъ людей довольно подобно Московскому обыкновенію.

Въ Неаполѣ живетъ папежевъ нунціушъ, т. е. посолъ. Домъ его на великой улицѣ, палатъ множество предивныхъ и уборныхъ. Тотъ домъ сенатора Неаполитанскаго и отданъ во владѣніе нунціушу папежскому, а сенатору за тотъ домъ платятъ цѣну по чему доведется на годъ изъ королевской казны; а какъ тотъ нунціушъ поѣдетъ изъ Неаполя въ Римъ, и тотъ домъ по прежнему отдадутъ сенатору, чей онъ есть.

Остарій въ Неаполѣ, т. е. постоялыхъ дворовъ, много, а построены всѣ рядомъ въ одномъ переулкѣ лучшіе, а иные есть и по инымъ мѣстамъ небольшіе. Форестировъ, т. е. пріѣзжихъ иноземцевъ, въ Неаполѣ бываетъ мало для дальняго разстоянія.

Неаполитанцы носятъ волосы накладные короткіе особою модою, а больше любятъ ходить въ натуральныхъ волосахъ; а которые и носятъ накладные волосы и тѣ дѣлаютъ подобіемъ натуральныхъ волосъ; насилу можно познать, на комъ есть накладные волосы, а подлый народъ головы стригутъ до гола, только оставляютъ мало волосовъ по вискамъ, а дѣлаютъ то для великихъ жаровъ: въ Неаполѣ и во время зимы бываетъ зѣло тепло, и снѣгъ тамъ никогда не лежитъ на землѣ, всегда теплота, для того что Неаполь подъ 30 дней темперамента и близокъ ко экватору, всего высокости на сорокѣ трехъ градусахъ, а въ лѣтѣ жары отъ солнца бываютъ въ Неаполѣ непомѣрные. Изъ Неаполя въ Мадритъ къ королю Гишпанскому посылается въ годъ казны всякихъ доходовъ 50000 дукатовъ, а кромѣ того иныхъ доходовъ съ Неаполя на Гишпанскаго короля никакихъ нѣтъ. Подъ властію Гишпанскаго короля есть такихъ 6 мѣстъ, въ которыхъ бываютъ вицереи, а изъ тѣхъ мѣстъ Неаполь числомъ второе мѣсто.

А не бывъ въ караванѣ генераломъ и не будетъ у папы въ Римѣ посломъ, не можетъ быть и вицереемъ; такая есть въ томъ обыкность: кто хочетъ быть вицереемъ, тотъ повиненъ прежде быть въ гармадѣ генераломъ, потомъ посломъ у папы въ Римѣ, потомъ будетъ вицереемъ, какъ о томъ писано въ сей книгѣ выше сего.

Въ Неаполѣ одна церковь Греческая, а служатъ въ ней попы уніаты, которые соединили Греческую вѣру съ Римскою, а самихъ Греческихъ церквей въ Неаполѣ нѣтъ, и Грековъ, которые бы были Греческой вѣры, въ Неаполѣ нѣтъ же, чтобъ которые жили домами, развѣ бываютъ пріѣзжіе для торговъ.

Іюля въ 8-й день. Нанялъ я себѣ филюгу, далъ за нее отъ Неа-

поля до Мальтійскаго острова и отъ Мальту до Неаполя и въ Мальтѣ за тою же платою стоять 15 дней всего 100 шкудовъ Неаполитанскихъ, того будетъ 40 золотыхъ червонныхъ. На той филюгѣ одна пиліота да 8 человѣкъ маринаровъ. И поѣхалъ я Іюля въ 8-й день отъ Неаполя въ Мальту въ той помяненной филюгѣ въ 6-мъ часу дня. Вѣтръ былъ намъ неспособный, однакожъ бѣжали парусомъ, а въ иныхъ мѣстахъ шли и на веслахъ и послѣ полудня пришли въ одно мѣсто, которое называется Пола, отъ Неаполя 24 мили Ит., и въ томъ мѣстѣ стояли 4 часа, убирались въ филюгѣ; а, убрався, отъ того мѣста за два часа до ночи пошли и пришли въ отдачу часовъ дневныхъ подъ село, которое называется Дольпарано, отъ вышеписанной остаріи, которая называется Пола, 16 миль Ит., и подъ тѣмъ селомъ Дольнарано ночевали. Отъ Неаполя по берегу морскому много жилыхъ мѣстъ строенія каменнаго и садовъ изрядныхъ, между которымъ строеніемъ по горамъ при морѣ построены многія башни каменныя на высокихъ мѣстахъ, башня отъ башни сажень по 100 и больше, и на тѣхъ башняхъ всегда стоитъ гвардія, т. е. караулъ, смотрятъ на море, чтобъ безвѣстно Турецкіе люди подъ Неаполь моремъ не пришли.

Іюля въ 9-й день. Изъ подъ села Дольнарано пошли на веслахъ, для того что вѣтру нималаго не было и до полудня того шли на веслахъ, а съ полудня почалъ быть намъ вѣтръ способный, и мы, учиня три паруса, побѣжали и пополудни вскорѣ поровнялись противъ города Салерны. Тотъ городъ стоитъ при морѣ, Неаполитанской провинціи, мѣсто есть великое. Въ томъ городѣ есть губернаторъ отъ Неаполя. Тотъ городъ разстояніемъ 60 миль Ит. Потомъ поровнялись противъ города Аропеля Неаполитанской же провинціи, отъ Неаполя 90 миль Ит., тотъ городъ стоитъ при морѣ подъ горами. Потомъ пріѣхали противъ города Неаполитанской же провинціи, который зовется Коштеля Делебода, отъ Неаполя 95 миль Итальянскихъ. Тотъ городъ стоитъ подъ горами жъ при морѣ. Потомъ пріѣхали противъ города Ляцерона, фортеца каменная, стоитъ при самомъ морѣ подъ горами жъ. Тотъ городъ Ляцерона Неаполитанской провинціи, отъ Неаполя 110 миль Ит. И въ томъ мѣстѣ мы пристали за 4 часа до ночи и тутъ ночевали, для того что другого порту, т. е. пристанища, засвѣтло дойти не могли, а ночью идтить подлѣ берега не можно, для того что гвардія, т. е. караулы на башняхъ, которыя башни построены по морскому берегу, въ ночи по филюгамъ, которыя близко берега ходятъ, стрѣляютъ, опасаясь того, чтобъ въ ночи тайно не прошли Турецкія суды.

Іюля въ 10-й день. На первомъ часу дня изъ подъ города Ляцерона мы пошли и плыли до 8-го часа дня на греблѣ и парусомъ, а въ 8-мъ часу того дни приплыли подъ городъ Камароду. Тотъ городъ Гишпанскаго короля, отъ города Ляцерона 45 миль Италіянскихъ, стоитъ при самомъ морѣ подъ горами, строеніе въ немъ все каменное. Владѣетъ тѣмъ городомъ одинъ Неаполитанскій принципъ. Подъ тѣмъ городомъ мы пристали и стояли полчаса. Потомъ пошли на греблѣ, для того что вѣтру никакого не было, и приплыли противъ города Полюгаста. Тотъ городъ стоитъ при самомъ морѣ подъ горами, во владѣніи тотъ городъ одного шляхтича Неаполитанскаго, отъ города Камарода 16 миль Ит. Отъ сего города Полюгаста началась Калабрія. Отъ Полюгаста 8 миль Ит. городъ Гишпанскій Маратея, стоитъ на берегу морскомъ подъ горами. Строеніе въ тѣхъ городахъ все каменное. Потомъ за часъ до ночи пріѣхали подъ городъ Шкалею, который стоитъ при морѣ по горѣ; мѣсто невеликое, строеніе все каменное. Отъ города Маратеи до сего города Шкалеи 18 миль Итальянскихъ. Тотъ городъ есть въ Калабріи въ области Гишпанскаго короля; подъ тѣмъ городомъ мы ночевали.

Ѣхавъ отъ города Маратеи къ городу Шкалеѣ видѣлъ я въ морѣ недалеко отъ насъ превеликую рыбу, что̀ называется китъ, которая долго плавала поверхъ воды и прыскала воду морскую вверхъ на многія сажени зѣло высоко. Величествомъ та рыба какъ великій насадъ, мѣрою сажень 30 или больше въ длину и толста безмѣрно; а какъ играла поверхъ воды и хвостъ кверху подымала, тотъ ея хвостъ величествомъ подобенъ хороминѣ.

Іюля въ 11-й день. За полчаса до свѣту отъ того города Шкалеи мы пошли, вѣтръ намъ былъ способный, и бѣжали двумя парусами, а прибѣжали въ часъ дни противъ города Тризули отъ Шкалеи 8 миль Ит. Тотъ городъ небольшой, стоитъ при морѣ подъ горами, строеніе въ немъ все каменное.

Потомъ пріѣхали противъ города Мажара, отъ Тризули одна миля Итальянская. Тотъ городъ стоитъ также при морѣ, строеніе все каменное, городъ невеликъ. Потомъ пріѣхали противъ города Череля, отъ Мажара одна миля Ит. Городъ Черель стоитъ на берегу моря подъ горами, строеніе въ немъ все каменное. Тотъ городъ небольшой, а всѣ тѣ городы Гишпанскаго короля въ Калабріи.

Потомъ пріѣхали противъ города Діаманта, отъ Череля 3 мили Итальянскихъ, стоитъ при морѣ на горѣ, строеніе въ немъ все ка-

менное. Тотъ городъ Гишпанскаго жъ короля, въ Калабріи жъ, владѣетъ имъ одинъ Неаполитанскій дворянинъ. Тотъ городъ немалый, около его много садовъ съ оливнымъ деревьемъ.

Потомъ пріѣхали противъ города Беллявода. Тотъ городъ въ Калабріи жъ Гишпанскаго жъ короля, стоитъ при самомъ морѣ, отъ Діаманта 6 миль Ит., строеніе въ немъ все каменное. Потомъ пріѣхали противъ города Люшитраля. Тотъ городъ Гишпанскаго жъ короля въ Калабріи, стоитъ по горѣ при самомъ морѣ, строеніе въ немъ все каменное, отъ Беллявода 14 миль Ит. Тотъ городъ невеликъ, однакожъ строенъ, на веселоватомъ мѣстѣ поставленъ. Промежъ городомъ Белляводомъ и городомъ Люшитралемъ есть одна гора великая, по которой много плодовитаго деревья, и множество на той горѣ всякихъ родится фруктовъ изрядныхъ, какихъ во всей Италіи и въ иныхъ мѣстахъ мало гдѣ обрѣтается. Потомъ пріѣхали противъ города Фешкавда, отъ Люшитраля 14 миль Ит. Тотъ городъ въ той же Калабріи Гишпанскаго жъ короля, стоитъ при морѣ на высокой горѣ, строеніе все въ немъ каменное, около его по горамъ много лѣсовъ.

Потомъ пріѣхали противъ города Павло въ той же Калабріи, Гишпанскаго жъ короля, стоитъ при морѣ въ полугорѣ въ зѣло изрядномъ мѣстѣ, строеніе въ немъ все каменное. Около того города по горамъ много лѣсовъ, подъ тѣмъ городомъ сдѣланъ и подъ горы къ воротамъ того города каменный великій мостъ въ длину сажень 70 и больше. Тотъ городъ отъ Фешкавда 3 мили Итальянскихъ.

Пототъ пріѣхали противъ города Сантолюцета въ той же Калабріи, Гишпанскаго жъ короля, стоитъ при морѣ подъ горами, строеніе въ немъ все каменное, отъ Павло до Сантолюцета 4 мили Ит. Около его по горамъ есть пашни, по которымъ сѣютъ пшеницы.

Потомъ пріѣхали противъ города Шумуфринта, отъ Сантолюцета 10 миль Ит., стоитъ при самомъ морѣ зѣло на высокой каменной горѣ на веселомъ мѣстѣ въ той же Калабріи, того жъ Гишпанскаго короля, строеніе въ немъ все каменное. При одной сторонѣ на высокой каменной горѣ построены палаты великія изрядной препорціи. При томъ городѣ много живутъ рыболововъ.

Потомъ пріѣхали противъ города Беллямунда. Тотъ городъ Гишпанскаго жъ короля, въ Калабріи жъ, стоитъ при самомъ морѣ подъ горами, строеніе въ немъ все каменное, а замокъ того города на высокой горѣ; около того города горы каменныя, никакихъ плодовитыхъ деревъ на нихъ нѣтъ. Тотъ городъ отъ Шумуфринта 6 миль Итальянскихъ.

Потомъ пріѣхали къ городу Лябантею, отъ Беллямунда одна миля Ит. въ той же Калабріи, Гишпанскагожъ короля, стоитъ при морѣ по горѣ, строеніе въ немъ все каменное, городъ немалъ. Въ томъ городѣ живетъ губернаторъ, Неаполитанскій дворянинъ. Приплыли мы подъ тотъ городъ на послѣднемъ часу дни, подъ тѣмъ городомъ и ночевали.

Во всей Калабріи промежъ вышеписанныхъ городовъ, которые городы сидятъ по берегу морскому, много есть по горамъ и подъ горами при самомъ морѣ жилья строенія каменнаго и садовъ, и пашни, гдѣ сѣютъ пшеницы по горамъ. Города Лябантея фортеца каменная зѣло на высокой каменной горѣ древняго строенія, и подо всѣмъ подъ тѣмъ городомъ гора каменная къ морю зѣло крутая, на которую отъ моря невозможно никакому животному взойтить. Около того города есть сады и жилье по самому морскому берегу.

Іюля въ 12-й день. За два часа до свѣту изъ подъ Лябантея пошли мы на греблѣ, а потомъ шли парусомъ и на веслахъ паки и пришли противъ города Люпица. Тотъ городъ стоитъ при морѣ на берегу подъ горами, строеніе въ немъ все каменное, въ той же Калабріи, Гишпанскаго короля, отъ Лябантея 40 миль Итальянскихъ.

Потомъ пріѣхали мы противъ города Трубея въ Калабріи жъ, Гишпанскаго короля, отъ Люпица 18 миль Ит. Тотъ городъ стоитъ при самомъ морѣ на берегу морскомъ, строеніе въ немъ все каменное, городъ немалъ; около его есть по горамъ лѣса и пашни, гдѣ сѣютъ пшеницы. Подъ тѣмъ городомъ мы не стояли, проплыли его мимо пополудни.

Потомъ приплыли къ городу, который называется Чоя, отъ Трубея 25 миль Ит. Тотъ городъ въ той же Калабріи, Гишпанскаго короля, стоитъ при морѣ подъ горами, около его есть по горамъ лѣса и пашни, гдѣ сѣютъ пшеницы.

Потомъ приплыли къ городу Любонару, отъ Чоя 14 миль Ит. Тотъ городъ въ Калабріи жъ, Гишпанскаго жъ короля, стоитъ при самомъ морѣ на берегу подъ горами, строеніе въ немъ все каменное, городъ невеликъ; около его по горамъ есть лѣса и пашни, гдѣ сѣютъ пшеницы.

Потомъ пріѣхали во второмъ часу ночи къ Цицилійскому острову, гдѣ издалека увидѣли на одной башнѣ, которая построена на томъ Цицилійскомъ берегу при самомъ морѣ, для сторожи, фонарь поставленъ высоко, и запалены въ немъ свѣчи для того, чтобъ желающіе на Цицилійскомъ острову ѣхать въ ночи по морю имѣ-

ли бъ правую себѣ дорогу, смотря тотъ фонарь. Отъ города Любонара до того Цицилійскаго острова 12 миль Ит. И какъ мы пріѣхали въ то мѣсто, гдѣ намъ по правую сторону былъ Цицилійскій островъ, а по лѣвую сторону Калабрія и ночевали подъ селомъ Торнадафора, въ томъ селѣ живутъ все рыболовы. Отъ вышепомяненной башни, на которой стоитъ въ ночи фонарь съ запаленными свѣчами, то село Торнадафора 3 мили Ит., и, ночевавъ подъ тѣмъ селомъ, видѣли страхъ въ ночи: нашу филюгу съ якоря сорвало и отнесло въ море, гдѣ съ великимъ трудомъ и страхомъ черезъ великую силу спаслись и паки на томъ же мѣстѣ поставили филюгу свою на два якоря.

Іюля въ 13-й день. Рано за часъ до свѣту изъ подъ того села пошли и на первомъ часу дни пришли подъ городъ Мисину, отъ того вышепомяненнаго села 12 миль Ит., а шли того времени подлѣ берега Цицилійскаго острова, гдѣ видѣлъ до самой Мисины по берегу много жилья, строеніе все каменное, также и садовъ много по тому жъ берегу. Между Цицилійскимъ островомъ и Калабріею море гораздо узко, всего верстъ на 6, а въ иныхъ мѣстахъ шире и уже.

Городъ Мисина на Цицилійскомъ острову стоитъ при самомъ морѣ по морскому берегу. Городъ Мисина—мѣсто великое, строеніе все каменное. И пріѣхавъ мы въ филюгѣ своей, пристали подъ самымъ городомъ Мисиною, гдѣ пришелъ къ намъ одинъ человѣкъ Мисинецъ и сказалъ намъ, чтобъ съ филюги нашей никто на берегъ не выходилъ, покамѣстъ осмотритъ кавалеръ, который на то устроенъ, практики моей, которую я взялъ изъ Неаполя, т. е. проѣзжихъ моихъ листовъ. И я стоялъ въ филюгѣ 4 часа, дожидаясь отъ того помяненнаго кавалера указу, для того что тотъ кавалеръ спалъ долго дня; а, смотря тотъ кавалеръ моихъ проѣзжихъ листовъ, далъ мнѣ свободу идтить съ филюги въ городъ Мисину, только по обыкности своей, чтò было у насъ въ филюгѣ ружья моего и маринерскаго, то ружье все и отъ филюги сапецъ *) взяли у насъ къ тому вышеписанному кавалеру во дворъ за караулъ; а дворъ того кавалера построенъ на берегу моря; въ томъ мѣстѣ подъ его дворомъ всякій форестиръ, т. е. иноземецъ, пріѣхавъ въ Мисину, повиненъ съ судномъ своимъ пристать. И какъ я, отъ того кавалера взявъ себѣ позволеніе пошелъ въ городъ и пришедъ сталъ въ остаріи или на постояломъ дворѣ, которая остарія называется Францезе-Аврора, гдѣ мнѣ отвели одну камору со стулами и съ кроватью, и съ постелью и столомъ. Противъ самаго города Мисины на другой сторонѣ моря въ Калабріи городъ Гишпанскаго жъ короля Риджо.

*) ? П. Б.

Тотъ городъ стоитъ при морѣ подъ горами и есть мѣсто немалое, строеніе въ немъ все каменное.

Городъ Мисина на Цицилійскомъ берегу первое мѣсто и зѣло велико, множество въ немъ домовъ предивнаго строенія, также много костеловъ и монастырей изрядныхъ, въ которыхъ живутъ законники и законницы разныхъ законовъ, а все одной Римской вѣры. Въ Мисинѣ жъ церковь Греческая во имя св. великомученицы Екатерины, другая церковь Греческая жъ во имя св. Марины. Въ тѣхъ двухъ церквахъ самая Греческая вѣра, а третья церковь уніатская во имя святителя Николая. Въ той церкви алтарь сдѣланъ подобіемъ какъ въ Греческихъ церквахъ, а престолъ въ алтарѣ сдѣланъ подобіемъ Римской церкви. Иконы писемъ Греческихъ, и надъ престоломъ поставленъ образъ Чудотворца Николая письма Греческаго.

Городъ большой каменный, сдѣланъ новою модою съ бастіонами, изрядною крѣпостью, одна сторона къ морю, а другая къ горамъ; а малыхъ фортецъ, т.-е. замковъ въ Мисинѣ 8 отъ горъ и съ моря, подѣланы новою жъ модою со изрядными крѣпостьми.

При морѣ построенъ домъ, который называется арсиналъ, на томъ дворѣ дѣлаютъ всякія морскія суды. По берегу морскому на многихъ саженяхъ построены предивнымъ мастерствомъ изрядныя великія палаты въ четыре жилья вверхъ, также и во всемъ городѣ Мисинѣ домы и палаты изряднаго строенія. Городъ Мисина зѣло люденъ, и много въ немъ рядовъ лавокъ и товаровъ всякихъ, а наипаче много караяковъ *) красныхъ великихъ и малыхъ, также и мастеровыхъ всякихъ людей въ Мисинѣ довольно.

Та Мисина и всѣ городы, которые есть на Цицилійскомъ берегу, подъ властію Гишпанскаго короля, и народъ въ Мисинѣ Гишпанскій и говорятъ всѣ Итальянскимъ языкомъ.

Въ Мисинѣ живетъ вицерей, т.-е. наказной король отъ Гишпанскаго короля присылается подобно тому, какъ и въ Неаполѣ, и управленіе въ Мисинѣ все Гишпанское.

Въ Мисинѣ дворянъ и честныхъ людей Гишпанцевъ много, живутъ домами, платье носятъ Гишпанской моды, также и жены ихъ и дѣвицы ходятъ погишпанскому. Честные люди ѣздятъ въ каретахъ, а марканты, т.-е. купцы, ходятъ пѣши. Монеты, т.-е. деньги въ Мисинѣ ходятъ серебрянныя и мѣдныя особыя Цицилійскія, не такія какъ въ Неаполѣ, и кромѣ Цицилійскаго и Мальтійскаго острововъ та монета нигдѣ не ходитъ. Харчъ всякій въ Мисинѣ, мясо и рыба, и хлѣбъ, и фрукты, т.-е. гроздіе, не дорого, и есть того всего довольно.

Народы въ Мисинѣ есть разные: Французы и Греки и Цыгане,

---

*) ? П. Б.

которые забавляются, а паче жъ питаются исконнымъ своимъ мастерствомъ кузнечествомъ, живутъ безъ домовъ, сидятъ по улицамъ наги и работаютъ.

Противъ города Мисины въ морѣ сдѣлана башня, на той башнѣ стоитъ фонарь наверху, и въ ночи всегда въ томъ фонарѣ бываетъ огонь для пріѣзжихъ въ Мисину, чтобъ видѣть было, гдѣ есть портъ. Народъ Гишпанскій въ Мисинѣ гордый и къ пріѣзжимъ форестирамъ, т.-е. иноземцамъ, непривѣтливъ. Домъ вицереевъ въ Мисинѣ великій, построенъ на морскомъ берегу, и караулъ у вицереева двора стоитъ какъ и въ Неаполѣ. Солдатъ въ Мисинѣ только 400 человѣкъ, живутъ на вицереевой платѣ, также и офицеры, т.-е. начальные люди, у пѣхоты, живутъ на вицереевой же платѣ.

Съ пріѣзду въ Мисину у воротъ придѣланъ пристѣнъ каменный, въ томъ пристѣнѣ стоятъ 8 пушекъ желѣзныхъ великихъ къ морю дулами; въ томъ же пристѣнѣ стоитъ и гвардія, т.-е. караулъ. При Мисинѣ сдѣланъ домъ великій въ морѣ, который называется лазаретъ, строеніе каменное. Въ томъ лазаретѣ много поставлено палатъ, а построенъ тотъ домъ для того: когда волею Божіею въ Месинѣ бываетъ моровое повѣтріе или иныя болѣзни прилипчивыя къ людямъ, какъ есть фебрамалинга или франки, и иныя тому подобныя, тогда тѣхъ болящихъ изъ Мисины вывозятъ въ тотъ лазаретъ и тамъ ихъ лечатъ и которые люди пріѣзжаютъ въ Мисину съ Леванту, т.-е. съ Востоку, тѣхъ людей держатъ въ томъ лазаретѣ 40 дней и не спускаютъ ихъ въ городъ и къ нимъ никого не пускаютъ же, опасаясь того, что на Востокѣ бываетъ часто моровое повѣтріе.

Съ одной стороны города Мисины сдѣлана фортеца, которая называется цитаделя. Первая фортеца въ Мисинѣ сдѣлана отъ моря изряднымъ крѣпкимъ мастерствомъ. Въ томъ замкѣ великихъ и малыхъ 700 пушекъ. Та фортеца сдѣлана новою модою съ бельвардами зѣло изрядно и крѣпко. Подъ Мисиною портъ, т.-е. пристанище морскимъ судамъ, зѣло велико и угодно до входу въ него всякимъ судамъ.

Іюля въ 14-й день. Поутру рано изъ Мисины мы поѣхали; вѣтру способнаго намъ не было, шли на греблѣ, потомъ припалъ вѣтръ способный и немалый, и мы бѣжали парусомъ. Всѣхъ было насъ 20 филюгъ и бѣжали всѣ вмѣстѣ, а потомъ припалъ вѣтръ безмѣрно великъ, и почало филюги отрывать отъ берегу въ море, и въ маломъ времени филюги всѣ разнесло, что ни одна другой видѣть не могли. Тутъ былъ намъ превеликій страхъ, для того что филюга наша была не обвязана пуками по обыкновенію, а отъ береговъ оторвало насъ въ море далеко, и насилу отъ потопленія

спаслися силою Божіею и прибѣжали къ городу Ляшкалету, отъ Мисины 12 миль Ит. Тотъ городъ стоитъ при морѣ на горѣ, строеніе въ ней все каменное, а стоитъ на томъ же Цицилійскомъ острову, а Калабрія у насъ осталась влѣвѣ. Отъ Мисины до Ляшкалета по морскому берегу на Цицилійскомъ острову по горамъ и и подъ горами много жилья строенія каменнаго, и монастыри есть при морѣ по горамъ. Потомъ пріѣхали подъ городъ Мацу, отъ Ляшкалета 2 мили Ит. Тотъ городъ стоитъ на Цицилійскомъ же острову при самомъ морѣ промежъ горъ, строеніе въ немъ все каменное, мѣсто небольшое, около его по горамъ лѣса небольшие и пашни есть малыя, по которымъ сѣютъ пшеницы.

Потомъ пріѣхали противъ города на Цицилійскомъ же острову, который называется Сантолія, стоитъ при самомъ морѣ внизу промежъ горъ, а фортеца его на горѣ. Мѣсто невеликое, строеніе въ немъ все каменное, отъ города Маца 4 мили Ит. Около того города по горамъ небольшіе лѣса и пашни, гдѣ сѣютъ хлѣбъ. Промежъ городовъ Мацею и Сенцоліею есть жилья немало и строенія каменнаго по морскому берегу и по горамъ.

Потомъ пріѣхали противъ города, который стоитъ при морѣ на горѣ на томъ же Цицилійскомъ острову и называется Савана, мѣсто немалое. Тотъ городъ между великихъ горъ, строеніе въ немъ все каменное, отъ Сантолія 6 миль Ит. Около сего города по горамъ и подъ горами много жилья строенія каменнаго. По тѣмъ же горамъ лѣса мелкіе и пашни есть небольшія, по которымъ сѣютъ пшеницы. Потомъ пріѣхали противъ города на томъ же Цицилійскомъ острову, который называется Сантолезина, отъ Савана 6 миль Ит. Тотъ городъ стоитъ при морѣ подъ высокими горами, около его строенія каменнаго много, также и въ немъ строеніе все каменное; около его по горамъ лѣса мелкіе и пашни есть небольшія, гдѣ сѣютъ пшеницы.

Потомъ пріѣхали противъ города Аллядора, отъ Санталезина 4 мили Ит. Тотъ городъ на томъ же Цицилійскомъ острову стоитъ при морѣ подъ горами, по которымъ горамъ есть мелкіе лѣса и пашни, гдѣ сѣютъ пшеницы.

Потомъ пріѣхали противъ города Далормина на Цицилійскомъ острову, отъ Аллядоро 2 мили Итальянскихъ. Тотъ городъ стоитъ при морѣ на верху высокой горы. Городъ невеликъ, а зѣло красивъ, на веселоватомъ мѣстѣ построенъ, строеніе въ немъ все каменное изрядное, около его по горамъ лѣса мелкіе и пашни, которыя насѣяны пшеницею.

Потомъ за часъ до ночи пришли подъ городъ Лятрецу, на

томъ же Цицилійскомъ острову, стоитъ при самомъ морѣ подъ горами, мѣсто самое малое, строеніе въ немъ все каменное. Тотъ городъ отъ Далормина 30 миль Итальянскихъ. Подъ тѣмъ вышеписаннымъ городомъ Лятрецею портъ, т.-е. пристанище всякимъ морскимъ судамъ. Около того города Лятрецы лѣса мелкіе и пашни есть, на которыхъ сѣютъ пшеницы. Подъ тѣмъ городомъ мы ночевали; сего числа былъ на морѣ вѣтръ великій способный намъ и неспособный, часто измѣнялъ дыханіе, и погода была презѣльно великая, отъ которой мы были въ превеликой трудности и въ смертномъ страхѣ.

Іюля въ 15-й день. За два часа до свѣту изъ подъ Лятрецы мы пошли на веслахъ и на разсвѣтѣ пришли противъ города, который называется Катанія, отъ Лятрецы 10 миль Ит. Городъ Катанія зѣло великъ, стоитъ на берегу морскомъ на ровномъ мѣстѣ на томъ же Цицилійскомъ острову, строеніе въ немъ все каменное изрядное, около его по полямъ много пашенъ, гдѣ сѣютъ пшеницы. И какъ мы противъ того города поровнялись, къ намъ припалъ вѣтръ способный, гдѣ мы, поднявъ парусы, бѣжали прытко.

Потомъ пріѣхали противъ города Ляндина, тотъ городъ—мѣсто зѣло велико, вдвое больше города Неаполя, стоитъ на горахъ отъ моря въ восьми миляхъ Итальянскихъ на томъ же Цицилійскомъ острову, отъ Катаніи 20 миль Ит. Въ томъ городѣ строеніе все каменное и зѣло тотъ городъ многолюденъ. Въ томъ городѣ начальствуетъ принципъ де-Батера, т.-е. князь Батеринскій, а служитъ тотъ князь Гишпанскому королю.

Потомъ пріѣхали противъ города Авосты, отъ Ляндина 20 миль Итальянскихъ. Тотъ городъ на томъ же Цицилійскомъ острову стоитъ по берегу морскому на ровномъ мѣстѣ подъ горами, мѣсто немалое. По обѣ стороны того города построены двѣ фортецы изрядныя и весь тотъ городъ строенія каменнаго. Подъ тѣмъ городомъ портъ, еже есть пристаницe судовъ морскихъ изрядное, въ которомъ могутъ приставать корабли и галеры, и всякія суды. Около того мѣста по горамъ и по ровнымъ мѣстамъ многія есть пашни, на которыхъ сѣютъ пшеницы. Прежъ сего времени за 7 лѣтъ въ томъ городѣ было трясеніе земли, въ то время подъ тѣмъ городомъ стояла въ пристани одна галера Мальтійская, на которой было Мальтійскихъ кавалеровъ и маринеровъ всего 40 человѣкъ, и во время трясенія земли ту галеру опрокинуло, и бывшіе на немъ кавалеры и маринеры всѣ 40 человѣкъ погибли, ни одинъ изъ нихъ не спасся.

Потомъ пріѣхали противъ города Сиракозы, отъ Авосты 20 миль Ит. Тотъ городъ стоитъ на самомъ берегу морскомъ на ров-

номъ мѣстѣ на томъ же Цицилійскомъ острову. Городъ немалъ, строеніе въ немъ все каменное изрядное, построенъ тотъ городъ новою модою, весь каменный съ бельвардами, изрядною крѣпостью; около его по ровнымъ мѣстамъ пашни есть многія, на которыхъ сѣютъ пшеницу, подъ тѣмъ городомъ портъ, т.-е. пристанище. Отъ Авосты до Сиракозы по берегу морскому по ровнымъ мѣстамъ и по горамъ немало есть жилья строенія каменнаго. Подъ тѣмъ городомъ видѣли мы двѣ галеры Мальтійскія, которыя ѣздятъ всегда по Медитеранскому морю отъ Мальту до Цициліи и отъ Цициліи до Мальту и кругомъ того Цицилійскаго острова. Тѣ галеры ходя ищутъ того, гдѣ бъ могли наѣхать на Турецкихъ людей и, ежели гдѣ наѣдутъ, тутъ съ ними бьются, буде имъ будетъ въ силу, въ какихъ бы судахъ Турки ни были, для того, чтобъ изъ Цициліи до Мальту, также изъ Мальту въ Цицилію проѣздъ былъ христіанамъ свободный; однакожъ въ тѣхъ мѣстахъ Турковъ бываетъ всегда много въ галіотахъ, и въ галерахъ, и въ корабляхъ, и въ тартанталахъ, и въ фустахъ и въ иныхъ судахъ; а паче много бываетъ Турковъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ переѣзжаютъ отъ Цициліи до Мальту; чрезъ море того мѣста есть отъ Цициліи до Мальту 80 миль Итальанскихъ.

Потомъ пріѣхали къ городу, на томъ же Цицилійскомъ острову, стоитъ при морѣ на ровномъ мѣстѣ близко горъ, строеніе въ немъ все каменное, городъ небольшой, отъ Сиракозы 20 миль Итальянянскихъ. Около того города по горамъ и по ровнымъ мѣстамъ много есть пашни, гдѣ сѣютъ пшеницы, есть и сѣнокосныя мѣста. Подъ тѣмъ городомъ мы ночевали. Въ томъ городѣ много живутъ рыболововъ, которые ловятъ въ морѣ великія и малыя рыбы и солятъ въ кадяхъ, а иныя вялятъ соленыя жъ рыбы и отвозятъ продавать въ Мисину и въ иные городы, которые суть на Цицилійскомъ острову. Подъ тѣмъ городомъ встрѣтили мы одну филюгу, въ которой ѣхали Гишпанцы и сказали намъ, чтобъ мы ѣхали въ Мальтъ опасно, для того что они видѣли близко того города 4 корабля Турецкихъ; также и жители того города намъ сказывали, что они всегда видаютъ близко своего города Турецкихъ людей, и сего Іюля 14 дня видѣли подъ своимъ городомъ три корабля Турецкихъ, которые ходятъ по Медитеранскому, т.-е. по Бѣлому, морю и смотрятъ, чтобъ могли поймать христіанъ, проѣзжихъ изъ Цициліи до Мальту, и всегда Турецкіе люди на Мальтійской дорогѣ бываютъ и добываются.

ДВѢ ГРАМОТЫ

ЦАРЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА ГРОЗНАГО

въ Суздальскій Покровскій дѣвичій монастырь [1])

1580 и 1582 годовъ.

1.

Отъ царя и великаго князя Ивана Васильевича всея Русіи въ Суздаль въ нашу богомолью, во обитель Покрова Святѣй Богородицы, дѣвича монастыря, богомолицѣ нашей игуменьѣ Леонидѣ съ сестрами. Здѣсь на насъ идетъ недругъ нашъ Литовскій король со многими силами, и мы къ нему посылали о миру и съ покореніемъ, и онъ съ нами мириться не хочетъ, а на нашу землю идетъ ратью. И вы бъ пожаловали, молили Господа Бога и Пречистую Богородицу, и великихъ чудотворцевъ, и всѣхъ святыхъ, чтобъ Господь Богъ отворотилъ праведный Свой гнѣвъ, движущійся на ны, и православнаго бъ крестьянства державу сохранилъ мирну и цѣлу, недвижиму и непоколебиму, а православному бъ крестьянству побѣду далъ на вся видимыя и невидимыя враги. А мы вамъ, богомолицамъ своимъ, челомъ бьемъ, а милостыни есми къ вамъ послали шестнадцать рублёвъ. Писано на Москвѣ, лѣта 7088 Августа въ 12 день.

*

Наоборотѣ столбца адресъ: «Въ Суздаль въ нашу богомольню, въ обитель Покрова Святѣй Богородицы дѣвича монастыря, богогомолицѣ нашей игуменьѣ Леонидѣ съ сестрами».

2.

Отъ царя и великаго князя Ивана Васильевича въ Суздаль Покровскаго дѣвича монастыря игуменьѣ Леонидѣ, еже о Христѣ съ сестрами. Подалъ намъ грамоту слуга вашъ Андрѣй Бѣлинъ невѣжливо; и вы бъ впредъ къ намъ слугъ съ грамотами о такихъ дѣлѣхъ не присылали, а велѣли отдавати нашимъ ближнимъ людемъ, а они ихъ до насъ доносятъ. А старицѣ Александрѣ [2]) послали есми на келью съ тѣмъ же слугою съ Андрѣемъ пятнадцать рублёвъ. Писано на Москвѣ, лѣта 7090 Августа въ 30 день.

*

На оборотѣ столбца адресъ: «Покровскаго дѣвича монастыря игуменьѣ Леонидѣ, еже о Христѣ, съ сестрами».

(Сообщилъ А. Леонидъ).

---

1) Извѣстно, что Суздальскій Покровскій дѣвичій монастырь служилъ пріютомъ для невольныхъ постриженицъ знатныхъ лицъ женскаго пола. Тутъ жили и скончались: первая супруга царевича Іоанна, Евдокія (въ иноч. Александра) и царица Евдокія Өеодоровна (въ иноч. Елена), супруга Петра Перваго.

2) Старица Александра, въ мірѣ Евдокія Богдановна Сабурова, первая супруга царевича Ивана Ивановича съ 1571 г. Ноября 4-го, пострижена 1575 † въ Покровскомъ же монастырѣ 1614 г. въ Октябрѣ.

О семействѣ пастора Глюка.

Въ Сентябрѣ 1741 года, совѣтникъ коллегіи Лифляндскихъ и Эстляндскихъ дѣлъ Эрнестъ Готлибъ Глюкъ подалъ въ Сенатъ челобитье о выдачѣ ему и потомкамъ его диплома на дворянство и герба.

Челобитчикъ самолично показалъ въ Герольдмейстерской Конторѣ, что ему отъ роду 43 года, что онъ природный Лифляндецъ и родился въ Лифляндіи, въ крѣпости Маріенбургѣ. А отецъ его, Эрнестъ Глюкъ, былъ въ этой крѣпости „препозитусомъ", и въ прошломъ-де 704 году, въ бытность свою въ Москвѣ, умре. А мать его, „Крестина, была фонъ-Рекстернова роду, Лифляндскаго шляхетства". „И оной матери его, челобитчика, по указу Е. И. В. Императора Петра Великаго, за службу упомянутаго отца его, опредѣлено было денежнаго жалованія его по 300 рублевъ повсягодно, да въ общее владѣніе съ зятемъ его, контръ-адмираломъ Никитою Петровичемъ Вильбоимъ, въ Лифляндіи, въ Дерптскомъ уѣздѣ, деревня Айя, въ которой, въ прошломъ 1740 году, оная мать челобитчика Крестина умре".

Эрнесту Готлибу Глюку проектированъ былъ такой гербъ: „Золотой крылатый шаръ; на шарѣ стоящее Счастіе или Фортуна".

Изготовленные гербъ и дипломъ почему-то не были конфирмованы, и только въ 1781 году Сенатъ положилъ слѣдующую резолюцію: „1745 года Марта 15 дня велѣно было сочиненный Глюку дипломъ предложить къ подписанію Ея Императорскаго Величества, когда она изволитъ быть въ Сенатѣ. А какъ на нынѣшнее время оной дипломъ уже не служитъ, то оное дѣло и отдать въ Архивъ".

Сообщено А. П. Барсуковымъ.

ПИСЬМА ГРАФА ПЕТРА ИВАНОВИЧА ПАНИНА КЪ БРАТУ ЕГО ГРАФУ НИКИТѢ ИВАНОВИЧУ.

Пресѣкшійся нынѣ въ мужскомъ поколѣніи родъ графовъ Паниныхъ *) составлялъ славу Русскаго имени въ новомъ періодѣ нашей исторіи. То были люди душесильные и полные государственнаго смысла. Развитое въ нихъ сознаніе собственнаго достоинства оправдывалось неукоризненною службою государству и непрестанною заботливостью не о своемъ только положеніи и выгодахъ, но и о благѣ отечества. Они служили не изъ жалованья, которое шло на ихъ карманныя траты, и это не отъ избытка личныхъ доходовъ (первые трое Панины были не очень богаты), а отъ того, что чуждались роскоши и были домовиты. Преданные государямъ, они не боялись говорить имъ правду и готовы были покинуть занимаемое мѣсто, коль скоро дальнѣйшее служеніе не согласовалось съ тѣмъ, что̀ считали они правдою. Имъ было куда уйти изъ службы: ихъ окружала тѣсно-сплоченная, многочисленная родня; сослуживцы и подчиненные имъ чиновники дорожили ими; домочадцы и крѣпостные люди чувствовали ихъ заботу о себѣ и платили имъ за нее не только трудомъ своимъ, но и преданностью. Словомъ они были крѣпки странѣ и своей землѣ вполнѣ своеземны, любя въ тоже время просвѣщеніе и принадлежа къ образованнѣйшимъ людямъ своего времени.

Панины были старинные Калужскіе дворяне, предокъ которыхъ нѣкогда (можетъ быть, съ Софьею Палеологъ) выѣхалъ изъ Лукки.

Панинское имя прославлено въ прошломъ столѣтіи братьями Никитою и Петромъ Ивановичами (получившими 22 Сентября 1767 года отъ Екатерины Великой Русское графство), сыновьями одного изъ

---

*) Въ Іюлѣ 1872 года скончался графъ Владиміръ Викторовичъ (единственный сынъ министра юстиціи, графа Виктора Никитича), не оставивъ сына.

сподвижниковъ Петра Великаго, дослужившагося еще при немъ до генеральскаго чина, Ивана Васильевича (р. 1673 † 1736) и Аграѳены Васильевны Еверлаковой (р. 1688 † 1753), которая была племянницею князя А. Д. Меншикова. Она не разлучалась съ мужемъ въ многочисленные его походы и частныя командировки въ теченіе великой Сѣверной войны. Старшую дочь свою Александру (р. 1711 † 1786) они выдали за князя А. Б. Куракина и черезъ него породнились съ самыми знатными семьями. И. В. Панинъ служилъ между прочимъ по коммисаріатскому вѣдомству въ Данцигѣ, гдѣ 13 Сентября 1718 г. родился старшій его сынъ Никита Ивановичъ, воспитатель великаго князя Павла Петровича и главный дѣятель Русской политики за первыя двадцать лѣтъ Екатерининскаго царствованія. На три года моложе его былъ второй сынъ, Петръ Ивановичъ († 15 Апрѣля 1789), генералъ-губернаторъ Восточной Пруссіи, покоритель Бендеръ, усмиритель Пугачевскаго бунта. Дѣтство ихъ протекло между Нѣмцами, въ Ревельской губерніи, въ важной тогда приморской крѣпости Пернавѣ, которой И. В. Панинъ былъ комендантомъ.

Связанные тѣсною дружбою оба брата могутъ быть предметомъ большой, поучительной и богатой историческими показаніями книги, которая, мы увѣрены, со временемъ появится *). Бѣглыя черты ихъ біографіи собраны Бантышемъ-Каменскимъ въ его „Словарѣ достопамятныхъ людей Русской земли“. Будущій біографъ воспользуется нижеслѣдующими письмами, за сообщеніе которыхъ мы обязаны правнукѣ графа П. И. Панина, княгинѣ М. А. Мещерской. Первое письмо, съ описаніемъ славной побѣды нашей надъ Прусаками въ Пальцихскомъ сраженіи (близъ Франкфурта на Одерѣ) писано въ Стокгольмъ, гдѣ Н. И. Панинъ былъ тогда нашимъ посланникомъ. *П. Б.*

---

*) Вышедшая въ 1862 году книжка П. С. Лебедева „Графы Н. и П. Панины“ любопытна лишь по тѣмъ бумагамъ, которыя въ нее включены изъ Государственнаго Архива. Легкомысленныя сужденія и жалкіе выводы автора нынѣ уже не стоятъ опроверженія. *П. Б.*

1.

Описаніе Пальцигскаго сраженія.

Батюшка, дорогой мой братецъ, Никита Ивановичъ!

Случай настоящаго дѣла меня предъ вами, любезной другъ, извинитъ, что я не могъ, послѣ полученной нынѣ надъ непріятелемъ нами побѣды, съ первою отъ командующаго нашего генерала депешею къ вамъ самъ написать, затѣмъ что я нѣсколько дней до сей баталіи наижесточайше мучился подагрою, а и въ баталію велѣлъ себя людямъ встащить на лошадь и до самой ночи на ней въ должности своей былъ. Послѣ же принужденъ той болѣзни заплатить сіе дерзновеніе тѣмъ, что вотъ уже третій день какъ съ постели не схожу и насилу сегодня правую ногу поднимать зачалъ. Однакоже утѣшило меня то, что вамъ отъ нашего милостиваго шефа *) хотя точно и не сказано, что я изъ сей баталіи совсѣмъ здравъ вышелъ, но дано знать, что у насъ изъ генералитета только убитъ генералъ-поручикъ Демику, а раненъ бригадиръ Ельчаниновъ. Почему ласкаю себя, что разсудительное ваше великодушіе васъ ото всякаго о мнѣ сумнѣнія тѣмъ освободило. И такъ, удостовѣря симъ васъ, мой любезной другъ, о томъ, что я ничѣмъ невредимъ изъ сей баталіи вышелъ, начинаю васъ увѣдомлять о происшествіи ея.

Послѣ того, какъ смѣло предпріемлемой непріятель, въ Польшу вступя, приближался къ Познани, желая на сторонѣ рѣки Варты отъ Вислы сюрпренировать нашъ малый деташементъ, прикрывающій тяжелые обозы, когда нашелъ всю нашу армію успѣвшую на той сторонѣ рѣки предстать ему въ ордеръ-де-баталіи, отступилъ и, опять отдаляся двумя маршами, черезъ оную рѣку на Померанскую сторону переправился: то нашъ командующій генералитетъ поло-

*) Графа П. С. Салтыкова. *П. Б.*

жилъ со всею арміею на него иттить и искать къ баталіи принудить или, отдаля отъ способности покушаться ему пресѣкать нашу съ своими снабженіями коммуникацію, потомъ начать производить повелѣнныя намъ операціи. Къ которому концу армія наша и пошла на него прямо, оставя для прикрытія Познани изъ числа своего знатной деташементъ. Черезъ первой маршъ мы нашли его стоящаго въ лагерѣ между болотъ и озеръ, для чего армія наша въ виду онаго свой лагерь взяла, имѣя намѣреніе, настояще рекогносировавъ мѣсто, потомъ потребныя мѣры для поиску надъ нимъ предпріять. Въ туже ночь приказано было господину генералъ-маіору графу Тотлебену съ легкими войсками на непріятельскіе форпосты и, буде возможно, то и на передовой лагерь, напасть, который съ такимъ успѣхомъ оное произвелъ, что многихъ его гусаръ побилъ и нѣсколько въ плѣнъ съ однимъ офицеромъ взялъ, и непріятель со всею своею арміею въ туже ночь, не дождавшись свѣта, назадъ пошелъ.

Наша армія послѣдовала за нимъ и однимъ маршемъ, когда нашъ авангардъ сталъ только приближаться къ непріятельскимъ отводнымъ передъ его лагеремъ карауламъ, то оные тотчасъ съ самыми малѣйшими между гусаровъ только перестрѣлками назадъ къ арміи своей отступили; а она въ тотъ моментъ, устроившися въ ордеръ-де-баталію, но не дождавшися приближенія нашей арміи, пошла назадъ и, взявъ нѣсколько въ лѣвую руку, заняла весьма великія вышины, которыя она заблаговременно земляной работою укрѣпила, гдѣ и остановилася. Отъ нашей арміи тогда нѣсколько легкихъ войскъ командировано было на непріятеля сзади нападать, и они довольно съ знатнымъ успѣхомъ оное надъ ихъ гусарами производили. Армія же наша между тѣмъ предъ тѣми вышинами въ лагерь стала и, приближа къ онымъ нѣкоторыя батареи, съ прикрытіемъ малаго деташемента, непріятельскую армію бомбардировать стала и съ видимымъ въ ней урономъ принудила ее на тѣхъ горахъ назадъ отдаться, гдѣ оная и лагеремъ расположилась, учредя на всѣхъ потребныхъ мѣстахъ и вышинахъ большіе батареи и пикеты. Какъ тѣ горы весьма неприступны и доступъ къ нимъ между озеръ гораздо болотенъ, то армія наша предпріяла, обходя ихъ правою рукою, непріятельской лагерь обратить и съ удобнѣйшаго мѣста атаковать, или принудить его съ того мѣста сойтить и въ баталію вступить пресѣченіемъ комуникаціи съ Дризеномъ и Ландсбергомъ, откудова онъ тогда свое снабженіе получалъ.

Наша армія съ полуночи маршъ свой предприняла для предупрежденія не допустить выиграть непріятелю тѣхъ вышинъ, кото-

рыя Польское мѣстечко Мевъ окружаютъ. Непріятель же какъ бы то предузналъ и, какъ только обмеркло, то по способности случившагося тумана весьма тихо къ тѣмъ же вышинамъ маршировать сталъ; но случившіяся болота его маршъ влѣво отдалили, а притомъ и командированныя отъ насъ легкія войска съ подкрѣпленіемъ конныхъ гренадеръ, нападая на аріергардъ, его въ походѣ столько задержали, что мы оныя вышины всѣ выиграли. Непріятель, будучи закрытъ отъ насъ лѣсомъ, нечаянно столько къ намъ приближился, что подалъ было желаемой случай себя атаковать, и мы совсѣмъ къ тому стали пріуготовляться; случившееся же по несчастію между его и нашимъ фронтомъ болото требовало переправы, для чего принуждено было остановиться и оную дѣлать начать, а сіе было уже послѣ половины дня, и потому атаки прежде другого дня утра предпріять было нельзя. Непріятель же знатно сіе свое приключеніе предвидѣлъ, то съ первою темнотою ночи во всякой тихости съ того мѣста пошелъ и взялъ уже свой маршъ съ поспѣшностью къ Померанскимъ границамъ.

Нашъ командующій генералитетъ потому не разсудилъ допустить арміи своей отведенной быть за уклоняющимся отъ баталіи непріятелемъ отъ предпріемлемыхъ ею операцій, и для того взяли свой маршъ къ намѣреннымъ мѣстамъ.

Во всѣ сіи съ непріятелемъ маневры ни одного дня не проходило, чтобы не было кровопролитнѣйшихъ между легкихъ войскъ шармюцелей и чтобъ мы съ нимъ въ лагерѣ или на походѣ артилеріею не перестрѣливались; а во всемъ томъ, какъ бы нынѣшняя побѣда намъ предвозвѣщалась, всегда авантажи на нашей сторонѣ по справедливости оставалися, и мы урону своего почти не чувствовали, какъ, насупротивъ того, непріятельскій побитыми, плѣнными и дезертирами всегда весьма знатенъ былъ.

Такое отдаленіе отъ насъ непріятеля недолго было; но онъ, увидя безотмѣнное наше стремленіе къ произведенію операцій нашихъ, какъ мы только въ Шлезію вступили, то и онъ 9-го нынѣшняго мѣсяца со всею арміею въ виду нашихъ форпостовъ пришелъ и сталъ между рѣкою Одеромъ и мѣстечкомъ Цилихау въ крѣпкомъ лагерѣ.

Нашъ генералитетъ 10-е и 11-е число упражнялся прилежно рекогносцировать мѣсто для учиненія диспозиціи къ атакѣ непріятеля; и, уважа трудности лѣсистаго и авантажнаго непріятелю мѣста, предприняли оной лагерь съ правой стороны обратить, дорогу отъ него къ Кросену пресѣчь и тѣмъ къ баталіи принудить. А для того 11-го числа ночью, оставя свой лагерь на мѣстѣ съ людьми и артилеріею, армія наша туда пошла.

Непріятель, 12-го поутру, увидя насъ въ правой рукѣ приближающихся къ себѣ и къ Кросенской дорогѣ, тотчасъ поднявшися, самъ лѣвою стороною противу насъ къ той же дорогѣ пошелъ; а между тѣмъ чрезъ дезертира получили мы свѣдать, что наканунѣ того дни прибылъ для главной надъ непріятельскою арміею команды генералъ-поручикъ Вейдель и привелъ съ собою ранфору 8 или 10.000 человѣкъ пѣхоты и конницы, и что ихъ армія до 60.000 человѣкъ состоитъ; а что прежній ихъ командиръ генералъ г. Дона отъ команды отозванъ.

Такимъ образомъ (по неприбытіи еще къ намъ оставляемаго при Познани знатнаго нашего деташемента и потому что принуждено еще было оставить 8 батальоновъ къ прикрытію нашихъ обозовъ и оставленнаго нашего лагеря) мы хотя и видѣли себя противу непріятеля малочисленнѣе, по командующій нашъ генералитетъ остался въ той твердости, чтобъ непріятелю дороги къ Кросену по сей сторонѣ Одера безъ баталіи не дать и его въ томъ предупредить, въ чемъ мы и предуспѣли. А онъ, 12-го числа пополудни въ два часа, при деревнѣ Пальцигѣ приближался къ той дорогѣ и, увидя нами оную занятую, а насъ строющихся къ атакованію себя, то, держась только правила своего, дабы самому атаковать, въ началѣ третьяго часа пополудни атаковать насъ наижесточайшимъ образомъ началъ.

Правда, мой любезной другъ, что атаки его были самыя смѣлыя, наступленіе наипорядочное и производилъ ихъ одну послѣ другой пять, не взирая на то, что храбростію и преудивительнѣйшимъ постоянствомъ, терпѣніемъ и послушаніемъ нашихъ войскъ онъ всегда съ великимъ урономъ и разстройкою отбитъ былъ и ни одинъ разъ не могъ ни единаго полка вступившихъ съ начала въ нашу первую линію въ разстройку привести или ко одному шагу отступленія принудить, такъ что одни тѣ полки безъ всякой перемѣны и рѣшили все дѣло и непріятеля отъ послѣдней атаки совсѣмъ отступить принудили уже въ сумерки; того же времени отъ 2-хъ часовъ по полудни всегда безпрерывной огонь изъ артилеріи и мелкаго ружья продолжался.

Я знаю, мой другъ, сколько васъ по любви къ отечеству можетъ обрадовать извѣстіе о добродѣтеляхъ народа его, то, не распространяясь много, по сущей истинѣ скажу, что во всей баталіи, не взирая ни на какія яростныя непріятельскія стремленія какъ пѣхотою, и паче превосходящею своею кавалеріею, все войско наше акъ порядочно и послушливо поступало какъ того только самые искуснѣйшіе люди въ самомъ лучшемъ учебномъ строю требовать отъ всякой арміи могутъ. Мужества-же и великодушія столько по-

казано, что въ которые пѣхотные полки кавалерія непріятельская врывалась, то не только ихъ не разсыпала, но тѣ въ которыхъ уже въѣхали, штыками людей и лошадей поражали; а до которыхъ еще не доѣхали, тѣ, дѣлая собою въ которую сторону потребно было обороты, по въѣхавшимъ стрѣляли, и всеконечно весьма рѣдкій или ни одинъ непріятельскій рейтаръ, въѣхавшій въ нашу пѣхоту, изъ нея не выѣхалъ, но тутъ свою жизнь положилъ. Не меньше же того не только наши кирасиры и драгуны, гдѣ только случай допускалъ, съѣхавшись съ лучшею непріятельской кавалеріей, не думая никогда о пистолетахъ, но прямо съ палашами въ нихъ выѣзжая, къ отступленію принуждали. Когда-же армія наша черезъ непріятельскія тѣла и раненыхъ перешла, то никто наши никому изъ нихъ никакого огорченія не дѣлалъ и ничего съ труповъ не снимали и плѣннымъ никакого неудовольствія не показывали, но къ особливому удивленію сами мы видѣли, что многіе наши легко раненые непріятельскихъ тяжело-раненыхъ на себѣ изъ опасности выносили, и солдаты наши своимъ хлѣбомъ и водою, въ коей сами великую нужду тогда имѣли, ихъ снабжали, такъ какъ бы они единодушно положили помрачить злословящихъ войско наше въ нерегулярствѣ и безчеловѣчіи.

Какъ послѣдняя непріятельская атака отбита была уже въ сумерки, то наступающая темнота и лѣсное мѣсто не дозволили арміи нашей непріятеля въ тотъ день дальше преслѣдовать, какъ только перейти черезъ трупы; а потому непріятель имѣлъ время какъ побитыхъ своихъ сначала, такъ легко раненыхъ и пушки свои съ собою увезти. Но со всѣмъ тѣмъ оставилъ намъ, сколько мнѣ еще теперь извѣстно, пушекъ 15, знаменъ и штандартовъ 7, барабановъ великое число. Въ плѣнъ взято кирасирскій полковникъ одинъ, оберъ-офицеровъ 14, унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ 590, дезертировъ къ намъ пришло 1406, тѣлъ непріятельскихъ нами по сегодняшній день похоронено 3965; да къ тому изволите присовокупить, сколько ему надобно сверхъ того имѣть у себя раненыхъ и дезертировавшихъ въ другія мѣста! Съ нашей же стороны побито всѣхъ чиновъ 893, въ томъ числѣ храбрый и отъ васъ рекомендованный генералъ-поручикъ Демику; а раненыхъ, думаю, что больше 3.000 человѣкъ.

Итакъ, мой любезной другъ, оканчиваю сіе, заочно васъ обнимая, и наиусерднѣйше поздравляю съ такою побѣдою оружія нашей всемилостивѣйшей Государыни, которая всеконечно по справедливости заслуживаетъ и отъ недоброжелателей намъ прямую честь

и славу народу нашему и изъ которой живъ и невредимъ, будучи во всемъ томъ участникомъ, возвратился тотъ, кто вамъ по смерть непоколебимо

„истинной другъ и слуга
Петръ Панинъ.

„P.S. Мы уже Кросенъ войсками заняли и бывшее непріятельское въ немъ прикрытіе выступить изъ него принудили“ [1]).

Изъ маршу, съ мѣста баталіи,
отъ 15-го Іюля 1759 году.

2.

Іюля 3-го 1760-го году, изъ Кенигсберха.

Я, выѣзжая отсель, оставилъ для отправленія къ вамъ, мой дорогой братецъ, письмо по почтѣ, въ которомъ доносилъ вамъ какъ о своемъ сюда пріѣздѣ, такъ и въѣздѣ; а понеже сей вручитель господинъ генералъ-маіоръ Томасъ Григорьевичъ Дицъ ѣдетъ въ Петербурхъ на своихъ лошадяхъ, то я, сославшись только на оное мое письмо, васъ просилъ симъ единственно касательно до него.

Онъ прежде служилъ въ конной гвардіи, а потомъ былъ въ моемъ полку полковникомъ, обращаясь со мною весьма дружелюбно и отъ того времени и понынѣ всегда ко мнѣ искренній пріятель.

Нынѣшнее же его состояніе такое, что онъ въ кампанію Цоренъ-дорфскую былъ избранъ всеконечно по достойной его способности и въ самую необходимость ко доставленію арміи провіанта, и посаженъ былъ главнымъ членомъ въ походную нашу провіантскую канцелярію. Сколько я дѣла понимаю, то онъ эту комиссію исправлялъ съ такимъ возможнымъ успѣхомъ и вѣрностію настоящихъ казенныхъ интересовъ, какъ только возможно было честному и радѣтельному человѣку силъ своихъ при безпорядочныхъ и всегда упускающихъ время учрежденіяхъ собрать.

Вамъ извѣстное послѣдованіе всея той кампаніи въ разсужденіи ея предводителя [2]). И обыкновенная завидость къ таковымъ комиссіямъ, кроющаяся подъ видомъ соболѣзнованія о казенныхъ прибыткахъ (въ самомъ же дѣлѣ ревность о нажиткахъ, мнимая быть въ другихъ рукахъ, а не своихъ) произвела на него нареканіе, и онъ былъ смѣненъ княземъ Меншиковымъ, и счеты его и книги всѣ запечатанные и понынѣ остаются безъ разсмотрѣнія, и онъ подъ нареканіемъ нашего министерства; но былъ прошлую кампанію при

---

[1]) Только означенное кавычками своеручно. *П. Б.*

[2]) Т.-е. графа Фермора. *П. Б.*

корпусѣ на Вислѣ, будучи почти въ гноищи отъ скорбутики, затѣмъ былъ принужденъ проситься на годъ ко лѣченію и отъ фельдъ-маршала потому былъ представленъ, что нынѣ въ полѣ быть не въ состояніи.

Резолюція по тому только нынѣ воспослѣдовала, что ему велятъ явиться въ Конференцію, почему онъ теперь въ Петербурхъ и поѣхалъ, ожидая о себѣ какъ разсмотрѣнія въ его опредѣленіи по причинѣ его худаго здоровья, которое теперь гораздо и поправилось, такъ и претерпѣній по тому на него нареканію, въ которомъ однакоже онъ берется со всею твердостію себя оправдать, если только допустятъ къ слушанію и возмутъ дѣла его до разсмотрѣнія; но опасается, что онъ никакого человѣка себѣ знакомаго у васъ не имѣетъ.

Пожалуй, мой любезной другъ, въ особливое мнѣ одолженіе и къ послѣдованію вашего природнаго попеченія о безсильныхъ и безпомощныхъ, въ разсужденіи же, что онъ, чаю, уже тридцать лѣтъ безъ всякаго пороку и съ похвалою служилъ, а не имѣя ничего кромѣ жалованія, содержитъ жену съ семью дѣтьми: помоги ему гдѣ и сколько возможно. Впрочемъ вѣрьте, что я всегда непремѣнно есмь вашъ истинной другъ и вѣрной братъ

Петръ Панинъ.

P.S. Хотя вверху и написано, что я отсель отправляю къ вамъ письмо по почтѣ; но отъѣзжая отсель вамъ знакомой въ Стекольмѣ купецъ Свѣшниковъ подалъ случай оное послать съ нимъ, положа въ пакетъ жены моея, и съ нимъ же господинъ Хитровъ послалъ на 45 червонныхъ для его бывшаго слуги и для господина Стахіева на пятьдесятъ рублевъ подлежащую сумму денегъ по здѣшнему настоящему курсу, то есть червонной по 2 руб. по 50 коп. *).

3.

14-го Августа 1760-го году, изъ лагеря
при Дрохенъ-Бергѣ, въ Шлезіи.

Тотъ курьеръ, мой любезной другъ, который ваше мнѣ любезное письмо касательно до происшествія у насъ между двухъ Польскихъ принцовъ привезъ, доставилъ и высочайшій вчерась рескриптъ, чтобы имъ, объявя за то гнѣвъ, велѣть ѣхать отъ арміи въ свои домы, и что имъ туда будутъ присланы и абшиты изъ нашей службы. Между ими князь Сульковской, во все время бытности при арміи, обра-

---

*) Въ то время, когда это и послѣдующія письма писаны, Н. И. Панинъ находился уже въ Петербургѣ гофмейстеромъ и воспитателемъ великаго князя Павла Петровича. *П Б.*

щался со мною весьма пріятельски и убѣдилъ меня, чтобы я васъ, мой дорогой братецъ, просилъ о вспоможеніи ему въ семъ несчастливомъ приключеніи, дабы и онъ не отжененъ былъ воспользоваться, по сему его отъ малости преступленію, извѣстнымъ милосердіемъ нашей августѣйшей Самодержицы. И для того я напередъ объясняю ихъ дѣло, которое произошло до пріѣзду моего къ арміи, во сколько мнѣ оно ко извѣстію дошло.

Они, имѣя между собою еще домовныя неудовольствія, одинъ день, сошедшись въ партикулярной компаніи, побранились, и одинъ другаго, какъ сказываютъ, равно помахнули, но бывшими при томъ до дальняго не допущены. Послѣ того чрезъ нѣсколько дней они хотѣли между собою биться и имѣли несчастіе на двѣнадцати шагахъ одинъ отъ другаго, по парѣ пистолетъ, другъ на друга выстрѣлить безъ вреда; а потомъ тотчасъ сразиться на шпагахъ въ три партіи, но безъ поврежденія секундантами разведены и помирены.

Его господина Сульковскаго теперь желаніе и просьба въ томъ состоятъ: буде чего далѣе произвести будетъ нельзя, то по крайней мѣрѣ чтобы милостиво исправлена была его репутація по бывшей его у насъ ревностной службѣ.

Я васъ, мой дорогой другъ, наиприлежнѣйше прошу изъ одолженія ко мнѣ, гдѣ и какъ вамъ возможно, ему въ томъ приложить ваше вспоможеніе.

Я симъ къ вамъ ни о чемъ другомъ распространяться способу не имѣю, потому что, чаю, сіе до васъ точнѣе дойдетъ, нежели я буду съ первымъ отсель къ вамъ курьеромъ писать; для чего я и къ женѣ своей отсель писать оставляю. Вы пожалуйте ей сіе сообщите; я же ей кланяюсь и обоимъ вамъ всегда непремѣнно пребываю истиннѣйшій другъ.

4.

29 Апрѣля 1761-го году, изъ Морунга.

Какъ наше братство и дружба, мой любезнѣйшій другъ, на истиннѣйшихъ предѣлахъ основаны, нежели на обыкновенныхъ другъ другу при всякомъ случаѣ объясненіяхъ, то я увѣренъ, что за ваше принятое дружеское бремя ко исходатайствованію рѣшенія и произведенію раздѣлу по наслѣдству жены моей, вамъ угоднѣе будетъ отъ меня самое сердечное, но такъ короткое благодареніе принять, нежели всякія обыкновенныя другія выраженія, а оно въ томъ только и состоитъ.

Вы симъ изволили совершенно одолжить того своего брата и истиннѣйшаго друга, которой ничего кромѣ прямой кровной любви

и вѣрнѣйшей дружбы противу васъ въ сердцѣ своемъ не имѣетъ, а сдѣлали съ нѣкоторымъ хлѣбомъ жену и, буде останутся, наслѣдниковъ того, которой всѣ производимыя къ нимъ милости принимаетъ и еще больше, нежели къ себѣ собственно. Затѣмъ же, мой дорогой другъ, позволь мнѣ теперь обратиться къ продолженію отвѣта на ваше о томъ письмо и къ сообщенію вамъ о нынѣшнемъ моемъ состояніи.

Вы, какъ откровеннѣйшій сердецъ нашихъ другъ, совершенно можете узнать, какое настоящее движеніе во мнѣ и женѣ моей, яко истиннѣйшихъ и вѣрнѣйшихъ рабахъ своей природной и неоцѣненной Государыни, въ насъ произвело чувствіемъ должнаго признанія и подданническою благодарностью происшествіе столь высочайшей къ себѣ милости и праведнѣйшаго о подданныхъ расположенія, чѣмъ мы теперь наиживѣйшимъ образомъ будучи преисполнены, хотя приложеннымъ письмомъ (съ коего у сего копія слѣдуетъ) и приняли смѣлость заочное вѣрноподданническое благодареніе приносить, но не можемъ обойтиться, чтобы и васъ не просить же, если случай вамъ, мой дорогой другъ, способъ подать удостоится, то пожаловать съ нашимъ заочнымъ поверженіемъ къ освященнѣйшимъ Ея Императорскаго Величества стопамъ принести отъ насъ за такую щедрую къ намъ милость рабское благодареніе съ присовокупленіемъ обязательства моего всегда съ радостію полагать мой животъ въ ея высочайшія услуги и вѣрность, произнося же притомъ со всѣмъ своимъ домомъ ежечасныя къ Господу Богу молитвы о продолженіи неоцѣненнѣйшаго вѣку и о соблюденіи всенадобнѣйшаго Ея Величества здравія.

О любезной вамъ нашей Грушенькѣ къ вашему порадованію теперь лучшаго еще сказать не могу кромѣ того, что болѣзнь ея опасныхъ слѣдствій, кажется, не показываетъ; но только и понынѣ лихорадка единственнымъ перемѣннымъ жаромъ продолжается и содержитъ еще все ее въ слабости; а мнѣ и особливо матери наноситъ тѣмъ великое смятеніе, такъ что, при нынѣшнемъ нашемъ начинающемся уже выступленіи съ квартиръ, никуды ее скоро отсель вывезть будетъ нельзя. У насъ же при великомъ нетерпѣніи отъ неполученія отъ васъ еще и поднесь настоящаго нѣтъ разрѣшенія; но велѣно 1-го числа настоящаго мѣсяца всей арміи идтить въ лагери за рѣку Вислу, а 15-го, буде хотя и ничего получено еще не будетъ, предпринято маршировать впередъ. Почему за болѣзнію ея стало уже по желанію моему невозможно своихъ домашнихъ, какъ всѣ другіе, взять съ собою на время бытности въ лагерѣ при Вислѣ; для того же, отпустя полки, самъ имѣю дозволеніе остаться по 10-е число съ

ними здѣсь; а потомъ, если отъ васъ ничего особливаго не объяснится, то на почтѣ къ Вислѣ въ одни сутки доѣду, ихъ же оставлю здѣсь ожидать совершеннаго дочери выздоровленія и потомъ ѣхать въ Кенигсберхъ, гдѣ Василій Ивановичъ [1]) женѣ моей одинъ казенный домъ въ квартеру приказалъ уже отвести.

Я не думаю согласно съ описаніемъ вашимъ, чтобы шуринъ мой сталъ дѣлать вамъ въ раздѣлѣ затрудненіе; но отъ свояка все произойти можетъ; по справедливости же шурину будетъ тягостно ровными частями сестеръ своихъ удовольствовать, для чего за настоящее нахожу вамъ, дорогой другъ, напамятовать.

По самой, кажется, справедливости слѣдуетъ какъ зачесть по послѣдней мѣрѣ своячинѣ полученныя приданыя деньги въ слѣдующую ей часть, такъ сестрѣ ея наградить то, что она ни малѣйшаго содержанія себѣ отъ самаго младенчества изъ дому отца своего не получала, а потому сдѣланной ею при дворѣ четыре тысячи рублевъ долгъ я собственными деньгами за нее заплатилъ, занять съ процентами бывъ принужденъ, въ чемъ отъ всѣхъ купцовъ на мое имя и квитанціи теперь имѣю. Слѣдовательно оной капиталъ и съ причитаемыми со времени замужества ея тогдашними процентами справедливо подлежитъ теперь къ требованію вашему противу сестры ея, сверхъ надлежащей ей по смерти отца своего части, въ разсужденіи того, что какъ оная съ полученныхъ денегъ въ приданое понынѣ процентами пользовалась и изъ отцовскаго дому худое или хорошее на содержаніе себя по замужествѣ имѣла, насупротиву же того отъ долгу жены моей (происшедшаго отъ неполученія изъ отцовскаго дому себѣ до замужества содержанія) возрастали все на меня проценты. Мое и жены моей желаніе, къ присовокупленію вамъ уже отъ меня чрезъ прежнія письма извѣстнаго, въ томъ еще состоитъ, чтобы изъ полученныхъ на часть ея денегъ, во первыхъ тотчасъ заплатить Ивану Лукьяновичу [2]), да сверхъ того, чтобы въ наличности у васъ сохранены были тысяча для заплаты Леонтьеву (которому я нынѣ только одну отдалъ), да двѣ тысячи на потребное женѣ собственное снабженіе; затѣмъ же оставшія, чего и на ваши иногда употребленія не востребуется, чтобы раздать взаймы изъ указнаго процента на имя ея съ вычетомъ, а не съ припискою онаго, для которой отдачи она у сего прилагаетъ вамъ отъ себя вѣрющее письмо, и обще со мною васъ дружески проситъ, чтобы

---

[1]) Суворовъ, отецъ славнаго Суворова, въ то время генералъ-губернаторъ Восточной Пруссіи. *П. Б.*

[2]) Талызину. *П. Б.*

вы таковымъ образомъ съ ея деньгами поступить изволили; на ваше же собственное употребленіе такъ съ ними поступили, какъ съ вашими собственными.

Вотъ, мой любезнѣйшій другъ, у сего слѣдуетъ же отъ нашего брата Леонтьева въ вотчину его письмо, содержанія старинныхъ бояръ, однакожъ въ разумѣ довольно свойственническое, въ разсужденіи чего вы, надѣюсь, не оставите Епанчину дать подобное же и отъ стороны своей подтвержденіе.

Прилагаю у сего же росписку для возвращенія вамъ съ нашего Ивана Ивановича [1]) пятидесяти рублевъ денегъ, кои я здѣсь по письму его на внука его Корсакова [2]) какимъ образомъ употребилъ; а вы пожалуйте при моемъ усерднѣйшемъ поклонѣ оную ему вручите, какъ вы въ ней оба изволите увидѣть, что для г-на Корсакова искуплено самое только къ походу нужное, а оттого наличныхъ денегъ весьма мало на прочіе расходы къ нему вступило; онъ же ко мнѣ уже прибылъ, не имѣя ни единой полушки и съ однимъ при себѣ мальчикомъ. Хотя же онъ молодецъ безъ дальняго о себѣ попеченія, но неизвѣстны ему тѣ тягости, кои въ походахъ сносить принуждено, когда недостаетъ ни людей для услуги, ни денегъ на прокормленіе ихъ и собственныя свои мелкія потребныя издержки. Для того прошу у Ивана Ивановича испросить ко мнѣ письмо съ объясненіемъ, до какой суммы мнѣ на него въ годъ употреблять онъ опредѣлить изволитъ, въ разсужденіи того, что слѣдующую ему треть жалованья намъ еще и всѣмъ, какъ видно, скоро не выдадутъ; да и впередъ ненадежно, чтобы оно въ свое настоящее время получаться могло. Впрочемъ же, что̀ до его собственной пищи принадлежитъ, то я его въ угодность Ивана Ивановича взялъ содержать у себя; а буде что подъ роспиской въ подписи его вамъ сумнительнаго покажется, то молодецъ порѣзалъ руку.

Наконецъ прости, мой любезнѣйшій другъ, и вѣрь, что никто никогда вамъ истиннѣе и усерднѣе быть не можетъ, какъ я на весь вѣкъ есмь вашъ истиннѣйшій другъ всѣмъ сердцемъ и душею.

П.

P.S. Объясненіе мое о требованіи при раздѣлѣ въ разсчетъ прежняго женинаго долгу съ процентами не примите въ то, чтобы я восхотѣлъ шурина безъ умѣренности отяготить; но единственно въ то представляю, чтобы оное ему въ защищеніе свое употребить противъ другой сестры, когда она станетъ ровнаго съ женою моею требовать.

1) Извѣстнаго Неплюева, женатаго на сестрѣ графовъ Паниныхъ. *П. Б.*

2) Кажется, это былъ извѣстный впослѣдствіи генералъ и Виленскій генералъ-губернаторъ А. М. Римскій-Корсаковъ. *П. Б.*

5.

Изъ Кенигсберха, Іюня 3-го д. 1762 г. [1]).

Слѣдующія у сего копіи, вамъ, мой любезный другъ, довольно покажутъ, сколь мнѣ велика была нужда сего вручителя нарочнымъ курьеромъ съ тою депешею отправить, и сколь въ великихъ я, по моему нынѣшнему обязательству, трудностяхъ теперь нахожусь, по которымъ опасаюсь не толико подъ неповинное какое прегрѣшеніе подпасть, но и донынѣ мою соблюденную какъ въ здѣшней, такъ и въ посторонних землях репутацію потерять: ибо, какъ изволишь увидать, что не токмо ни отъ кого я никакихъ наставленій въ свое время не получалъ и получать не могу, но и всякій отъ меня отрекается: то мнѣ и не остается, по соблюденіи въ томъ своей настоящей должности, какъ единственно къ вамъ, мой любезной другъ, прибѣжище. Въ слѣдствіе жъ того оное все сообщаю къ вашему благоразумнѣйшему усмотрѣнію и дружественнѣйшему возможному попеченію, о томъ только, чтобъ я, какъ на сію, такъ и прежде отправленныя, а вамъ сообщенныя же отъ меня, депеши могъ быть предупрежденъ хотя нѣкоторымъ удобо-возможнымъ разрѣшеніемъ, до сроку возвращенія сего королевства и до того, пока моихъ подчиненныхъ, коихъ съ начала нашего въ немъ правленія въ своихъ рукахъ и вѣдомствѣ мы имѣли, разберутъ: ибо уже Кольманъ, яко бывшій директоръ большой половины доходовъ сего королевства, къ вамъ безвременно взятъ; да слышу же, что и Бауманъ или важнѣйшій еще тудажъ на сихъ дняхъ берется.

И что до меня, мой любезной другъ, касается, то я съ женою здоровъ, а по полученному ордеру, усмотрѣнному вами въ моей реляціи, такъ себя приготовляю, чтобъ, по прибытіи сюда Воейкова, тотъ день возможно было къ назначенной арміи въ Померанію [2]) поѣхать, а обремененную мою жену на ваше братское призрѣніе въ Пет. отправить; къ чему то еще присовокупляю, чтобъ обѣщанныя деньги пересылкою ко мнѣ не промедлить, кои надѣюсь способно вамъ быть может, съискавъ между Прусскими у васъ депутатами комерціи сов. Сатурнуса, ему для выдачи мнѣ здѣсь отдать.

---

[1]) Еще въ концѣ предъидущаго 1761 года, т.-е. передъ самою кончиною императрицы Елисаветы Петровны, П. И. Панинъ назначенъ генераломъ-губернаторомъ находившейся въ нашемъ владѣніи Восточной Пруссіи; но приказаніе отправиться туда и занять мѣсто В. И. Суворова дано ему только 4 Января 1762 года, т.-е. уже при Петрѣ III-мъ, отъ графа П. С. Салтыкова. *П. Б.*

[2]) Т. е. для участія въ наступавшей тогда войнѣ нашей съ Даніею. *П. Б.*

6.

Изъ Кенигсберха, Іюня 15-го дня 1762 году.

Послѣдняя, пришедшая сюда изъ Санктъ-Питербурха почта принесла ко мнѣ ваше, любезной другъ, отъ 4-го нынѣшняго мѣсяца, въ которомъ вы мнѣ сказали о своемъ смятеніи отъ неполученія отъ меня на двухъ почтахъ сряду писемъ и что обнадежили васъ въ наступающій потомъ Четвергъ возвратить моего перваго курьера, а къ сроку смѣны моей исходатайствовать дозволеніе о пріѣздѣ мнѣ въ Санктъ-Петербурхъ, на что вамъ симъ съ благодареніемъ въ отвѣтъ служу.

Сей курьеръ знать въ тотъ день отправленъ не былъ, понеже и по отпускѣ сего онъ сюда еще не бывалъ; но вчерась пріѣхалъ прежде отъ меня посланной подпоручикъ, а нынѣ отъ васъ возвратившійся уже капитаномъ Цедельманъ безъ всякихъ депешей и отъ васъ писемъ, объявя свой пашпортъ изъ Иностранной Колегіи, съ которымъ онъ только что въ Кенигсберхъ гусарскимъ уже капитаномъ отправленъ, и что вы будто не изволили ко мнѣ писемъ за тѣмъ съ нимъ послать, что отослали ихъ на почту, которую я принужденъ теперь еще ожидать до наступающаго Понедѣльника. Что же до сумнѣнія вашего обо мнѣ принадлежитъ, то во ономъ васъ уже разрѣшили мои предъидущія, и вы изъ нихъ увидѣли, что промѣшкатность въ дорогѣ одного курьера и Кольмана причина только сего вашего о мнѣ сумнѣнія.

Сегодня пріѣхалъ сюда и господинъ Воейковъ, съ которымъ я, ежели курьеръ отъ васъ не подоспѣетъ, чрезъ два дни хотя и смѣнюсь, однакожъ до сроку возвращенія сей земли, то-есть до 26-го числа нынѣшняго мѣсяца, здѣсь продлюсь, въ ожиданіи разрѣшенія о моемъ дозволеніи; а ежели оно и къ тому времени не подоспѣетъ, то жена моя къ вамъ, а я въ Померанію тотъ день конечно поѣдемъ.

Отправить сіе подалъ мнѣ случай отправленія сего вручителя по ордеру нашего фельдмаршала съ однимъ арестантомъ, и я по той способности посылаю съ нимъ при семъ посылку подъ № 1-мъ на имя Аргамакова, которую прошу при первомъ случаѣ и съ приложеніемъ у сего къ нему переслать, такъ какъ и другое у сего включенное вѣрно доставить.

7.

16-го Іюня 1762 году, изъ Кенигсберха.

Сіе имѣетъ вручить вамъ, мой любезнѣйшій другъ, бригадиръ г-нъ Ганзеръ, тотъ, которому нынѣ абшидъ пожалованъ, а не довольно, что онъ у насъ близъ тридцати лѣтъ служилъ, не бывъ никогда ни за что̀ штрафованъ, но и теперь пасынокъ его у насъ похвальнымъ офицеромъ, а жены его первой мужъ въ службѣ нашей полковникомъ въ низовомъ корпусѣ и умеръ. Теперь же ни ему, ни женѣ его съ тремя дѣтьми ѣсть нечего, да и въ другую службу пойти способу ему конечно нѣтъ; онъ же отъ секундъ-маіора до бригадира происходилъ въ моемъ полку, и конечно могу сказать, что кондувитою своею никогда ни малѣйшей причины не подавалъ къ неудовольствію. А буде въ немъ не признали тѣхъ талантовъ, кои составляютъ великихъ полководцовъ, то въ томъ его не вина, но несчастіе, что вышняя рука ему оныхъ не дала и что прежде, не допуская его до такого характера, въ коемъ уже несходнымъ ему образомъ пропитаніе искать нельзя, не досмотрѣли и не отпустили его изъ здѣшней службы въ такомъ званіи, чтобы былъ ему способъ не только во всякую службу субалтернъ-офицеромъ безпрепятственно вступить, но въ противномъ случаѣ форштеромъ или амтманомъ пропитаніе себѣ имѣть, а теперечной генералитетской чинъ и тѣхъ способовъ его совершенно лишаетъ.

Онъ намѣренъ подать всемилостивѣйшему нашему Государю просительное письмо о томъ только, чтобы для пропитанія всемилостивѣйше указалъ его опредѣлить въ какую бы то ни было службу; а я васъ, мой любезнѣйшій другъ, прошу изъ единаго человѣколюбія употребить ваше возможное и ему въ томъ помочь, чѣмъ всеконечно весьма прибавите славы о вашихъ добродѣтеляхъ и человѣколюбіи.

8.

Государь мой братецъ и любезной другъ Никита Ивановичъ.

Сей вручитель секундъ-маіоръ Слетковъ отъ тѣхъ третьихъ батальоновъ, которые по новому штату отрѣшены, а офицеры изъ нихъ, между которыми и онъ, совсѣмъ безмѣстными остались; онъ же со мною былъ сперва въ одной ротѣ солдатомъ, потомъ у меня въ полку поручикомъ и капитаномъ, служа передо мною года два прежде, и хотя онъ Слетковымъ нашимъ подлинно родня, однако отецъ его былъ уже офицеромъ, и онъ никогда въ службѣ ничѣмъ

не провинивался, но еще особливую способность имѣетъ къ экономическимъ экспедиціямъ; а теперь остался безъ всякаго хлѣба.

Я для вспомоществованія ему отправилъ съ нимъ съ здѣшняго монетнаго двора знатную сумму серебра въ слиткахъ съ представленіемъ въ Военную Коллегію его челобитной объ отставкѣ къ дѣламъ. А васъ, мой дорогой другъ, прошу ему къ тому сколько возможно помочи показать, и не найдется ли способу нашему Борису Александровичу [1]) доставить ему мѣсто въ командѣ своей къ дворцовымъ волостямъ, къ чему онъ всеконечно способенъ? А мнѣ бы тѣмъ пріятство сдѣлано было.

Іюня 19-го дня
1762 году.
Кенигсберхъ.

9.

16 Іюля 1762 году, изъ Кольберха.

Я, будучи увѣренъ, что вы, мой любезнѣйшій другъ, по всемилостивѣйшей къ вамъ довѣренности нашей неоцѣненнѣйшей и великой Государыни, доходите до свѣдѣнія получаемыхъ отъ войска реляцій, для того оставляю вамъ повторить мои, сегодня съ симъ вручителемъ отправленныя; но, сославшись какъ на оныя, такъ и на прежнюю отправленную жъ отъ меня лейбъ-гвардіи съ порутчикомъ Гриневымъ, прошу вашего дружескаго по нимъ предстательства не только для меня собственно, сколько для настоящей пользы службы нашей августѣйшей Императрицы.

Увѣренъ я, что отъ вашего прозорливаго примѣчанія не укроется: 1) дальность разстоянія отъ Кольберха облегчать путь графа Чернышова, который буде оной уже взятъ чрезъ Богемію и пробираться въ Польшу, вверхъ Одера рѣки, коему на сей маршъ больше всего доставленіе денегъ или кредиту на нихъ надобно, понеже онъ совсѣмъ былъ отправленъ на единственное содержаніе новаго нашего друга [2]); но онъ, равно какъ и прежніе союзники, при случаѣ отступленія нашего отъ ихъ дѣйствъ, конечно большаго вспомоществованія въ томъ не сдѣлаютъ; 2) что на противной случай, дабы здѣшнія земли и крѣпости изъ рукъ не упустить, а какъ отдаленнаго отсель въ Мекленбургіи корпуса Прусскому отрѣзанію, такъ тѣмъ и здѣшнюю армію самому слабѣйшему состоянію уже не подвергнуть. Мнѣ никакъ невозможно отсель для объявленнаго облегченія прежде отдалиться, пока деташаментъ изъ Мек-

[1]) Князю Куракину, племяннику графовъ Паниныхъ. *П. Б.*

[2]) Т.-е. Фридриха II-го. *П. Б.*

ленбургіи за два марша отсюдова будетъ, а то произойдетъ 25-го числа нынѣшнго, и я тогда тотчасъ, оставя оной къ примѣчанію Кольберха и здѣшней земли, самъ пойду чрезъ Померанское мѣстечко Темпельбургъ въ Польшу къ мѣстечку Шнейдемиль, у рѣки Нетцы лежащему. 3) Представитежъ, мой любезной другъ, вы себѣ и то, что, будучи въ двойныхъ обстоятельствахъ или возвращаться въ Россію или же удержать по прежнему всѣ конкеты въ своей поссесіи, то инако здѣшнихъ магазейновъ и прочаго теперь невозможно учреждать, какъ на судахъ, чтобы въ случаѣ или съ нихъ выгружать или оные обратно къ Россійскимъ берегамъ отправлять. 4) Равнымъ образомъ на такіе два случая другой мнѣ и позиціи взять невозможно, какъ той, чтобы быть на срединѣ между обоихъ завоеванныхъ земель и не отдалиться отъ того способу, чтобы возможно было успѣть изъ своихъ съ Вислы магазейновъ пропитаніе подвезти; ибо какъ на изворотъ въ томъ деньгами, которыхъ здѣсь нѣтъ, такъ и на хлѣбъ въ тамошнихъ мѣстахъ положиться никакъ нельзя, потому что старой весь уже истребленъ, а новый еще на поляхъ только поспѣваетъ. 5) Но со всѣмъ тѣмъ, если корпусу графа Чернышова удержаніе произойдетъ, то я Помераніи и Кольберха изъ рукъ не упущу; а въ Пруссію необходимо надобно предупредить, чтобы хотя тѣ полки, которые изъ принадлежащихъ въ здѣшнюю армію туда фельдмаршалъ возвратилъ, отъ Вислы не отдаляли, но при оной содержали ихъ въ лагерѣ и сохраняли мосты Торунской и Маріенвердерской и были бы въ ежечасной готовности на востребованной отъ меня случай къ движенію. 6) Еслижъ корпусъ графа Чернышова (какъ всякое благоразуміе обнадеживаетъ) задержанъ не будетъ, то на обратной въ Россію такъ дальній путь и отдаленіе отъ своихъ здѣшнихъ не внутри земли, но на берегахъ только заведенныхъ магазейновъ и отъ способовъ получать съ непріятельскихъ земель въ зачетъ контрибуціи фуражъ, больше всего потребна знатная сумма денегъ и добрыя въ своихъ границахъ къ прибытію войскъ распоряженія квартеръ (кои имъ по такому дальнему осеннему и зимнему переходу весьма будутъ нужны), такъ и безнедостаточное въ нихъ пріуготовленіе потребнаго войску пропитанія.

Вотъ, мой любезнѣйшій другъ, все то, что̀, я надѣюсь, ваша прозорливость еще сильнѣе вамъ представить, нежели я оное теперь описывать время имѣю; но остаюсь въ совершенной надеждѣ, что вы всего вамъ возможнаго не оставите употребить на то, что̀ бы лучшимъ образомъ способствовало такимъ милосерднѣйшимъ намѣреніямъ нашей всемилостивѣйшей Государыни о пользѣ своей

имперіи и войска. А для того обращаюсь теперь только къ моимъ партикулярностямъ.

Здѣсь жить и походъ мой по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ уже все истреблено, весьма дорого; а я, какъ вамъ извѣстно, съ своими деньгами совсѣмъ не пріуготовлялся главнымъ быть.

Пожалуй, буде возможно, способствуй высочайшею щедротою воспользоваться и нашему Николаю Михайловичу [1]); а нельзя ли доставить ему секундъ-ротмирское мѣсто въ конной гвардіи или полковничье въ томъ гусарскомъ полку, съ которымъ онъ, какъ сказывалъ мнѣ, имѣлъ счастіе подъ предводительствомъ нашей великой героини въ спасительнѣйшемъ для всей Россіи дѣйствіи употребляемъ быть?

Я, по благодарнѣйшему моему признанію къ графу Алексѣю Петровичу [2]),за настоящее поставилъ при семъ отправить племянника его, претерпѣвшаго въ его несчастіи, полку моего капитана г-на Бетхера; а здѣсь прилагаю къ нему письмо безъ адресу, которой прошу на него положа по нынѣшнему его состоянію поручить ему, г-ну Бетхеру, отъ меня его сіятельству подать.

Уже по написаніи сего получилъ я почти достовѣрныя извѣстія, что графъ Чернышовъ безъ удержанія возвращается; но уже бывшее потомъ обстоятельство само собою симъ миновалось. А вы изволите усмотрѣть изъ прибавленія моего по сему во окончаніи реляціи, что мнѣ уже только вспомоществованіе надобно на маршъ въ Россію отъ Вислы и что я теперь надѣюсь въ Россійскія границы прибыть не въ Мартѣ, но въ началѣ Февраля мѣсяца.

Пожалуй, мой любезнѣйшій другъ, не возможно ли васъ потрудить доставить мнѣ изъ Иностранной Коллегіи, или откуда изъ другаго мѣста, какого молодаго человѣка въ штабъ мой въ секретари, которой бы хотя на бѣло переписывать правильно и граматически умѣлъ? А ему жалованье будетъ 250 рубл., чинъ поручтика и конечно хорошій столъ, а при случаѣ и кафтанъ.

10.

Іюля 21-го дня 1762 году, изъ Кенигсберха.

Сего вручителя, сына Сергѣя Алексѣевича Салтыкова, я съ остальными присягами при моей реляціи отправилъ особливо для того, что онъ съ благодарностію отзывался о томъ, что вы, любез-

---

[1]) Леонтьеву. П. Б.

[2]) Только что возвращенному тогда, бывшему великому канцлеру, графу Бестужеву-Рюмину, супруга котораго была урожд. Беттихеръ. *П. Б.*

нѣйшій другъ, будто при несчастливомъ его, въ минувшее правленіе, выписываніи изъ гвардіи старались ему помощь сдѣлать; то не возможете ль нынѣ вашей въ томъ къ нему милости показать? При томъ же, сославшись на сію мою реляцію, въ которой всѣ уже мои сдѣланныя распоряженіи къ дѣйствительному 25-го числа нынѣшняго мѣсяца отсель выступленію и испражненію Колберха представлены, я у сего вамъ, любезной другъ, включаю копіи, какъ съ полученнаго мною вечоръ отъ фельдмаршала Салтыкова письма, такъ и съ моего къ нему тотчасъ съ нарочно отправленнымъ отвѣта.

Вы изволите изъ того увидѣть, каковой неразрѣшимости сіи командиры и въ такъ важнѣйшихъ обстоятельствахъ, въ которыхъ конечно двойнаго дѣлать нельзя, а надобно быть точно приказану чему нибудь одному, по чему бы можно было, снимая съ судовъ провіантъ, пропитаніе себѣ заготовлять, а не оставляя ихъ съ великимъ казнѣ убыткомъ на худой рейдѣ пропадать отъ штурмовъ по 9 вдругъ; когда же суда въ море какъ съ провіантомъ, такъ и со всѣми военными припасами единожды отойдутъ, то ужъ ихъ опять поворотить къ настоящему времени успѣть невозможно будетъ.

Я полученные мною рескрипты принялъ за точные и позитивные, чтобы при случаѣ свободнаго Чернышова возвращенія мнѣ со всѣмъ войскомъ безостановочно въ Россію иттить, а сію землю испражненну отъ него оставить. Да и никакъ я себѣ представить не могу, чтобы не только причина довѣренности мнѣ такой большой команды, но и единственная ваша братская ко мнѣ дружба не могла бы васъ спокойна оставить, чтобы меня хотя партикулярно для осторожности не увѣдомить, если бы какія отмѣнныя намѣренія противъ данныхъ мнѣ повелѣны были. Для чего, безъ всякаго размышленія, ежели онъ, г-нъ фельдмаршалъ, мнѣ точнаго ордера съ посланнымъ къ нему не дастъ, то я 25-го нынѣшняго мѣсяца всеконечно съ главнымъ своимъ корпусомъ отсель пойду и всѣ нагруженныя наши суда съ провіантомъ и прочимъ въ Россійскія гавани отпущу; а если сверхъ чаянія моего оное подлинно не будетъ согласно съ намѣреніемъ, то оставляю себя вашему дружескому въ томъ охраненію, присовокупляя къ оному еще и то, что возвращающійся изъ Мекленбургіи нашъ деташаментъ къ самому Колберху не прежде какъ къ 27-му числу прибудетъ; а, заготовляя себя оттуда провіантомъ, останется при немъ и задержитъ его въ своемъ содержаніи еще послѣ меня дней пять, въ которое время уже никакъ сумнѣваться не могу, чтобы меня не предупредили въ здѣшней землѣ, ежели потребны будутъ отмѣнныя тому повелѣнія.

Да и мнѣ же воображается, что на случай нѣкоторыхъ истребованій быть можетъ и въ Пруссіи, по причинѣ наступленія худаго времени, и на зиму корпусу остаться приказать удобность настоитъ.

Пожалуй, мой дорогой, вложенныя вѣрно разошлите. Съ великимъ нетерпѣніемъ ожидаю отъ васъ курьера на прежде отправленныя мои реляціи, а особливо на сюда дошедшія вѣдомости, что бывшій [1]) умеръ и погребенъ будто въ Невскомъ монастырѣ, то для опроверженія произносимыхъ о немъ въ здѣшней землѣ разныхъ разглашеній.

Копія съ письма фельдмаршальскаго, писаннаго отъ 18-го, а полученнаго 20-го числа ввечеру сего мѣсяца.

Хотя я о полученныхъ нынѣ всевысочайшихъ Ея Императорскаго Величества соизволеніяхъ сверхъ тѣхъ, кои въ ордерѣ изображены, вашему превосходительству на письмѣ открыть и не могу, однакожъ сходно съ оными столько совѣтывалъ бы вамъ, чтобы выступленіемъ вашимъ съ арміею изъ Помераніи не торопиться, равно какъ и Колберской крѣпости въ Прусскія руки до дальнаго рѣшительнаго повелѣнія не отдавать, къ чему, кажется, довольно и претекстовъ сыскать можно; а особливо когда еще провіантъ изъ Россіи въ оную прибывать будетъ. А больше того желалъ бы, чтобы ваше превосходительство, по распоряженіи объ арміи всего потребнаго, сами ко мнѣ побывать изволили, дабы напередъ обстоятельно переговорить; я имѣю честь быть съ совершеннымъ высокопочитаніемъ.

Подскрыптомъ своею еще рукою подписано: Я бы весьма желалъ васъ видѣть, но то невозможно. Какъ вамъ команду оставить? Хотя повелѣнія и не имѣю, однако по нѣкоторымъ обстоятельствамъ не худо вамъ изъ вашихъ нынѣшнихъ квартиръ не спѣшить сюда выступать, ибо видно, что все то сдѣлано въ опасность о Чернышовѣ; а какъ все уже то миновалось, и онъ ко мнѣ пишетъ, перешедъ Одеръ, изъ Ауpаса, а нынче, надѣюсь, въ Равичѣ, коли не ближе, то все скоро будетъ свѣдомо въ Петербурхѣ, и надѣюсь быть какой отмѣнѣ. Намъ не худо отъ его величества [2]) и своихъ людей потребовать, коихъ довольно у себя сильно держитъ и поступаетъ съ ними тирански, что̀ слышалъ отъ Аустривскихъ плѣнныхъ и писалъ къ Никитѣ Ивановичу.

Вотъ какое противурѣчіе писарскою рукою написано, что есть высочайшее соизволеніе сверхъ тѣхъ, кои ко мнѣ въ ордерѣ изобразилъ о моемъ промедленіи здѣсь; а въ своей рукѣ сказываетъ, что хотя повелѣнія и не имѣетъ, но надѣется отмѣнѣ быть, и для того совѣтуетъ только, а не приказываетъ. Въ ордерѣ же пишетъ себя быть мнѣ точнымъ во всемъ командиромъ, да и приказываетъ отсель мнѣ къ себѣ ѣхать и не ѣхать.

---

[1]) Т. е. отрекшійся отъ престола императоръ Петръ Третій. *П. Б.*

[2]) Т. е. отъ Фридриха II-го. *П. Б.*

Копія съ письма, писаннаго отъ 21-го Іюля къ фельдмаршалу.

Со всенижайшимъ благодареніемъ за ваше милостивѣйшее и довѣреннѣйшее ко мнѣ письмо имѣю честь къ отвѣту во первыхъ сослаться на мой настоящій репортъ, а притомъ симъ служить.

Мнѣ, милостивой государь, никакъ истинно и помыслить невозможно безъ точнаго вашего сіятельства повелѣнія ни отъ команды къ вамъ отъѣхать, которая ежеминутно отъ меня распоряженій теперь требуетъ, ни собою назначенной мною день на выступленіе отсель и донесенной уже ко двору отмѣнить, особливо уважая точное и позитивное высочайшее повелѣніе, полученное мною въ трехъ рескриптахъ о дѣйствительномъ въ Россію безъ потерянія времени слѣдованіи и о точномъ соблюденіи прежде заключеннаго мирнаго трактата, какъ и графъ Чернышовъ прямо уже въ Россію слѣдуетъ, а мнѣ далъ знать, что именемъ нашей всемилостивѣйшей Государыни обнадежилъ его величество короля, что послѣдне-заключенной мирной трактатъ во всемъ свято и ненарушимо содержанъ будетъ.

Того ради, если ваше сіятельство, какъ изволили въ письмѣ объясниться, сверхъ тѣхъ высочайшихъ повелѣній, кои въ ордерѣ ко мнѣ изобразили и которыхъ письму ввѣрить не можете, имѣете и такія, по коимъ необходимо мнѣ должно Померанію и Колберхъ далѣе въ своей поссесіи содержать, нежели въ моемъ репортѣ представляется: то всенижайше прошу съ симъ нарочно посланнымъ дать точное на то повелѣніе или открыть оныхъ обстоятельствъ настоящее содержаніе, яко такому человѣку, которой совершенно ревнуетъ въ самой точности исполнить высочайшія намѣренія и повелѣнія и кой отъ искреннѣйшаго сердца съ величайшимъ почтеніемъ всегда пребывать честь имѣетъ.

11.

Москва, 4 Августа 1763 году [1]).

Благодарствую, мой любезнѣйшій другъ, за ваше письмо отъ 28-го минувшаго. Но какъ я его вечоръ только получилъ, а сіе сегодня поутру заготовляю, то вслѣдствіе сего, времени еще не имѣлъ видѣть ваше къ княгинѣ [2]), затѣмъ что она въ Михалковѣ. Теперь же оттуда присылала сказать, что будетъ ко мнѣ сегодня послѣ обѣда, а потому и остается мнѣ отвѣтствовать на одно ко мнѣ отъ васъ писанное.

Братъ Леонтьевъ уже давно живетъ въ своей деревнѣ, а о томъ съ достовѣрностію увѣрить могу, что отнюдь у него эска-

---

[1]) Писано въ Петербургъ, вслѣдъ за обратнымъ изъ Москвы переѣздомъ туда Екатерины II-й. *П. Б.*

[2]) Вѣроятно княгинѣ А. И. Куракиной, сестрѣ братьевъ Паниныхъ. Михалково (за Петровскимъ паркомъ подъ Москвою) принадлежало П. И. Панину. *П. Б.*

дрона гусаровъ нѣтъ. И конечно онъ къ заведенію собственныхъ гусаръ никакого предосудительнаго намѣренія не имѣетъ. А какъ мы многіе бывшіе въ минувшую войну взяли примѣръ, что всѣхъ чужестранныхъ службъ генералы, тѣ, коимъ собственный достатокъ дозволяетъ, содержатъ собственныхъ для услуги своей гусаровъ и называютъ ихъ лейбъ-гусарами, то тому и послѣдовали многіе, видя въ партикулярной своей услугѣ нужду въ томъ и пользу. Онъ же Леонтьевъ съ самаго пріѣзда въ Москву, бравъ намѣреніе ѣхать по всѣмъ своимъ деревнямъ, а имѣя предъ глазами довольные примѣры, сколько въ нашемъ отечествѣ помѣщики претерпѣваютъ отъ разбойниковъ, нарядилъ изъ своихъ собственныхъ слугъ шесть или восемь человѣкъ гусарами. Да и то подлинно, что у него одинъ отставной изъ сержантовъ армейскихъ офицеръ по бѣдности своей на его содержаніи живетъ, которой въ своемъ надзирательствѣ не только тѣхъ гусаръ, но и тѣхъ его слугъ содержитъ. Вы же сами Леонтьева знаете болтуномъ; то онъ, какъ и я слыхалъ, говаривалъ отъ хвастовства частію своимъ богатствомъ, а частію особливою будто бы склонностію къ военному ремеслу, что онъ составитъ цѣлой эскадронъ гусаръ и будетъ веселиться всегда ихъ экзерциціею; а когда война заведется, то самъ и съ тѣмъ эскадрономъ представитъ себя въ Ея Величества службу.

Вотъ, мой другъ, все истинное обстоятельство его войска. Но не достойно-ль слезъ, что драгоцѣннѣйшее сердце нашей добродѣтельнѣйшей и мудрой Монархини зловредными клеветниками приводится таковыми бездѣльными вымыслами въ напрасное безпокойство и въ безпричинное подозрѣніе на своихъ вѣрнѣйшихъ подданныхъ; оные жъ невинно тѣмъ наичувствительнѣйше оскорбляются. А кажется, довольно къ уничтоженію сихъ злонамѣренныхъ людей единое, прямое и истинное понятіе о всей собственной нашихъ государей военной силѣ, изъ которой довольно будетъ двухъ или трехъ полковъ разогнать безчисленное число подобныхъ поваренныхъ войскъ. Къ тому же довольнымъ доказательствомъ служатъ и бывшія войны наши съ Польшею, гдѣ у таковыхъ магнатовъ ихъ поваренныхъ войскъ весьма много.

И такъ при нынѣшнемъ благополучномъ уже регулярномъ расположеніи нашего отечества спокойно можно почитать заведеніе помѣщиками нѣкотораго числа во услуги своей вооруженныхъ людей, болѣе къ пользѣ, нежели къ неспокойству государственному; потому что оныхъ со временемъ можно бы было употреблять не только для земской полиціи, но и въ случаѣ военной нужды брать ихъ, яко уже нѣсколько исправленныхъ, въ государеву службу.

Однакоже со всѣмъ тѣмъ я ему нынѣ же далъ совѣтъ, чтобы онъ гусаръ своихъ не только не умножалъ, но и болтать бы о томъ унялся.

Съ несказаннымъ подданническимъ признаніемъ и благодарностію принимаю я Ея Величества высочайшую довѣренность къ моимъ недостаточнымъ мнѣніямъ и готовъ при настоящемъ востребованіи всегда ихъ сочинять, сколь слабыхъ по моимъ скуднымъ свѣдѣніямъ, столь всеконечно преисполненныхъ истинною вѣрностію и ревностію. Но какъ, любезнѣйшій другъ, мнѣ способу имѣть нельзя получить безъ особливаго повелѣнія подлиннаго извѣстія, какія когда понынѣ отъ правительства дѣланы были учрежденія о побѣгахъ въ Польшу и о возвращеніи бѣглыхъ оттудова, то я принужденъ васъ же просить, чтобы вы пожаловали, истребовавъ о томъ по Сенату у Александра Ивановича *) экстрактъ, съ первою почтою ко мнѣ прислать.

Позвольте жъ наконецъ мнѣ васъ утрудить еще просьбой по моей страсти: какъ нынѣ наступаетъ осеннее время и я уже не воздержусь, чтобы не ѣздить съ собаками, а здѣсь нѣтъ сукна способнаго на сюртукъ, то пожаловать съ первою же почтою ко мнѣ прислать пять аршинъ, буде сыскаться можетъ, Аглинскаго драпу; а буде того нѣтъ, то какого ни есть удобнѣйшаго для выдержанія дождя сукна.

Чуть не забылъ сказать о томъ, что я касательное до княгини Голштейнбекъ нашему другу вечоръ же сообщилъ; а онъ вамъ усерднѣйше кланяется. Предварительно-жъ посему я отъ него только то узналъ, что принцъ, при прежнемъ отнятіи у нея всего имѣнія, не оставилъ со всѣхъ деревень собрать впередъ годовой доходъ; слѣдовательно и она онаго на нынѣшній сама не имѣетъ. Однакожъ нашъ другъ взялся къ ней для того нарочно въ подмосковную съѣздить.

Затѣмъ живи, дорогой другъ, благополучно; а я съ женою и съ сыномъ здоровы и васъ душевно обнимаемъ; а сестрѣ гораздо есть легче, и весь ея домъ здоровъ.

---

*) Генералъ-прокурора Глѣбова. *П. Б.*

Замѣтка по поводу писемъ генералъ-поручика Петра Ивановича Панина къ его брату Никитѣ Ивановичу.

Генералъ-поручикъ Петръ Ивановичъ Панинъ былъ идеально храбрый и безспорно одинъ изъ самыхъ талантливыхъ Русскихъ генераловъ временъ Семилѣтней войны [1]. Свое геройство и искусство управлять войсками въ бою П. И. Панинъ въ первый разъ проявляетъ въ Цорндорфскомъ сраженіи, когда онъ, съ полками 2 линіи, принялъ на себя и разстроилъ знаменитую атаку Прусской конницы, подъ начальствомъ Зейдлица. Затѣмъ, въ письмѣ отъ 15-го Іюля 1759 г., П. И. Панинъ даетъ высокопоучительный образецъ своего поведенія въ слѣдующемъ за Цорндорфомъ большомъ дѣлѣ, а именно въ бою подъ Пальцихомъ (Каемъ) $^{12}/_{23}$ Іюля 1759 г. Въ генеральномъ сраженіи подъ Кунерсдорфомъ, $^{1}/_{12}$ Августа 1759 г., генералъ Панинъ съ Ростовскимъ и 2-мъ (нынѣ Таврическимъ) гренадерскими полками первый положилъ предѣлъ сильнѣйшей изъ атакъ Пруссаковъ, подъ личнымъ начальствомъ Фридриха II,—оврага Кугрундъ. Наконецъ, взглядъ генерала Панина на общее направленіе операцій Русской арміи въ концѣ 1759 года [2] свидѣтельствуетъ о правильности пониманія имъ бывшей обстановки и той цѣли, которая должна быть достигнута Русскою арміею. Независимо отъ должности бригаднаго командира пѣхоты генералъ Панинъ, въ тоже время, занималъ важный постъ дежурнаго генерала при Апраксинѣ и Ферморѣ [3].

При этой выдающейся дѣятельности П. И. Панина, весьма понятно, съ какимъ интересомъ должна отнестись военно-историческая наука къ его бумагамъ и къ его личной перепискѣ [4]. Это послѣднее

---

1) Мы излагаемъ эти факты на основаніи архивныхъ данныхъ, послужившихъ матеріаломъ для втораго выпуска нашего труда „Русская армія въ Семилѣтнюю войну" и для статьи „Кунерсдорфская операція", переданной нами въ распоряженіе редакціи „Энциклопедіи военныхъ и морскихъ наукъ".

2) „Чтенія въ Имп. общ. Исторіи и Древн." 1887 г. кн. I; „Русско-австрійскій союзъ, стр. 210.

3) Относительно особенностей дѣятельности Панина послѣ 1759 г., мы воздерживаемся говорить, такъ какъ разборъ документовъ этой эпохи съ 1760 г. нами еще не оконченъ.

4) Бумаги Петра Ивановича Панина сохранились у его правнуки, княгини Маріи Александровны Мещерской, урожденной графини Паниной. Благодаря просвѣщенному сочувствію

предположеніе вполнѣ оправдывается первыми же его письмами къ своему брату, только теперь появляющимися въ печати.

Несмотря на ограниченное число этихъ писемъ и на интимно-семейный ихъ характеръ, два изъ нихъ (отъ 15-го Іюля 1759 г. и 3-го Іюля 1760 г.) имѣютъ самый живой военно-историческій интересъ.

Въ письмѣ отъ 15-го Іюля 1759 г. генералъ П. И. Панинъ, въ сжатомъ видѣ, излагаетъ дорогіе факты для очерка операцій, предшествовавшихъ сраженію подъ Пальцихомъ (Каемъ), и даетъ важныя подробности боя $^{12}/_{23}$ Іюля того же года. Это послѣднее особенно важно потому, что вообще сраженіе подъ Пальцихомъ мы до сихъ поръ могли бы изучить только по официальной реляціи и журналу, не имѣя ни одной изъ замѣтокъ очевидца.

Не касаясь спеціальныхъ особенностей операцій и хода самаго боя 12-го Іюля 1759 г., раскрытыхъ этимъ письмомъ, мы не можемъ не остановиться на двухъ выдающихся обстоятельствахъ, засвидѣтельствованныхъ П. И. Панинымъ.

Замѣчательный отзывъ генерала, вполнѣ знакомаго съ дѣломъ, своему брату о человѣческомъ обращеніи нашихъ солдатъ съ побѣжденнымъ имъ непріятелемъ,—фактъ особой важности. До послѣдняго времени непоколебимо твердо установилось мнѣніе о варварствѣ Русскихъ во время войны съ Фридрихомъ II. Большинство, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, бросало на Русскую армію временъ Елисаветы самую неблаговидную тѣнь, указывая на отсутствіе начальныхъ основъ дисциплины и на „чудовищную“ отсталость Русскаго военнаго дѣла. Русскія войска представлялись чѣмъ-то въ родѣ „допотопнаго чудовища“, „толпою, одержимою Азіатскою необузданностію“, и таковые отзывы мы встрѣчаемъ даже у самыхъ уважаемыхъ военно-историческихъ писателей.

Подобная молва до такой степени перевѣсила несомнѣнно славныя дѣла Русской арміи въ Семилѣтнюю войну, что наши побѣды надъ великимъ полководцемъ Пруссіи оставались какъ бы незамѣченными. Гросъ-Эгердорфъ, Цорндорфъ, Пальцихъ, Кунерсдорфъ, Берлинъ и Кольбергъ забывались Русскою военною исторіею, признавались историками побѣдами, одержанными „какъ бы невзначай“; да и вся эпоха

княгини Мещерской къ разработкѣ фактовъ отечественной военной исторіи, мы имѣемъ случай ознакомиться съ дѣлами генерала Панина, вполнѣ разсчитывая найти въ нихъ дорогіе факты для исторіи Русскихъ войскъ въ Семилѣтнюю войну.

участія Русскихъ въ Семилѣтнюю войну еще недавно была едва ли не пятномъ на страницахъ Русской военной исторіи. Только съ 1872 г., по благому почину редакціи „Сборника Русскаго Историческаго Общества" [5]), начали болѣе серьезно и критически относиться къ этому вопросу. Въ 1882 г. профессоръ академіи генеральнаго штаба, генералъ Сухотинъ первый не согласился повѣрить на слово шаблонному мнѣнію о достоинствахъ Русской арміи временъ Елисаветы [6]), что много способствовало и намъ съ должнымъ вниманіемъ отнестись къ источникамъ, которые послужили основаніемъ для столь ошибочнаго общаго заключенія о прошломъ Русской арміи. Оказалося, что источниками для того служатъ свидѣтельства Нѣмецкихъ писателей и извѣстнаго А. Т. Болотова [7]), человѣка съ узкимъ кругозоромъ и довольно онѣмечившагося.

Въ непродолжительномъ времени мы съ большею подробностью возвратимся къ этому вопросу и напечатаемъ, въ цѣломъ видѣ, рядъ самыхъ типичныхъ изъ преступленій Русскихъ солдатъ въ Семилѣтнюю войну съ конфирмаціями графа Фермора [8]). Этимъ мы разсчитываемъ окончательно подтвердить: во 1-хъ, что преступленія Русскихъ солдатъ въ Семилѣтнюю войну по своему характеру не представляютъ рѣшительно ничего варварскаго и выдающагося; и во 2-хъ, что за каждое изъ подобныхъ преступленій слѣдовала страшная кара, вполнѣ равносильная смертной казни, отъ которой при Елисаветѣ было освобождено и военное сословіе, даже во время войны.

Правдивый отзывъ П. И. Панина въ письмѣ отъ 15-го Іюля о поведеніи Русскихъ солдатъ, совершенно тождественный съ отзывами о томъ же графа П. С. Салтыкова [9]), вполнѣ подтверждаетъ наши выводы и наглядно доказываетъ невозможность слѣпо вѣрить разсказамъ иностранцевъ, безъ всякаго вниманія къ документамъ нашихъ архивовъ.

Другая важная особенность того же письма касается тактическаго искусства Русскихъ войскъ во время Семилѣтней войны.

Несмотря на спеціальность этого вопроса, однако, „общеизвѣстно", что искусство въ Русской арміи того времени не шло далѣе ту-

---

[5]) Сборникъ Русскаго Историч. Общества, т. 9, стр. 444.

[6]) Сухотинъ: „Фридрихъ Великій", стр. 217.

[7]) Русская армія въ Семилѣтнюю войну. Выпускъ I, стр. 1—5 и Приложеніе стр. 1—61.

[8]) Въ приложеніи ко II выпуску труда нашего, имѣющему появиться въ свѣтъ въ концѣ сего года

[9]) Сб. Русскаго Историческаго Общества, т. 9, стр. 491.

рецкаго: Русскія войска „строились на манеръ побѣждаемыхъ ими Турокъ въ огромныя каре......“ [10]); образцовой кавалеріи Фридриха II мы противоставили свою отсталую въ тактическомъ образованіи конницу, отсталую до такой степени, что будто бы она на стремительныя атаки Пруссаковъ отвѣчала стрѣльбою съ коня.

Въ свое время мы представили документальное доказательство, что еще Петръ I ввелъ у насъ атаку конницы во флангъ [11]), которою такъ славилась Прусская конница Фридриха II; и тогда же разъяснили наши уставныя положенія 1755 г., гдѣ категорически было предписано съ *едиными шпагами наступать.....* [12]). Но, тѣмъ не менѣе, и въ новѣйшихъ, даже первоклассныхъ, трудахъ мы встрѣчаемъ по прежнему повтореніе стараго разсказа о совершенномъ незнаніи нашею конницею того времени Европейской тактики. Такъ, напримѣръ, г. Петрушевскій говоритъ, что наша „регулярная кавалерія полагала свою силу въ огнестрѣльномъ дѣйствіи“ [13]).

Письмо П. И. Панина 15-го Іюля разъ навсегда должно опровергнуть эти ошибочные выводы. Здѣсь одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ участниковъ боя категорически высказывается, что не только наши кирасиры и драгуны, гдѣ только случай допускалъ, съѣхавшись съ лучшею непріятельскою кавалеріею, *не думая никогда о пистолетахъ, но прямо съ палашами въ нихъ* (непріятельскую конницу) *въѣзжая*, къ отступленію принуждали“.

Письмо П. И. Панина отъ 3-го Іюля 1760 г. способствуетъ выясненію весьма интереснаго вопроса о причинахъ замѣны главнокомандующаго графа Фермора графомъ П. С. Салтыковымъ.

Заключеніе г. Петрушевскаго о томъ, что будто бы самъ „Ферморъ просилъ увольненія отъ главнаго начальствованія и былъ замѣненъ Салтыковымъ“ [14]), вполнѣ невѣрно, что̀ видно и по духу рескрипта о замѣнѣ Фермора Салтыковымъ, напечатаннаго профес. Соловье-

---

[10]) Богдановичъ, „Русская армія въ вѣкѣ Екатерины II“, стр. 4. Построеніе въ каре въ день Цорндорфа нами опровергается въ спеціальномъ трудѣ. Выяснилось, что Русскіе закрыли на ночь свои фланги, вслѣдствіе чего построеніе имѣло видъ каре. Съ разсвѣтомъ же дня войска построились въ обычныя двѣ линіи, и сохранился даже чертежъ перехода изъ каре въ линіи.

[11]) Строевая и полевая служба Русскихъ войскъ временъ Петра I и Елизаветы. Приложеніе, стр. 22—24.

[12]) Тамъ же, стр. 153—197.

[13]) *Петрушевскій*. Генералисимусъ Суворовъ, т. I, стр. 37.

[14]) Генералисимусъ Суворовъ, т. I, стр. 24.

вымъ [15]), и по характеру бывшаго недоразумѣнія между главнокомандовавшимъ и конференціею; а именно, по дѣлу о неимовѣрныхъ расходахъ на продовольствіе войскъ [16]), что очень много способствовало замѣщенію Фермора графомъ Салтыковымъ.

Въ этомъ дѣлѣ видную роль играетъ генералъ Дицъ, любимецъ Фермора, бывшій при немъ генералъ-провіантмейстеромъ въ 1758 г. Письмо П. И. Панина 3-го Іюля и его отзывъ о Дицѣ даютъ совершенно иное освѣщеніе дѣятельности генералъ-провіантмейстера, и не безъ основанія, если принять въ соображеніе свидѣтельство и другихъ документовъ. Въ письмѣ отъ 3-го Іюля есть едва замѣтная характеристика и Фермора: „Вамъ извѣстное преслѣдованіе всея той кампаніи въ разсужденіе ея предводителя,“—глухо отзывается П. И. Панинъ о дѣятельности бывшаго главнокомандовавшаго; однако эта фраза въ связи съ секретною инспекціею арміи въ 1759 г. генерала Костюрина [17]), а также и съ данными другихъ документовъ, которыхъ мы касаемся въ своемъ спеціальномъ трудѣ, имѣетъ большое значеніе. Оставляя въ сторонѣ послѣдніе и основываясь только на письмахъ Панина, вполнѣ выясняется, что Дицъ былъ отрѣшенъ отъ должности и, мало того, его дѣло и стремленіе оправдать себя оставались безъ разсмотрѣнія болѣе года. Причины этого понятны. Если бы дѣло шло только объ одномъ Дицѣ, то едва ли бы отказались распечатать его книги. Письмо Панина нисколько не противорѣчитъ тому заключенію, что и самъ Ферморъ, вооружившій противъ себя всѣхъ старшихъ чиновъ арміи (какъ говоритъ Костюринъ) былъ замѣшенъ въ этомъ дѣлѣ.

Вообще изъ этого письма несомнѣнно слѣдуетъ, что и во время Семилѣтней войны злоупотребленія при заготовкѣ довольствія для арміи составляли уже коренное зло, противу котораго однако Апраксинъ (какъ оказывается) отыскалъ мѣры [18]).

Д. Масловскій.

---

[15]) Соловьевъ, „Исторія Россіи“, т. 24-й, стр. 252—253.

[16]) Тамъ же.

[17]) Архивъ Князя Воронцова, кн. 7, стр. 354—366.

[18]) См. у Соловьева стр. 252 и „Русская армія въ Семилѣтнюю войну“. Выпускъ I, стр. 108, пун. 2-й.

ВСТРѢЧА СЪ ИМПЕРАТОРОМЪ АЛЕКСАНДРОМЪ ПАВЛОВИЧЕМЪ.

Изъ дѣтскихъ воспоминаній княжны В. Н. Репниной *).

Въ 1819-мъ году, въ началѣ Сентября, императоръ Александръ Павловичъ пріѣхалъ въ Полтаву. Отецъ мой, князь Николай Васильевичъ, былъ тамъ генералъ-губернаторомъ. Мама̀ (которая не хвасталась своими дѣтьми, подобно Корнеліи Римлянкѣ, а довольствовалась тѣмъ, что любила ихъ про себя) не захотѣла, чтобы мы оставались въ Полтавѣ во время этого царскаго посѣщенія и послала насъ за 4 версты оттуда, въ помѣстье „Требы", принадлежавшее г-ну Базилевскому. Но человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ.

Мы отправились въ „Требы": Анна Николаевна Бантышъ-Каменская (маминъ другъ), Швейцарка мамзель Викторія Вильдерметъ, потомъ мы четверо дѣтей, т.-е. братъ мой и двѣ мои сестры, мальчикъ Адольфъ Гойеръ, оправлявшійся въ то время отъ горячки, няня, кормилица моей сестры Лили, лакеи и горничныя. Домъ въ Требахъ былъ почти безъ мебели. За прихожей была зала, гдѣ стояли кровать, ширмы, да столъ со стуломъ; тутъ помѣстилась Анна Николаевна. Изъ залы одна дверь вела въ заднюю комнату, которую отдали моей маленькой сестрѣ съ ея кормилицей и няней; другая дверь вела въ большую комнату, съ выходомъ въ садъ; здѣсь мы всѣ спали на полу, на соломѣ, кромѣ Адольфа, товарища моего брата. Какъ онъ еще былъ слабъ, то ему дали кровать. Затѣмъ въ слѣдующей комнатѣ расположилась мамзель Вильдерметъ; тамъ стояло откидное бюро. Я не знаю, зачѣмъ стали мыть крыльцо въ нѣсколько ступенекъ, со двора въ прихожую, и считать наше грязное бѣлье въ комнатѣ Анны Николаевны, не

*) Съ позволенія княжны Варвары Николаевны записано съ ея словъ. *П. Б.*

смотря на то, что мы должны были оставаться въ „Требахъ" всего 3 или 4 дня.

Вдругъ какой-то экипажъ останавливается у воротъ обширнаго двора, и мы видимъ подбѣгающаго къ Аннѣ Николаевнѣ дядю нашего, князя Петра Михайловича Волконскаго, который, совсѣмъ запыхавшись, говоритъ, что Государь желаетъ здѣсь остановиться, чтобы переодѣться изъ мундира въ дорожное платье. Анна Николаевна вскрикиваетъ и увѣряетъ, что это невозможно. Мой дядя, точнѣйшій исполнитель приказаній Государя, съ негодованіемъ отвергаетъ возраженія Анны Николаевны и бѣжитъ встрѣтить Государя. Въ одну секунду кучера (зачѣмъ они у насъ были?) берутъ песку въ полы своихъ армяковъ и бросаютъ его на сырыя ступеньки, а мы всё собираемъ разбросанное по полу бѣлье и швыряемъ его за ширмы на постель Анны Николаевны. Это было очень забавно; въ сумятицѣ опрокидываютъ Адольфа, еще не совсѣмъ твердаго на ногахъ; онъ начинаетъ плакать. Братъ и сестра, очень застѣнчивые, убѣгаютъ въ сарай; я же, не сходя съ мѣста, дожидаюсь Августѣйшаго посѣтителя, стоя рядомъ съ Анной Николаевной у двери нашей комнаты. (Не знаю, почему мы не пошли къ нему на встрѣчу?) Государь пріѣзжаетъ и входитъ въ нашу первую комнату. Его камердинеръ, при видѣ почти пустой залы, хочетъ пройти въ комнату, гдѣ спала маленькая сестра моя; но кормилица, стоявшая у порога двери, кричитъ ему: „Нельзя, нельзя, здѣсь спитъ моя княжна", а сама такъ низко кланяется Государю, что повойникъ слетаетъ у нея съ головы; она его подхватываетъ, а Государь приказываетъ камердинеру: „Оставь, оставь и здѣсь можно".

Наконецъ, онъ приближается къ намъ. На мнѣ было розовое ситцевое платье съ большимъ чернильнымъ пятномъ на груди. Государь стоитъ. Никто не подумалъ предложить ему единственный стулъ, который былъ подъ рукою. Онъ очень любезенъ. Онъ говоритъ А. Н. Бантышъ-Каменской про ея покойнаго отца Николая Николаевича, спасшаго Московскій государственный архивъ въ 1812-мъ году. Онъ спрашиваетъ, сколько дѣтей у моихъ родителей. Анна Николаевна отвѣчаетъ, что трое (она забыла мою маленькую сестру, что̀ меня возмутило до глубины души: для кого же была кормилица?). „А гдѣ старшіе?" спросилъ Государь.—„Они пошли гулять".—„Они ужъ такъ благоразумны, что ихъ пускаютъ однихъ?" Я не помню, каковъ былъ отвѣтъ на этотъ вопросъ (опять у меня внутреннее негодованіе: братъ и сестра мои прячатся, и про нихъ лгутъ). Я хотѣла возразить; но въ то время молчаніе было обязательно для дѣтей.

Я двинулась было поцѣловать руку Государя; но онъ этого не позволилъ и поцѣловалъ мою. „Княгиня Репнина", сказалъ онъ, „имѣетъ при своихъ дѣтяхъ сестру Маргариты Вильдерметъ, которая находится при великой княгинѣ Александрѣ Ѳедоровнѣ (позднѣе императрицѣ). Если бы она дала мнѣ порученіе къ ней, я съ удовольстіемъ исполнилъ бы его", прибавилъ Государь. Между тѣмъ, наша мамзель, одѣтая въ красное сургучнаго цвѣта платье, стояла въ своей комнатѣ, дверь которой была отворена настежъ, у откиднаго бюро, и только производила ртомъ звуки, которыхъ невозможно описать, но не двигалась съ мѣста, хотя Анна Николаевна крикнула ей довольно громко: „Его Величество желаетъ съ вами говорить". Полнѣйшее окаменѣніе!

Наконецъ, камердинеръ объявилъ, что все готово. Государь поклонился и пошелъ совершать свой туалетъ. Въ это время дядя бесѣдовалъ съ Анной Николаевной, о чемъ—я не помню. „Волконскій", кликнулъ Государь, пріотворяя дверь. Дядя предложилъ ему пройти черезъ нашу комнату, выходящую въ садъ; но онъ этого не захотѣлъ подъ предлогомъ, что былъ въ дорожномъ костюмѣ: я думаю, что съ него было довольно насъ послѣ столь необыкновеннаго пріема.

ЗАПИСКИ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА МУРАВЬЕВА-КАРСКАГО [1]).

(Декабрь 1821—Май 1822).

(Баку—Тифлисъ).

8-го Дек. Поутру я получилъ, при летучей картѣ, повелѣніе отъ И. А. Вельяминова, которымъ онъ позволяетъ мнѣ наградить команды какъ сухопутныя, такъ и морскія, находившіяся въ экспедиціи, раздачею всякому рядовому по три рубля сер., а унтеръ-офицерамъ по пяти рублей. Онъ обѣщается мнѣ представить объ удачномъ окончаніи экспедиціи Государю, также не оставить безъ награжденія и офицеровъ при мнѣ находящихся, какъ сухопутныхъ, такъ и морскихъ. Между тѣмъ онъ приложилъ предписаніе къ Юрьеву, которымъ онъ дѣлаетъ ему тѣже обѣщанія въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ. Онъ позволяетъ Якши-Магмеду слѣдовать въ Тифлисъ или оставаться въ Бакѣ, предоставляя сіе на его волю и полагая ему въ семъ послѣднемъ случаѣ по 3 рубля сер. въ сутки содержанія. Я былъ очень обрадованъ тѣмъ, что все требованное мною исполнилось; но не нахожу въ офицерахъ своихъ, особливо въ Рюминѣ, тѣхъ чувствъ привязанности къ должности своей, которыхъ бы можно ожидать отъ всякаго благороднаго человѣка. Не буду впередъ имѣть при себѣ чужихъ офицеровъ, которые, видя, что, изъ уваженія и преданности къ ихъ начальнику, я часто смалчиваю и переношу ихъ поступки, полагаютъ въ терпѣніи моемъ видѣть слабость. Но я рѣшился лучше самъ переносить, чѣмъ нанести Базилевичу неудовольствіе наказаніемъ ихъ.

9-го. Я получилъ отъ морскихъ офицеровъ бумагу, которою они благодарятъ меня за доставленную имъ благодарность отъ Ивана Александровича; бумага сія, написанная въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, хотя отъ подчиненныхъ, была мнѣ очень пріятна, и я занесъ въ журналъ свой только копію съ нея, а ее включилъ въ число благодарностей и свидѣтельствъ, полученныхъ мною отъ начальства во все время моей службы.

10-го. Я провелъ весь день дома въ занятіяхъ. Ввечеру навѣстилъ меня комендантъ. Человѣкъ сей день ото дня мнѣ болѣе нравится. Онъ честный и пріятный человѣкъ, храбрый и благородный офицеръ.

---

[1]) См. „Р. Архивъ“ сего года, I, 393.

11-го. Я просидѣлъ до 1-го часа ночи за письмами; занятія и сидячая работа становятся мнѣ тяжелы. Я сижу и занимаюсь съ утра до вечера.

12-го *). Поутру былъ у меня весь городъ. Я былъ на завтракѣ у коменданта. Ввечеру, чувствуя себя нездоровымъ отъ чрезмѣрныхъ занятій, я вышелъ со двора и провелъ часа два у Басаргина.

13-го. Я праздновалъ день освобожденія своего изъ Хивы. Въ Россіи всѣ родственники мои и пріятели должны были собраться и провести время вмѣстѣ, радуясь моему избавленію. Я созвалъ на обѣдъ къ себѣ Басаргина, Юрьева, Макарова и Кунта. Ввечеру была у меня музыка. Кунтъ отличался на скрипкѣ, комендантъ провелъ у меня вечеръ.

20-го. Я получилъ письмо отъ Старкова, которымъ онъ меня зоветъ къ себѣ, обѣщаясь доставить меня въ Карагачъ въ Кахетіи, откуда до Тифлиса есть вездѣ почтовыя станціи. Онъ пишетъ мнѣ, между прочимъ, что Петровичъ произведенъ въ чинъ губернскаго секретаря, что̀ меня очень порадовало; первое потому, что я увидѣлъ, сколько Алексѣй Петровичъ уважаетъ мое представленіе, а второе потому, что я расплатился съ симъ человѣкомъ и довершилъ свои обѣщанія. Онъ слишкомъ много награжденъ отъ правительства, но съ моей стороны ничего лишняго не сдѣлано: я всегда помню, что онъ сопутствовалъ мнѣ въ Хиву. Получено здѣсь извѣстіе о прибытіи Алексѣя Петровича въ Тифлисъ. Онъ пріѣхалъ 13-го числа сего мѣсяца.

Сего же числа, послѣ полдня, я отправилъ лишнія вещи свои на двухъ обывательскихъ наемныхъ подводахъ въ Тифлисъ, приставивъ къ нимъ для смотрѣнія рядоваго Тимоѳея Никитина и Сергѣя.

21-го. Я писалъ ко всѣмъ комендантамъ Тифлисской дороги, чтобы они выставили для меня лошадей и оказали бы отправленнымъ арбамъ всякое пособіе.

22-го. Я сидѣлъ цѣлый день дома и повѣрялъ свои расходныя книги. Ввечеру надѣялся быть свободнымъ и ѣхать на транспортъ, чтобы нѣсколько развлечь себя; но не тутъ-то было—пришелъ священникъ здѣшній, который сталъ меня пилить. Однако, посидѣвъ съ нимъ, я объявилъ ему, что мнѣ недосугъ, и отправился на транспортъ. По возвращеніи я опять сталъ заниматься и просидѣлъ до полночи. Занятія мои въ Бакѣ становятся ощутительны для моего здоровья. Онѣ слишкомъ постоянны и продолжительны; въ свободное время, вмѣсто того чтобы отдохнуть, одуматься, осмотрѣться, должно сидѣть со здѣшними болванами и слушать глупыя ихъ рѣчи.

---

*) Царскій день: рожденіе императора Александра Павловича. П. Б.

23-го. Катани цѣлый день дома не было. Третьяго дня онъ проигрался у Александровскаго въ домѣ и вчера не показывался ко мнѣ. Онъ цѣлый день шатается по городу и старается, гдѣ бы то ни было, сыскать игру. Вчера ввечеру, уже очень поздно, я искалъ его по всему городу и нашелъ у Любимскаго, здѣшняго таможеннаго чиновника. Они играли, и не прежде какъ по второму зову я могъ его достать домой. Сдѣлалъ ему уже неласковый выговоръ, какъ то прежде бывало; онъ не слушается и принимаетъ ласки за слабость.

Декабря 24-го дня, для избѣжанія праздниковъ, я отправился изъ Баки.

26-го я пріѣхалъ въ Старую Шемаху, гдѣ былъ принятъ комендантомъ Ширванской области подполковн. Николаемъ Васильевичемъ Высоцкимъ. Прежняя столица Мустафы-хана въ Фитаксѣ совершенно истреблена. Всѣ жители оной переведены въ Старую Шемаху и начали было строиться; но такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ показали желаніе поселиться въ Новой Шемахѣ, то приказано было остановить строенія до разрѣшенія главнокомандующаго. Между тѣмъ множество народа, поселившагося въ старомъ городѣ, живетъ въ шалашахъ и лачугахъ. Ихъ обязали теперь подпиской, что если главнокомандующій вздумаетъ переселить городъ въ Новую Шемаху, то они оставятъ начатыя ими строенія. Городъ очень многолюденъ и со временемъ будетъ повидимому самымъ лучшимъ во всѣхъ странахъ подвластныхъ Алексѣю Петровичу. Народъ покоренъ и терпѣливо сноситъ притѣсненія, происходящія отъ нерадѣнія нашего правительства.

27-го я пріѣхалъ ночевать въ Новую Шемаху. Меня провожалъ Гуссейнъ-бекъ, родственникъ бывшаго хана.

29-го. Я встрѣтился съ Ахметъ-султаномъ, однимъ владѣльцемъ Ширванскимъ, отпустилъ Гуссейнъ-бека домой, а къ себѣ взялъ въ мегмендари сына султанскаго Гаджи-бека. Онъ принималъ меня въ своей деревнѣ, потчивалъ меня и проводилъ до Гёгъ-Гойскаго поста, гдѣ я нашелъ высланнаго на границу Нухинскую для моей встрѣчи прапорщика Джафаръ-бека. Старковъ, комендантъ Нухинской, приказалъ меня принять со всѣми почестями. Изо всѣхъ деревень выѣзжали ко мнѣ беки на встрѣчу, и трое изъ нихъ, Джафаръ-бекъ, Агаси-бекъ и братъ его Шкендеръ-бекъ, остались провожать меня до Нухи. Въ ту ночь я ночевалъ на Турчанскомъ посту, гдѣ встрѣтился со мной ѣдущій въ Баку инженерный капитанъ Тегеръ со своей матерью, Нѣмецъ.

30-го я пріѣхалъ ночевать на Чемакинскій постъ. Проводники мои пилили меня цѣлый день различными учтивостями, несносными, скучными; притомъ же разсказывали мнѣ все, какъ они мнѣ усердно

служатъ, и надоѣли мнѣ до крайности. Желая отдѣлаться отъ нихъ, я ихъ съ вечера отпустилъ ночевать въ деревню и велѣлъ на другой день пріѣзжать нерано; а самъ 31-го числа отправился до разсвѣта по дорогѣ къ Нухѣ, приказавъ сказать имъ, по прибытіи ихъ на станцію, что я поѣхалъ въ Елисаветполь. Подъѣзжая къ Дегнинскому посту, они всѣ нагнали меня въ скачь и снова начали надоѣдать мнѣ, и я не нашелъ лучшаго средства отдѣлаться отъ нихъ какъ напоить ихъ пьяными. Двое напились; я побранилъ ихъ за неумѣренность, и они во всю дорогу до Нухи оставили меня въ покоѣ.

Того же вечера я прибылъ въ Нуху довольно поздно. Комендантъ Старковъ выѣзжалъ ко мнѣ на встрѣчу, но попалъ на другую дорогу, и мы съ нимъ разъѣхались.

1822-й годъ.

1—2 Января я пробылъ въ Нухѣ; погода была дурная, и я не видалъ города. Я жилъ въ зàмкѣ бывшаго тамъ хана, который былъ отравленъ самымъ подлымъ образомъ княземъ Мадатовымъ. Мрачное и холодное жилище его, построенное въ темномъ ущельѣ, вѣчно покрыто туманами, напоминая о несчастной смерти сего владѣльца; оно приводитъ также на память тѣ ужасы и жестокости, которыми знаменовалось его правленіе. Городъ довольно обширенъ и состоитъ весь почти изъ садовъ. Ширванское и Нухинское ханства приносятъ дохода въ казну нашу до 140 тысячъ червонцевъ. Старковъ говорилъ мнѣ между прочимъ о кончинѣ маіора Макаева, бывшаго приставомъ въ Ширванскомъ ханствѣ. Деньги Мустафы-хана, которыя были показаны увезенными имъ за границу, нашлись у Макаева въ Тифлисѣ, и говорятъ, что князь Мадатовъ замѣшанъ въ семъ дѣлѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что ханъ былъ ограбленъ, деньги утаены и казна обманута; но правительство здѣшнее сажаетъ безъ выбора людей на такія мѣста. Они, пользуясь безпечностью онаго, удовлетворяютъ своему корыстолюбію, презирая всѣ правила чести. Не сужу о Мадатовѣ, виноватъ ли онъ или нѣтъ; похоже, что онъ виноватъ, ибо онъ былъ пріятель Макаеву. Но если онъ былъ виноватъ въ семъ дѣлѣ, то онъ его и поправитъ; ибо онъ хорошо чувствуетъ, что Алексѣй Петровичъ, представивъ о немъ Государю съ такой выгодной стороны и составивъ ему такія богатства и награжденія, не можетъ вдругъ идти вопреки прежняго своего поступка. Трудно разобрать ихъ. Твари презрительныя. Иные говорятъ, что и Макаевъ тоже умеръ отъ яда: здѣсь болтаютъ ужасы.

3-го числа послѣ обѣда я отправился въ дорогу, черезъ владѣнія Елисуй-султана и Чарское. Меня провожалъ Старковъ до деревни Билиджикъ, отстоящей на 22 версты отъ Нухи. Деревня сія есть послѣдняя Шекинскаго владѣнія въ сей сторонѣ.

4-го я проѣзжалъ владѣнія Елисуй-султана и Чарскихъ Лезгинъ. Мѣста сіи, въ которыхъ за нѣсколько лѣтъ до сего Русскій не могъ показываться, не подвергаясь величайшей опасности, нынѣ свободны для проѣзжихъ, съ нѣкоторыми осторожностями. Тутъ нѣтъ казачьихъ постовъ, и меня провожали Нухинскіе беки и около двадцати человѣкъ Татаръ. Мѣста, черезъ которыя я ѣхалъ, прекрасны: все сады или рощи. Въ правой рукѣ остаются не въ большомъ разстояніи снѣговыя Кавказскія горы, имѣющія величественный видъ; все пространство, отъ дороги до горъ заключающееся, покрыто множествомъ селеній Лезгинскихъ, коихъ строенія бѣлѣются въ ущельяхъ и на покатостяхъ Кавказа. У подошвы сихъ горъ простирается на большое разстояніе стѣна. Султанскій родня, встрѣчавшій меня, говорилъ, что онъ видѣлъ стѣну сію на сорокъ верстъ длины и что она еще далѣе простирается. Она обвалилась въ нѣкоторыхъ мѣстахъ; но слѣды ея и самая стѣна еще хорошо видны. Должно быть таже самая, которая идетъ отъ Дербента до Чернаго моря и которую историки называютъ стѣною—Джуджъ и Маджюджъ, или Гогъ и Магогъ; полагаютъ, что она выстроена Нуширханомъ; другіе полагаютъ ее еще гораздо древнѣе. Въ лѣвой рукѣ была у меня рѣка Алазань, называющаяся у Лезгинъ Каныхъ. Проѣхавши 38 верстъ или 40, мы остановились ночевать на лѣвомъ берегу рѣки, еще не въ нашихъ границахъ, въ Лезгинской деревнѣ Падаръ.

5-го я переправился черезъ Алазань въ челнокѣ и въѣхалъ въ Кахетію. Послѣ 30-ти верстнаго перехода, все равнинами, я прибылъ въ Карагачъ, гдѣ находятся квартиры Нижегородскаго драгунскаго полка. Полка тутъ не было, шесть эскадроновъ стояло за Алазанью, потому что неурожаи травы прошлаго года были очень ощутительны въ Кахетіи; въ Карагачѣ же находился только одинъ запасный эскадронъ. Полковникъ князь Чавчавадзевъ тутъ же былъ. Онъ былъ очень огорченъ тѣмъ, что ему не ввѣрили начальствованія симъ полкомъ; на мѣсто его назначили командиромъ полковника Шабельскаго, который еще изъ Россіи не прибылъ. Якубовича я не нашелъ въ полку: онъ на линіи и отпущенъ Алексѣемъ Петровичемъ, подъ предлогомъ будто за ремонтомъ, въ отпускъ домой.

6-го я выѣхалъ изъ Карагача и ночевалъ на Домнолинскомъ посту, гдѣ встрѣтился на другой день съ княземъ Эристовымъ, генералъ-маіоромъ, возвращающимся изъ Тифлиса.

7-го я пріѣхалъ ночевать въ Нѣмецкую колонію Сартагалы, а 8-го прибылъ въ Тифлисъ. Арбы, отправленныя мною изъ Баки, прибыли въ тотъ же самый день. Я пріѣхалъ поздно и въ Воскресенье, когда всѣ были въ собраніи; я прямо поѣхалъ въ баню. Я ночевалъ у Амиръ-Шакиръ-баши, который былъ недавно извѣщенъ о смерти сына своего Александра, убитаго въ сраженіи противъ Абхазинцовъ. Сынъ же моего хозяина Бебутова, служа въ Грузинскомъ гренадерскомъ полку подпоручикомъ, бѣжалъ въ Персію и теперь находится въ Эривани.

9-го числа я являлся къ Вельяминову и къ Алексѣю Петровичу и былъ очень хорошо принятъ. Старикъ Иванъ Александровичъ приказалъ мнѣ отъ имени Алексѣя Петровича представить къ награжденіямъ всѣхъ находившихся при мнѣ офицеровъ; но я намѣренъ повременить и дождаться окончанія работъ.

12--го. Ввечеру я былъ у Алексѣя Петровича и всѣ раза, что его видѣлъ, былъ принятъ съ одинаковою ласкою. Я старался узнать, расположенъ ли Алексѣй Петровичъ дать мнѣ полкъ, и потому просилъ Петра Николаевича *) развѣдать о семъ. Отвѣтъ былъ очень выгодный, и если вѣрить словамъ Алексѣя Петровича, то я долженъ получить полкъ; но можно полагать, что онъ хочетъ только меня задержать, съ тѣмъ чтобы, съ открытіемъ весны, снова послать меня въ Туркменію. Однакоже мое намѣреніе состоитъ въ томъ, чтобы не ѣхать: пора одуматься и, бросивъ путешествія, избрать родъ службы покойнѣе, выгоднѣе и подъ глазами главнокомандующаго.

16-го. Я провелъ часть вечера у Базилевича и у Попова, но скоро возвратился домой, потому что меня извѣстили о пріѣздѣ Старкова, который остановился у меня.

17-го. Я провелъ вечеръ у Алексѣя Петровича. Богъ знаетъ какіе у него планы; мнѣ кажется, что основательно никакихъ нѣтъ: говоритъ о завоеваніи Хивы, о торговлѣ съ сѣверной Индіей, о Аму-Дарьѣ, о нерасположеніи Государя къ завоеваніямъ, объ удобной торговой дорогѣ къ Хивѣ, и проч. Сюда привезли на дняхъ изъ Оренбурга двухъ Хивинцевъ, задержанныхъ генераломъ Эссеномъ. Они содержатся у коменданта; не знаю, для какой цѣли сюда присланы и что̀ съ ними дѣлать намѣрены.

Вечеръ провелъ у меня новый знакомый, Николай Александровичъ Павловъ, братъ мужа сестры Алексѣя Петровича; онъ служилъ во флотѣ лейтенантомъ, имѣетъ лѣтъ подъ сорокъ, былъ нѣсколько лѣтъ въ отставкѣ, теперь въ службѣ капитаномъ арміи и старшій

*) Ермолова. П. Б.

адъютантъ при корпусѣ, человѣкъ простой, но честный и хорошій; онъ мнѣ очень понравился.

19-го. Перебывало у меня болѣе сорока человѣкъ, и комната моя изображаетъ площадь на рынкѣ, на которую являются всякаго званія люди для того, чтобы повидаться съ моимъ гостемъ Старковымъ, и я не могу ничего дѣлать: разговоръ и крикъ съ утра до самаго вечера не прекращаются; комната уже не убирается, и я счастливъ тогда, когда въ кучу сихъ людей придетъ одинъ изъ тѣхъ, коихъ присутствіе мнѣ пріятно въ свободное время. Старковъ добрый малый, храбрый и, говорятъ, безкорыстный человѣкъ, но несносный говорунъ, и когда никто съ нимъ не говоритъ, то онъ читаетъ въ слухъ для себя. Вчера ввечеру я былъ на балѣ у Мадатова и ушелъ довольно рано оттуда, чтобы заняться нѣсколько ввечеру, ибо цѣлый день мнѣ не дали ничего дѣлать.

20-го. Я цѣлый день занимался какъ должно. Ввечеру, только что я отдѣлался и сбирался отдохнуть, какъ появилось ко мнѣ пропасть Татаръ и Армянъ, знакомыхъ и незнакомыхъ. Они всѣ пришли къ Старкову. Комната моя была набита биткомъ; я пробрался сквозь толпу, бѣжалъ изъ дому и провелъ вечеръ скитаясь по разнымъ домамъ; когда же мнѣ пришли сказать, что орда разошлась, что̀ уже было въ десятомъ часу вечера, я возвратился.

21-го. Вчерашній день пропалъ у меня почти по пустому: гости ничего дѣлать не давали, и мнѣ ни за что̀ нельзя будетъ порядочно приняться до отъѣзда Старкова, который можетъ быть еще долго у меня проживетъ. Вечеръ я провелъ у Попова, гдѣ былъ квартетъ. Бобарыкинъ отличался въ первой скрипкѣ.

22-го. Мнѣ навязали билетъ въ собраніе, и ввечеру я посѣтилъ оное на короткое время. Возвратясь домой довольно рано, я легъ спать и ночью былъ встревоженъ однимъ длиннымъ сномъ, который продолжался и не терялъ связи, не взирая на то, что я нѣсколько разъ просыпался.

23-го. Я былъ на званомъ обѣдѣ у Алексѣя Петровича, по случаю прибытія сюда Гуріяльскаго владѣльца, котораго угощали. Онъ генералъ-лейтенантъ нашей службы, имѣетъ Аннинскую и Владимирскую звѣзды и носитъ генеральское шитье, эполеты и ленту на парадномъ одѣяніи своемъ. Онъ высокаго роста, молодъ и хорошъ собой.

24-го я былъ на такомъ же званомъ обѣдѣ у старика Вельяминова, гдѣ находился тоже Гуріялъ. Ввечеру меня пилили разные скучни и очень долго. Я молчалъ, а гости все спорили между собой о преимуществѣ христіанской вѣры надъ магометанской. Не зная послѣдней, врали жестокимъ образомъ и приходили ко мнѣ судиться. Напо-

слѣдокъ кончилось тѣмъ, что Армянинъ утверждалъ, что Армянское евангеліе ближе всѣхъ переведено къ Еврейскому; а Старковъ, не понимая о чемъ тотъ говорилъ, вступился, какъ патріотъ отечества, и увѣрялъ, что Славянскій языкъ имѣетъ красоты преимущественныя красотамъ всѣхъ прочихъ языковъ. Бѣда моя прекратилась пріѣздомъ Воейкова; я оставилъ ихъ спорить и провелъ вечеръ съ нимъ въ пріятельскомъ разговорѣ до полуночи.

25-го. Провелъ вечеръ у Грибоѣдова. Нашелъ его перемѣнившимся противъ прежняго. Человѣкъ сей очень уменъ и имѣетъ большія познанія.

26-го у Мадатова былъ балъ, который давалъ Алексѣй Петровичъ для Гуріяла. Я также долженъ былъ на ономъ находиться противъ воли своей. Всякій день отрываютъ меня отъ занятій и заставляютъ участвовать въ собраніяхъ, на которыхъ другіе веселятся.

22-го или 23-го числа выѣхалъ отсюда Петровичъ въ Дербентъ, получа отъ главнокомандующаго сто червонцевъ въ подарокъ.

27-го. Былъ у меня поутру губернаторъ и приглашалъ меня къ сегодняшнему дню на обѣдъ. У меня обѣдалъ Базилевичъ. Ввечеру я бѣжалъ изъ дому и былъ между прочимъ у губернатора.

28-го я обѣдалъ у губернатора. Гуріялъ нашъ много хлопотъ надѣлалъ; его всѣ кормятъ въ ожиданіи войны съ Турками, и мы должны быть выставлены ему на всѣхъ сихъ обѣдахъ.

29-го. День мой пропалъ даромъ. Ввечеру былъ маскарадъ въ собраніи, но я постыдился тамъ быть.

30-го я сидѣлъ поутру и занимался, какъ вдругъ раздался ужасный трескъ, который, увеличиваясь, кончился сильнымъ ударомъ въ стѣну, отъ котораго всѣ окна и шкафы въ моей комнатѣ загремѣли. Я выбѣжалъ посмотрѣть и нашелъ большой камень, который спущенъ былъ съ самой высоты горы, находящейся за моимъ домомъ, рабочими солдатами, которые ломаютъ, какъ говорятъ, крѣпостную стѣну. Камень, ударившись объ стѣну, разбился пополамъ и на лету своемъ едва не задѣлъ хозяйскаго сына, игравшаго въ то время на дворѣ. Я тотчасъ написалъ коменданту, прося его, чтобы онъ приказалъ рабочимъ бросать камни по ту сторону горы, если они въ томъ находятъ удовольствіе. Ввечеру я былъ отозванъ на свадьбу одного гражданина Тифлисскаго, но, не дождавшись прибытія невѣсты, возвратился домой.

31-го Января ввечеру Старковъ уѣхалъ отъ меня.

1-го Февраля. Бумаги мои и описанія окончены, только еще не совсѣмъ на бѣло; чертежи болѣе всего требуютъ просмотра.

2-го. Пришелъ ко мнѣ обѣдать Грибоѣдовъ; послѣ обѣда мы сѣли

заниматься и просидѣли до половины одиннадцатаго часа: я училъ его по-турецки, а онъ меня по-персидски. Успѣхи, которые онъ сдѣлалъ въ Персидскомъ языкѣ, учась одинъ, безъ помощи книгъ, которыхъ у него тогда не было. Онъ въ точности знаетъ языкъ Персидскій и занимается теперь Арабскимъ. Я нашелъ его очень перемѣнившимся, и онъ очень понравился вчера. Онъ мнѣ разсказывалъ, между прочимъ, обращеніе Мазаровича [1]) въ Персіи и какимъ онъ образомъ роняетъ честь своего званія, а слѣдственно и Государя, своимъ поведеніемъ въ Персіи. Когда получены были бумаги изъ Петербурга, которыми извѣщали Персидскій дворъ, что Турки своимъ поведеніемъ навлекаютъ на себя гнѣвъ Государя и сами задираютъ насъ къ войнѣ, надобно было объяснить Абазъ-Мирзѣ, что Государь желаетъ дать знать всѣмъ народамъ, что не страсть къ завоеваніямъ его къ сему понуждаетъ, но единственно неправильные поступки Турокъ противъ него. Грибоѣдовъ ходилъ къ Абазъ-мирзѣ и объяснилъ ему сіе, говоря, что Государь не требуетъ союзниковъ, но даетъ только ему знать о семъ. Абазъ-мирза, обрадованный симъ случаемъ, обѣщался выставить 50 тыс. воиновъ и идти на Турокъ, что̀ онъ и сдѣлалъ. На другой день Мазаровичъ, увидѣвшись съ нимъ въ саду, сталъ ему о томъ же говорить; но вмѣсто того чтобы соблюсти благопристойность, онъ просилъ Абазъ-Мирзу быть союзникомъ нашимъ, и въ знакъ благодарности, когда тотъ объявилъ свое согласіе, схватилъ у него руку и поцѣловалъ ее. Вотъ поступокъ достойный иностранца, наемщика въ нашей службѣ!

3-го. Грибоѣдовъ приходилъ ко мнѣ поутру, и мы занимались съ нимъ до пяти часовъ вечера. Вчера я получилъ письмо отъ Н. Н. Шереметевой, которымъ она извѣщаетъ меня о новорожденномъ сынѣ Леонидѣ у брата моего Михайлы. Она также обѣщается ходатайствовать о Сергѣѣ, чтобы его на волю выпустили [2]).

5-го. Я провелъ часть дня у Грибоѣдова, занимаясь восточными языками. Ввечеру явились ко мнѣ два деньщика, которыхъ Верховскій для меня вытребовалъ изъ приходящихъ сюда рекрутскихъ партій.

6-го. Былъ день происшествій. Я узналъ поутру, что Рюминъ пріѣхалъ, ждалъ его къ себѣ; но онъ не приходилъ. Воейковъ былъ у меня и, заставши у меня Грибоѣдова, сказалъ мнѣ въ другой комнатѣ, что еслибъ я одну вещь зналъ, то бы она меня очень разсердила. Я просилъ у него объясненія; онъ не хотѣлъ объясниться, наконецъ онъ

---

[1]) Дѣятельность Мазаровича мало намъ извѣстна. Вышелъ въ люди, вѣроятно, въ управленіе Министерствомъ Ин. Дѣлъ князя Чарторыжскаго. П. Б.

[2]) Т.-е. изъ крѣпостной зависимости. П. Б.

ушелъ. Въ обѣдъ пришелъ ко мнѣ Катани и сказалъ, что Рюминъ еще поутру пошелъ изъ артилерійскаго дома ко мнѣ, взявъ съ собой чертежи свои; между тѣмъ Катани сказалъ, что онъ слышалъ, будто Рюминъ былъ у главнокомандующаго и у начальника штаба. Я примѣнилъ слова Воейкова къ сему случаю и, крѣпко разсердясь, готовился Рюмина арестовать при первой встрѣчѣ, ибо поступокъ сей служилъ продолженіемъ прежнихъ и означалъ прежнюю его склонность къ хвастовству и неповиновенію. Проступокъ его по службѣ былъ довольно важенъ. Я послалъ за Воейковымъ, чтобы переговорить съ нимъ о семъ случаѣ; между тѣмъ пошелъ послѣ обѣда къ Верховскому для сего самаго. Верховскій началъ рѣчь тѣмъ, что разсказалъ мнѣ свое происшествіе съ Гіертой, который таскалъ изъ чертежной карандаши и тушь и сталъ отвѣчать ему дурно, когда онъ просилъ его не трогать сихъ вещей. Верховскій принужденъ былъ его остановить угрозою, что онъ ему покажетъ свои права. Случай сей разстроилъ Верховскаго. За симъ я ему разсказалъ Рюмина дѣло, и въ то самое время пришелъ ко мнѣ человѣкъ съ извѣстіемъ, что Рюминъ явился ко мнѣ и дожидается съ чертежами. Я просилъ Верховскаго быть свидѣтелемъ моего поступка съ Рюминымъ, и онъ пришелъ ко мнѣ. Рюмина работа была очень хороша. Я поблагодарилъ его; а между тѣмъ, узнавши, что онъ былъ у главнокомандующаго и у начальника штаба и показывалъ имъ свою работу, я побранилъ его какъ должно и отпустилъ. Пришелъ Бобарыкинъ, а за нимъ Воейковъ; я просилъ ихъ изъяснить мнѣ, въ чемъ состояли слова, сказанныя Воейковымъ поутру, полагая, что тутъ касается нѣчто до Грибоѣдова. Послѣ долгихъ отговорокъ Бобарыкинъ сказалъ мнѣ, что наканунѣ Грибоѣдовъ изъяснялся у Алексѣя Петровича Петру Николаевичу насмѣшливо на счетъ нашихъ занятій въ восточныхъ языкахъ, понося мои способности и возвышая свои самыми невыгодными выраженіями на мой счетъ. Меня сіе крѣпко огорчило. Необходимо должно было имѣть поединокъ, чтобы остановить Грибоѣдова, что было весьма непріятно. Я пошелъ къ Воейкову, гдѣ нашелъ Бобарыкина, объяснилъ имъ, сколько происшествіе сіе было непріятно для меня, пославъ вслѣдъ за симъ къ Грибоѣдову книгу его и велѣвъ потребовать мои назадъ; и то было въ мигъ исполнено. Вскорѣ за симъ явился ко мнѣ Грибоѣдовъ, дабы я ему объяснилъ причины, понудившія меня къ сему поступку. Я ему объяснилъ ихъ и назвалъ свидѣтелей. Мы напали всѣ на него и представляли ему его неосторожность. Онъ извинился передо мною и просилъ, чтобы я забылъ сіе; но Бобарыкинъ, имѣя старыя причины на него сѣтовать, продолжалъ спорить съ нимъ. Сіе подало поводъ къ колкостямъ съ обѣихъ сторонъ. Бобарыкинъ сознавался, что онъ

не долженъ былъ мнѣ передавать этихъ словъ, не объяснившись сперва съ Грибоѣдовымъ, но сказалъ, что уваженіе его и преданность ко мнѣ понудили къ сему. Въ самое это время Грибоѣдовъ вскочилъ и ушелъ.

Мое дѣло было поправлено, но Бобарыкинъ и Воейковъ оставались на дурномъ счету въ глазахъ Грибоѣдова. Я намѣревался и теперь намѣреваюсь пресѣчь понемногу знакомство съ нимъ; но тутъ я долженъ былъ примириться съ нимъ и принять его извиненія, и потому я отправился съ Бобарыкинымъ къ нему и примирился съ тѣмъ условіемъ однакожъ, чтобы 1) Грибоѣдовъ не смѣлъ послѣ разносить сего и 2) чтобы онъ впередъ былъ осторожнѣе въ своихъ рѣчахъ. Онъ охотно согласился на сіе и далъ честное слово, что впередъ будетъ осторожнѣе и нигдѣ не разгласитъ сего дѣла. Я отдалъ ему книги и обѣщался заниматься по прежнему съ нимъ. Бобарыкинъ извинился въ томъ, что онъ мнѣ сказалъ сіе, а Грибоѣдовъ въ томъ, что прежде подалъ ему поводъ неудовольствія на себя своими неосторожными шутками. И мы такъ разстались. Передъ отходомъ, Грибоѣдовъ далъ мнѣ письмо, которое онъ хотѣлъ послать къ Петру Николаевичу, которымъ онъ просилъ его помирить его со мною. Я сжегъ сіе письмо и пошелъ къ Воейкову, куда вскорѣ и Грибоѣдовъ пришелъ и просидѣлъ съ нами до 11-ти часовъ вечера. Я возвращался съ Бобарыкинымъ домой съ двумя фонарями, какъ встрѣтился намъ Газанъ съ третьимъ фонаремъ. Мы зашли къ нему, и онъ разсказалъ намъ слѣдующее происшествіе, случившееся съ нимъ.

Здѣсь есть гражданскій чиновникъ Похвисневъ, привезенный недавно Алексѣемъ Петровичемъ. Онъ бралъ книги у Газана. Газану онѣ были нужны, и онъ отправился за ними къ Похвисневу, не нашелъ его дома и сталъ рыться въ книгахъ его, чтобы свои отыскать. Человѣкъ Похвиснева не давалъ ему сего дѣлать; но какъ скоро онъ увидѣлъ, что Газанъ насильно хотѣлъ сіе дѣлать, онъ вышелъ и заперъ его въ комнатѣ. Сколько Газанъ ни просилъ его отпереть двери и выпустить его, человѣкъ не дѣлалъ сего. Газанъ выломалъ пинькомъ дверь и вышелъ.

За симъ я пошелъ домой и легъ спать, вспомнивъ, что нѣсколько разъ въ жизни мнѣ случалось имѣть дни, преисполненные происшествіями, непріятностями, и былъ радъ, что тѣ, которыя до меня касались, такъ хорошо кончились.

7-го. Поутру былъ у меня Миллеръ; ввечеру я къ нему зашелъ, и онъ толковалъ мнѣ новую систему Ганемана, по которой лечатъ болѣзни самой меньшей долею капли лекарства, и лекарства не должны быть противудѣйствующія болѣзни, но которыя бы могли произвести ее какъ человѣкъ находится въ здоровомъ состояніи. Ввечеру былъ у

Алексѣя Петровича; онъ поговорилъ со мною нѣсколько о дѣлахъ Туркменскихъ и Хивинскихъ и, сколько я могъ замѣтить, видно, что настоящей цѣли никакой не имѣется, а кажется, что обѣщалъ Государю много выгодъ отъ предполагаемаго заведенія.

10-го. Я былъ почти цѣлый день дома и занимался. Я писалъ къ Грибоѣдову записку, въ которой я объяснялъ ему, что занятія мои по службѣ не позволяютъ мнѣ больше продолжать занятія наши въ восточныхъ языкахъ и что въ Субботу долженъ у насъ послѣдній урокъ быть. Ввечеру поздно онъ ко мнѣ пришелъ и просидѣлъ до полночи. Образованіе и умъ его необыкновенны.

Третьяго дни выступилъ отсюда батальонъ Грузинскаго гренадерскаго полка. Весь полкъ идетъ въ походъ въ Чары и Бѣлоканы къ Лезгинамъ, для собранія подати, которую они не выплачиваютъ. Отрядъ сей идетъ по тому случаю, что князь Эристовъ посылалъ недавно къ нимъ людей для востребованія сей подати; надъ ними ругались и ихъ прибили. Съ отрядомъ изъ нашихъ офицеровъ идутъ оба Коцебу и Князевъ.

14-го. Я пробылъ весь день дома. Ввечеру навѣстилъ меня Розаліонъ-Сашальскій; онъ служилъ прежде въ Петербургѣ въ статистическомъ отдѣленіи у министра полиціи и занималъ меня разговоромъ о статистическомъ положеніи Россіи, которую совершенно знаетъ.

15-го. Ввечеру Алексѣй Петровичъ потребовалъ меня въ восемь часовъ. Я немного опоздалъ, потому что меня поздно повѣстили; но онъ не былъ въ расположеніи слушать чтенія моихъ бумагъ: посмотрѣвъ чертежи мои, судилъ о странахъ имъ невидѣнныхъ неосновательно, и заключилъ тѣмъ, что приказалъ мнѣ на другой день опять придти. Кажется, что онъ многое обѣщалъ Государю и хочетъ доказать истину сказаннаго имъ, и для того силится открыть сношенія съ Хивою по непроходимой дорогѣ, тогда какъ сношенія сіи издревле существуютъ по весьма хорошей дорогѣ въ Оренбургъ. Онъ приказалъ призвать къ себѣ и поговорить съ двумя Хивинцами, захваченными Киргизами и представленными Эссену, Оренбургскому губернатору, которыхъ онъ къ себѣ выпросилъ, дабы отослать ихъ съ письмомъ къ Магмедъ-Рагимъ-хану Хивинскому и увѣрить его въ дружелюбныхъ расположеніяхъ своихъ. Дружба сія была недавно разстроена убіеніемъ его племянника, на Сыръ-Дарьѣ, однимъ Киргизскимъ владѣльцемъ, провожавшимъ посольство Негри въ Бухарію, и разграбленіемъ нѣсколькихъ кочевьевъ его. Сверхъ того еще одинъ Хивинскій караванъ былъ истребленъ Киргизами въ глазахъ коменданта въ одной изъ пограничныхъ крѣпостей нашихъ на Оренбургской линіи, который не пустилъ ихъ укрыться въ наше укрѣпленіе. Кажется, что намѣреніе

Алексѣя Петровича состоитъ въ томъ, чтобы имѣть укрѣпленіе при впаденіи Аму-Дарьи въ Аральское море.

16-го. Поутру были у меня Хивинцы. Одинъ изъ нихъ называется Аманъ-бай, а другой Дайланъ. Одинъ изъ нихъ видѣлъ меня въ Хивѣ. Я распрашивалъ ихъ объ Аму-Дарьи; они говорили мнѣ, что рѣка сія перемѣнила свое теченіе триста лѣтъ тому назадъ, во время Арабъ-хана-Гаджи-Магомедъ-Санджара. Они ошибаются во времени. Они говорятъ, что прежнее теченіе было занесено песками, которые простираются на нѣсколько дней ѣзды, что Аральское море было прежде очень мало и что оно увеличилось со времени впаденія въ оное Аму-Дарьи; что море сіе при устьѣ рѣки прѣсное, но что далѣе оно соленое; что берега его очень вязки, имѣютъ большія отмели и почти не приступны посей причинѣ.—Ввечеру въ семь часовъ я пошелъ къ генералу и читалъ ему свои бумаги. Онъ, кажется, былъ ими доволенъ. Когда всѣ разошлись, я пришелъ къ нему опять, пробылъ у него довольно долго и успѣлъ во всемъ что̀ желалъ. Онъ согласился на всѣ награжденія, которыхъ я у него просилъ для подчиненныхъ своихъ. Для Кіата обѣщался отвести мѣсто въ Грузіи, гдѣ онъ можетъ покойно провести остатокъ жизни. Туркменскіе берега остаются безъ вниманія и признаются неудобными для устроенія на нихъ заведенія, а нынѣшній годъ пошлется одинъ морской офицеръ для обслѣдованія Карабагазскаго залива. Касательно себя я просилъ его, дабы онъ далъ мнѣ полкъ. Онъ охотно на сіе согласился и велѣлъ мнѣ подать ему письмо къ князю Волконскому, въ которомъ бы я просился изъ свиты. Онъ хотѣлъ вмѣстѣ съ симъ написать къ князю и просить его о томъ же.

Послѣ обѣда былъ у меня Базилевичъ; онъ звалъ меня въ бригадные командиры въ артилерію. Я не рѣшился на сіе и, казалось мнѣ, что командованіе полкомъ должно быть гораздо лестнѣе.

18-го. Я получилъ письмо отъ брата Михайлы, которымъ онъ извѣщаетъ меня о скоромъ окончаніи печатанія моего путешествія и что изданіе прекрасное. Онъ предлагаетъ мнѣ послать одинъ экземпляръ къ Волконскому, одинъ Государю и одинъ къ графу Аракчееву. О семъ я посовѣтуюсь съ Алексѣемъ Петровичемъ. Я цѣлый день былъ занятъ заготовленіемъ представленія о своихъ офицерахъ и о морскихъ, а послѣ того написалъ письмо къ князю Волконскому, которымъ просилъ его о переводѣ меня въ строевую службу и ввечеру повезъ бумаги свои къ Алексѣю Петровичу. Онъ показалъ мнѣ письмо его къ князю, которымъ онъ убѣдительно проситъ его о переводѣ меня въ строевую службу, говоря, что я ему необходимъ для командованія полкомъ.

Прилагаю копію съ письма моего къ князю Волконскому.

Обстоятельства заставляютъ меня безпокоить ваше сіятельство своею покорнѣйшею просьбою. Полагая, что она вамъ будетъ непріятна, я долго не рѣшался на сіе; но теперь нахожусь вынужденнымъ просить васъ, чтобы вы оказали мнѣ въ семъ случаѣ милость вашу. Я прошу васъ о переводѣ меня въ строевую службу. Причиною сего есть зрѣніе мое, которое пострадало въ нынѣшнюю поѣздку мою на восточные берега Каспійскаго моря. Проведши цѣлое лѣто на открытомъ воздухѣ, въ знойномъ климатѣ, среди глубокихъ песковъ, въ трудахъ и занятіяхъ, я почувствовалъ недугъ сей, коего причину полагаю въ песчаныхъ туманахъ, не рѣдко случающихся въ тѣхъ мѣстахъ при малѣйшемъ вѣтрѣ. Мелкая проникающая пыль засыпаетъ глаза до такой степени, что нѣсколько времени нельзя ничего видѣть. Зрѣніе мое ослабло отъ сего, и я съ трудомъ привожу къ концу чертежи съемокъ своихъ, которые надѣюсь отдѣлать черезъ мѣсяцъ. Я не стараюсь избѣжать трудовъ, сопряженныхъ со службою по квартирмейстерской части, тѣмъ болѣе, что они всегда были вознаграждены столь лестнымъ для меня вниманіемъ начальства; но вышеозначенная причина заставляетъ меня признаться, что я болѣе неспособенъ къ продолженію сего рода занятій. Не желая однако оставить службы, я пріискивалъ средства продолжать ее въ другомъ званіи. Мнѣ казалось, что всякій военный человѣкъ долженъ непремѣнно пройти черезъ состояніе строеваго офицера, и потому, избравъ сей родъ службы, я рѣшился безпокоить ваше сіятельство своею просьбою."

Я имѣлъ счастіе служить одиннадцать лѣтъ въ квартирмейстерской части подъ начальствомъ вашимъ. Пользуясь вашимъ благорасположеніемъ, не искалъ до сихъ поръ другаго рода службы и никогда бы не сталъ искать его, еслибъ не понуждало меня нынѣ къ сему слабое зрѣніе мое, не позволяющее мнѣ болѣе исполнять обязанности своей съ надлежащею точностью. Смѣю надѣяться, что ваше сіятельство уважите просьбу мою и не лишите меня вашихъ милостей.

19-го. Поутру Алексѣй Петровичъ потребовалъ меня, для того чтобы предложить мнѣ перейти въ артилерію бригаднымъ командиромъ. Я отвѣчалъ ему, что предоставляю судьбу свою на его волю и что не считаюсь слишкомъ счастливымъ тѣмъ однимъ, что выйду изъ его свиты. Онъ сказалъ мнѣ, что намѣренъ исполнить желаніе мое, и какъ мое желаніе было получить полкъ, то онъ обѣщался мнѣ полкъ дать, но велѣлъ мнѣ подумать и дать ему отвѣтъ ввечеру въ семь часовъ. Послѣ обѣда я ѣздилъ смотрѣть пробу, которую Алексѣй Петровичъ дѣлалъ изъ трехъ-фунтовыхъ орудій, которыя онъ хочетъ съ собою взять въ горы при отысканіи новой дороги нынѣшняго лѣта. Вельяминовъ 2-й совѣтовалъ мнѣ также перейти въ артилерію. Базилевичъ уговаривалъ меня весь вечеръ избрать артилерію, представляя мнѣ преимущество сей службы надъ прочими; но я не рѣшился на его предлоніе, а чрезвычайно совѣстно было отказать такому человѣку, когда онъ мнѣ такую честь дѣлалъ. Я легъ спать и думалъ долго, какимъ образомъ мнѣ надобно будетъ поступить на другой день, чтобы не обидѣть Базилевича и соблюсти свои выгоды по службѣ.

20-го. Поутру я поѣхалъ къ Алексѣю Петровичу. Онъ меня снова спросилъ, гдѣ мнѣ хотѣлось служить, въ полку или въ артилеріи. Я ему сказалъ, что мое желаніе есть полкъ имѣть, но что если онъ желаетъ, чтобы я былъ въ артилеріи, то я прошу его располагать мною

какъ ему угодно; что мнѣ будетъ сіе пріятно, что я слишкомъ счастливъ выйти изъ квартирмейстерской части, чтобы выбирать изъ такихъ двухъ лестныхъ мѣстъ, что я его прошу представить меня къ чему ему угодно, и что, по отправленіи курьера, я спрошу его, къ чему онъ меня представилъ. Сіе дѣло надобно сейчасъ рѣшить, сказалъ онъ.—Рѣшайте, отвѣчалъ я.—И такъ рѣшено, продолжалъ онъ.—Рѣшено, если вамъ угодно.—Ты будешь имѣть полкъ. Хотѣлось бы мнѣ тебѣ дать 7-й карабинерный; но Ладинскій не хочетъ понять (что я ему всякій день даю чувствовать), что ему пора убираться отсюда, потому что сей человѣкъ надѣлалъ преглупыхъ проступковъ; я не могу его тотчасъ выгнать, и ты будешь имѣть 41-й егерскій полкъ.

21-го. Я пробылъ дома, занимаясь; началъ между прочимъ сочинять для Алексѣя Петровича Татарскую граматику, о которой онъ просилъ меня.

24-го. Ввечеру я ходилъ смотрѣть Катани, который очень заболѣлъ и лежитъ въ госпиталѣ въ сильной горячкѣ.

26-го. Я писалъ письма къ князю Волконскому и къ князю Голицыну, при которыхъ братъ Михайло долженъ приложить по экземпляру моего путешествія и послать къ нимъ. Содержаніе моего письма къ князю Волконскому слѣдующее:

Прошу покорнѣйше ваше сіятельство принять приложенный при семъ экземпляръ книги подъ названіемъ Путешествія моего въ Хиву и Туркменію. Простите ошибки, которыя въ немъ находятся. Никакая книга не бываетъ безъ нихъ; въ путешествіяхъ онѣ чаще встрѣчаются, а особливо въ описаніяхъ странъ, въ первый разъ видѣнныхъ. Новость предмета, описаннаго въ сей книгѣ, закрываетъ отчасти погрѣшности ея, и другой путешественникъ, который дерзнулъ бы въ Хиву ѣхать, прочитавъ мою книгу, безъ сомнѣнія пріобрѣлъ бы свѣдѣнія о семъ краѣ обширнѣе тѣхъ, которыя я могъ представить; еслибъ онъ оттуда возвратился, записки его были бы гораздо занимательнѣе моихъ, потому что книги усовершенствуются повторенными наблюденіями надъ однимъ предметомъ. Послѣдняя поѣздка моя въ Туркменію доставила мнѣ случай замѣтить, что карта Балканскаго залива невѣрно означена въ атласѣ, приложенномъ къ моей книгѣ. Я тогда не снималъ сего залива, а только пополнялъ старинныя карты, которыя были несправедливы. Нынѣ же, обозрѣвъ весь заливъ, я представилъ начальству вѣрныя съемки онаго. Ваше сіятельство изволите увидѣть ихъ и разницу, которая существуетъ между новыми и старыми. Я бы желалъ издать новую карту свою при краткомъ описаніи видѣнныхъ мною мѣстъ, но не имѣю права на сіе, потому что оно было сдѣлано по приказанію начальства. Что же касается до прочихъ картъ и описаній, помѣщенныхъ въ моемъ путешествіи, я не имѣлъ случая увѣриться, чтобы въ нихъ были важныя погрѣшности. Намѣреніе мое было просить ваше сіятельство, дабы вы исходатайствовали у Государя Императора позволеніе мнѣ представить одинъ экземпляръ сей книги Его Величеству; но вышеупомянутая причина остановила меня, и я приступлю къ сему въ такомъ только случаѣ, если удастся мнѣ издать дополненіе. Ваше сіятельство удостоили вашимъ вниманіемъ труды мои 1819 года. Сіе самое подаетъ мнѣ надежду, что вы не откажитесь сдѣлать мнѣ честь принять сію книгу, какъ слабый знакъ особеннаго почтенія и совершенной преданности, съ которыми имѣю честь быть и пр.

Содержаніе письма моего къ князю Дмитрію Владимировичу Го-

лицыну, главнокомандующему въ Москвѣ, такого же содержанія, съ тою разностью, что оно гораздо сокращеннѣе.

27-го. Я ходилъ къ Алексѣю Петровичу и носилъ къ нему Турецкую граматику, которую я для него сочинилъ. Послѣ полдня я ходилъ къ Грибоѣдову, который былъ боленъ сіи дни. Онъ получилъ при мнѣ записку отъ одного Англичанина Мартина, который просилъ его прислать къ нему лекаря, потому что былъ боленъ, но онъ никакого языка кромѣ Англійскаго не зналъ. Мы искали средства, чтобы доставить ему переводчика и какъ другаго не было какъ мнѣ самому идти, то я написалъ записку къ Миллеру, которою я просилъ его придти къ нему, а самъ отправился. Сей несчастный пріѣхалъ изъ Калькуты въ Тавризъ для леченія, полагая, что холодный климатъ будетъ ему полезенъ. Изъ Тавриза онъ сюда прибылъ изъ любопытства и еще болѣе занемогъ; онъ принималъ множество меркурія и хины, которые разстроили его здоровье. Положеніе его заслуживаетъ состраданія.

1-го. Поутру умеръ Катани послѣ девятидневной сильной горячки. Всѣмъ было прискорбно слышать о его смерти. Передъ вечеромъ ходилъ я прогуливаться и зашелъ изъ любопытства на кожевенный заводъ купца Тамаджева, что́ на лѣвомъ берегу Куры, пониже Авлабара. Я засталъ самого хозяина, который показывалъ мнѣ все свое заведеніе; оно довольно хорошо устроено. Мастеръ у него Нѣмецъ, но работниковъ у него почти никого нѣтъ. Онъ ставитъ кожи въ здѣшній коммисаріатъ. Заводъ сей еще есть первый въ Грузіи.

2-го. Я пошелъ послѣ обѣда прогуливаться и встрѣтилъ Ховена; съ нимъ мы зашли посмотрѣть католическую церковь, а оттуда къ патерамъ, у которыхъ я еще въ первый разъ былъ. Патеръ Филипъ, старшій въ семъ монастырѣ, мнѣ очень понравился; онъ имѣетъ здѣсь доброе имя, какъ между Русскими, такъ и между жителями. Оттуда Ховенъ пришелъ ко мнѣ; собралось человѣкъ съ десять, и мы пили чай въ саду. Когда смерклось, я велѣлъ пускать ракеты и швермеры, которые остались у меня еще отъ Туркменской экспедиціи.

3-го. Я былъ занятъ цѣлый день разборкою промѣровъ, представленныхъ мнѣ морскими офицерами, въ которыхъ ужасная безтолковщина; наконецъ я разобралъ ихъ съ большимъ трудомъ, къ вечеру.

Я получилъ вчера письмо отъ батюшки и два изъ Парижа, одно отъ Маритона, а другое изъ дома торговаго Маритона и братьевъ, которымъ предлагаютъ мнѣ свои услуги, для доставленія какихъ угодно мнѣ будетъ вещей изъ Парижа. Ночью я имѣлъ сонъ изъ числа тѣхъ, которые, напоминая мнѣ потерянное мое счастье, оставляютъ во мнѣ впечатлѣніе печали.

5-го. Я былъ ввечеру у Алексѣя Петровича и представлялъ Якимъ-Магмеда, котораго онъ принялъ ласково, сказавъ, что онъ бы желалъ, чтобы у него бороды не было, а волоса отпущены. Онъ обѣщался вызвать отца его и поселить въ Ширванѣ и вчера повторялъ сіе же самое. Оттуда я ходилъ навѣстить Англичанина Мартина.

9-го. Я провелъ вечеръ у Алексѣя Петровича, гдѣ всякій разъ становится скучнѣе.

10-го. Я цѣлый день ничего не дѣлалъ. Собрался было къ Верховскимъ идти обѣдать къ Ивану Александровичу Вельяминову. Мы пришли немного рано и застали Гіерту, рисовавшаго портретъ Мазаровича; онъ уже сдѣлалъ здѣсь нѣсколько портретовъ масляными красками и довольно схоже, между прочими портреты Алексѣя Петровича и Ивана Александровича. Старикъ Вельяминовъ спалъ, когда мы пришли. Гіерта спросилъ у человѣка, скоро ли онъ его будить будетъ, и тотъ нагрубилъ ему жестокимъ образомъ. Сіе насъ такъ озадачило, что мы ушли и не приходили къ нему обѣдать, и я остался у Верховскаго. Послѣ обѣда приходилъ ко мнѣ Похвисневъ, молодой человѣкъ, привезенный сюда Алексѣемъ Петровичемъ и, кажется мнѣ, весьма порядочный; онъ показываетъ большую охоту къ занятіямъ и проситъ меня неотступно, чтобы я ему показалъ дорогу для пріобрѣтенія свѣдѣній о здѣшнемъ краѣ и изученія восточныхъ языковъ.

11-го. Я ходилъ послѣ обѣда прогуливаться и видѣлъ батальонъ Тифлисскаго полка, который вступилъ сюда для слѣдованія на военно-Грузинскую дорогу, гдѣ онъ смѣнитъ баталіонъ 7-го карабинернаго полка, идущій на линію.

12-го. Поутру я былъ у Алексѣя Петровича и у обѣдни. Со мною были два случая довольно непріятныхъ. Авенаріусъ, командиръ 41-го егерскаго полка, пріобрѣлъ уже давно въ Тифлисѣ дурное расположеніе своихъ знакомыхъ черезъ грубое обращеніе. Онъ имѣлъ непріятное происшествіе въ полку, былъ разруганъ однимъ офицеромъ и уличенъ всѣмъ обществомъ офицеровъ въ дурномъ обращеніи. Сіе самое понудило его проситься изъ Грузіи; его здѣсь никто не терпитъ, но покровительствуетъ ему И. А. Вельяминовъ. Авенаріуса хвалятъ въ томъ, что онъ умѣлъ содержать полкъ въ порядкѣ. Верховскій знакомъ съ нимъ и любитъ его. Мнѣ онъ никогда ни малѣйшаго неудовольствія не дѣлалъ, а только казался страннымъ. Боясь напрасно осудить человѣка и видя привязанность Верховскаго къ нему, я вчера подошелъ къ нему, говорилъ ему разныя лестныя вещи для него, стараясь симъ показать ему, что я не въ числѣ тѣхъ, которые его обвиняютъ безъ причины. Послѣ нѣсколькихъ учтивыхъ привѣтствій съ обѣихъ сторонъ, онъ обратился на мое служеніе и сказалъ

мнѣ, что я *добрѣю.* Слово сіе было сказано безъ намѣренія огорчить меня; но онъ не менѣе того зналъ выраженія учтивѣе для объясненія сего, а сказалъ сіе отъ того, что привыкъ всѣхъ считать своими близкими и равными и никогда не обращался въ хорошемъ обществѣ. Слово сіе задѣло меня; но, сомнѣваясь въ истинѣ своего предположенія, я сказалъ ему нѣсколько колкостей околичностями, которыхъ онъ не понялъ, и дабы увѣрить его въ грубости сего слова, я сыскалъ Жихарева и сказалъ ему, что онъ *добрѣетъ* и *толстѣетъ*, чтобы примѣтить, какъ онъ сіе первое слово приметъ. Жихаревъ слышалъ мой разговоръ съ Авенаріусомъ, догадался и засмѣялся. Я ему объявилъ свое намѣреніе и сказалъ, что слово сіе, казалось мнѣ, употребляется только, говоря о лошадяхъ. Жихаревъ старался увѣрить меня, что хотя оно неучтивое, но говорится также и о людяхъ. Я его послалъ справляться; онъ поговорилъ съ Чубаровымъ и воротился ко мнѣ съ тѣмъ же, сказавъ, что выраженіе сіе очень грубое. Я сыскалъ Авенаріуса и сказалъ ему, что онъ позволяетъ себѣ рѣчи грубыя, приличныя только мужикамъ и что если онъ въ лучшемъ кругу никогда не бывалъ, то бы лучше и не говорилъ; что такія выраженія могутъ ему навлечь большія непріятности и что я потому совѣтывалъ бы ему осторожнымъ. Онъ не умѣлъ отвѣчать мнѣ, замѣшался и ушелъ со стыдомъ. Вслѣдъ за симъ Сухановъ, человѣкъ, котораго я люблю и уважаю, узнавъ, что я постился на первыхъ недѣляхъ поста, назвалъ меня *святошею*: выраженіе также неприличное, хотя онъ сіе сдѣлалъ безъ всякаго дурнаго намѣренія. Послѣ обѣдни я его сыскалъ, отвелъ его въ сторону и сказалъ, что знакомство наше не такъ коротко, чтобы мы могли давать другъ другу наименованія, и что если онъ не находитъ мои рѣчи справедливыми и хочетъ продолжать такое обращеніе со мною, то онъ подвергается получить гораздо худшія названія. Сухановъ сдѣлалъ сіе отъ неосторожности и не догадывался, что сіе могло огорчить меня; онъ просилъ у меня извиненія и увѣрялъ, что не помышлялъ никогда нанести мнѣ малѣйшаго неудовольствія.

Сіи два случая заставили меня вчера много думать. Какія средства предстоятъ для того, чтобы избѣжать такого рода неудовольствія? И какъ должно себя вести, чтобы другіе были осторожнѣе? Мое поведеніе давно уже такого рода, что я не подавалъ никому повода къ сему, и слѣдственно причина сего заключается единственно въ свойствахъ другихъ, на которыя вліянія другаго имѣть не могу какъ то, которое я произведу, озадачивъ ихъ какимъ-нибудь смѣлымъ поступкомъ, и потому я не вижу настоящаго средства для избѣжанія сихъ неудовольствій. Я давно сбираюсь изложить такія происшествія на бумагѣ и сдѣлать общее заключеніе, изъ котораго я бы могъ себѣ

извлечь правила для поведенія и обращенія съ людьми. Недавно мнѣ Верховскій одно сказалъ, чтó меня крѣпко поразило; я записалъ его и буду твердо помнить: *Прощать нанесенныя обиды есть дѣло человѣческое, но забывать ихъ есть дѣло скотское* *).

Вчера послѣ обѣда я далъ первый урокъ Похвисневу Татарскаго языка; молодой человѣкъ сей мнѣ очень нравится.

13-го. Я былъ ввечеру у Алексѣя Петровича и выпросилъ у него должное награжденіе моему мирзѣ Магмедъ-Гуссейну, возвращеніе унт.-офицерскаго чина Никитину, разжалованному рядовому Бакинскаго гарнизона, и сукнà на платье Туркмену Якши-Магмеду, сыну Кіата.

15-го. Поутру заходилъ ко мнѣ Грибоѣдовъ съ Англичаниномъ Мартиномъ, который оправился отъ своей болѣзни и сбирается на дняхъ отсюда ѣхать. Послѣ обѣда я ходилъ съ Верховскимъ въ сады, которые на острову на Курѣ, ниже города, версты за три или за четыре отсюда. Я нашелъ прекрасный садъ, въ коемъ безчисленное множество аллей виноградныхъ; онъ очень обширенъ, и можно его назвать лабиринтомъ; ибо множестно крытыхъ дорожекъ и стѣнъ, раздѣляющихъ владѣльцевъ сего сада, дѣлаютъ его очень сложнымъ и кто въ первый разъ въ немъ, нескоро найдетъ въ немъ дорогу. Зелень мало-по-малу начинаетъ показываться. Лѣтомъ же на семъ острову вѣчная прохлада отъ тѣни старыхъ каштановыхъ деревьевъ и безчисленнаго множества водопроводовъ, орошающихъ сіе мѣсто. Если мнѣ доведется здѣсь лѣто прожить, то я намѣреваюсь избрать въ семъ саду хорошее мѣсто подъ тѣнью стараго каштановаго дерева, разбить тамъ свою палатку и укрываться отъ несносной жары, удушающей городскихъ жителей.

16-го. Я былъ позванъ Алексѣемъ Петровичемъ на обѣдъ, для того чтобы говорить съ Англичаниномъ Мартиномъ, который кромѣ своего и Персидскаго языка никакого не знаетъ.

17-го. Я получилъ по Россійской почтѣ посылку: напечатанную вторую часть моего путешествія въ Хиву. Гдѣ ни раскрывалъ я книгу, находилъ я множество ошибокъ, какъ опечатокъ, такъ и въ слогѣ, а чтó всего обиднѣе, много ошибокъ въ описаніи края. Я огорчился, пошелъ къ Верховскому и отдалъ ему книгу, прося его прочесть ее и сказать мнѣ свое сужденіе. Онъ обѣщался сдѣлать сіе, но посовѣтовалъ мнѣ отнести къ И. А. Вельяминову, который лучше всѣхъ въ состояніи сказать о ней основательное сужденіе. Во всякомъ случаѣ я намѣренъ написать о ней критику и послать ее для напечатанія

---

*) Чужою рукою приписано въ подлинной рукописи: „Забывать дѣло человѣческое, прощать—дѣло божественное".

въ журналъ. Со времени сочиненія сей книги, я во многомъ усовершенствовалъ свои свѣдѣнія о Востокѣ и вижу большія ошибки; но какая книга бываетъ совершенна, особливо та, которая касается столь новаго и никому неизвѣстнаго предмета?

19-го. Я провелъ часть дня у Грибоѣдова и обѣдалъ у него, занимаясь съ нимъ Турецкимъ языкомъ. Ввечеру я былъ у Алексѣя Петровича, а оттуда зашелъ къ Верховскому, который прочитывалъ вторую часть моей книги путешествія въ Хиву и Туркменію, и нашелъ его очень хорошимъ. Онъ увѣрялъ меня, что я изъ личнаго предубѣжденія противъ себя находилъ ее дурною.

20-го. Послѣ полдня я пошелъ къ Верховскому, и вмѣстѣ пошли въ сады, расположились въ уединенномъ мѣстѣ и принялись за чтеніе моей книги. Я не нашелъ ея такъ дурною, какъ она мнѣ сначала показалась. Ввечеру я былъ у Бобарыкина, гдѣ играли квартетъ.

21-го. Послѣ обѣда я пошелъ съ Верховскимъ на гору, что̀ за моей квартирой, и перелѣзли чрезъ стѣну разваленной крѣпости, спустились въ ущелье, гдѣ расположились читать мою книгу. Оттуда я прошелъ къ Якши-Магмеду. Онъ вчера взялъ первый урокъ ариѳметики отъ одного здѣшняго князя Аргутинскаго, молодаго человѣка, который учителемъ географіи въ училищѣ. Вечеръ я провелъ у Дубкевича, гдѣ былъ квартетъ.

22-го. Я обѣдалъ у губернатора, оттуда пошелъ съ Верховскимъ прогуливаться. Пришедши на рѣку Куру, мы начали подниматься по ней вверхъ и остановились въ одномъ прекрасномъ саду, гдѣ расположились и начали чтеніе моей книги. При захожденіи солнца возвращаясь, мы зашли къ Базилевичу, который оправляется отъ посѣтившей его жестокой и опасной болѣзни. Послѣ пошли мы въ баню, откуда воротились домой въ 11-мъ часу вечера, будучи очень довольны своимъ днемъ.

23-го. Я кончилъ съ Верховскимъ чтеніе своей книги и нашелъ большіе недостатки и ошибки въ ней, особливо въ послѣдней главѣ. Дабы узнать, какое впечатлѣніе книга моя можетъ сдѣлать на другихъ, я объявилъ ввечеру И. А. Вельяминову о ней и просилъ его, не угодно ли будетъ ему ее просмотрѣть. Онъ сказалъ, что очень желаетъ сего, и потому я сегодня отнесу къ нему книгу и буду просить его, чтобы онъ отмѣтилъ въ ней карандашомъ то, что̀ ему нехорошо покажется. Ввечеру я былъ у Алексѣя Петровича, гдѣ узналъ, что поступило вчера донесеніе отъ Бакинскаго коменданта, которымъ извѣщаютъ, что одно казенное судно разбито около Бѣлаго Бугра и что Туркмены захватили 1400 четвертей хлѣба, которыя на немъ были, матросовъ и одного штурмана офицерскаго чина.

24-го. Братъ Михайло зоветъ меня въ Россію, дабы приняться за изданіе прочихъ записокъ моихъ, обѣщаясь мнѣ, что черезъ сіе я могу себѣ сдѣлать состояніе. Онъ хочетъ дать перевести книгу мою на Французскій, Нѣмецкій и Англійскій языки. Если такимъ образомъ, то дѣло другаго рода; но не полагаю, чтобы онъ могъ воспользоваться выгодами отъ Русскаго изданія, которыя обѣщаны бѣднымъ.

25-го. Я писалъ поутру къ брату Михайлѣ о своемъ намѣреніи сдѣлать дополненія къ моей книгѣ и просилъ, чтобъ онъ увѣдомилъ меня, въ состояніи ли онъ приняться за нее.

26-го. Пріѣхалъ сюда Самойловъ. Онъ тотъ же отличный человѣкъ, каковъ прежде былъ, и соединяетъ въ себѣ всѣ качества нравственныя и чувственныя. Ввечеру я былъ у Алексѣя Петровича, который объявилъ мнѣ самъ о сожженомъ Туркменами суднѣ и захваченныхъ въ плѣнъ штурманѣ 12 класса и 9 матросахъ. Онъ приказалъ мнѣ написать письмо къ Кіату, дабы онъ выручилъ сихъ людей, и самъ хочетъ писать къ нему и послать казенное судно къ восточнымъ берегамъ моря. Я не сомнѣваюсь почти въ томъ, что Кіатъ уже людей сихъ у себя держитъ и ожидаетъ только случая для доставленія ихъ къ намъ, и можетъ быть обстоятельство сіе доставитъ ему счастье.

28-го. Я отдалъ письмо свое къ Кіату Алексѣю Петровичу, приложивъ при немъ письмо отъ Якши-Магмеда и письмо отъ отца моего, который передъ вторымъ отъѣздомъ моимъ въ Туркменію писалъ къ Кіату, прося его быть мнѣ помощникомъ и ревностнымъ содѣйствователемъ въ трудахъ. Я же получилъ сіе письмо уже по возвращеніи моемъ съ восточныхъ береговъ моря.

31-го Марта провели у меня вечеръ Грибоѣдовъ и Кюхельбекеръ; первый былъ такъ любезенъ вчера, что можно бы почти забыть его свойства. Поздно ввечеру я былъ у Алексѣя Петровича. Пріѣхалъ фельдъегерь, который привезъ извѣстіе о разныхъ производствахъ въ корпусѣ, между прочимъ и коменданта Грабарача въ подполковники.

1-го Апрѣля поѣхалъ поутру Алексѣй Петровичъ съ начальникомъ штаба и Мадатовымъ въ Мухровани къ П. Н. Ермолову въ полкъ. Ввечеру и я поѣхалъ. Дождь мочилъ меня до самой ночи, и я остановился ночевать на Марковскомъ казачьемъ посту. Всѣ бумаги и чертежи мои по дѣламъ Туркменскимъ были совершенно кончены передъ отъѣздомъ моимъ изъ Тифлиса.

2-го Апрѣля, въ самый день Воскресенія Христова, я пріѣхалъ на Мухровани и остановился въ домѣ графа Симонича. До вчерашняго дня я провелъ время свое на Мухровани въ совершенной безпечности и въ отдыхѣ: ѣли, пили, спали, веселились, всякій какъ зналъ,

не думая ни о службѣ, ни о занятіи, и я былъ очень радъ отдохнуть такимъ образомъ отъ трудовъ и заботъ, занимавшихъ меня такъ долго. Но бездѣйствіе сіе начало мнѣ надоѣдать, и вчера я выѣхалъ оттуда и пріѣхалъ передъ вечеромъ въ Тифлисъ.

Я ходилъ къ И. А. Вельяминову и показывалъ ему рисунки къ моей книгѣ, присланные при одномъ экземплярѣ. Онъ возвратилъ мнѣ вторую часть, которую онъ прочелъ, хвалилъ ее очень и отмѣтилъ въ ней всѣ ошибки карандашомъ, но нашелъ только опечатки.

7-го. Обѣдалъ у меня Верховскій. Я цѣлый день пробылъ дома, не дѣлая ничего, а только принимая множество гостей, которые попеременно цѣлый день меня сдавали на руки другъ другу. Кажется, что свобода, которую я пріобрѣлъ трудами и терпѣніемъ своимъ, окончивъ предстоявшія мнѣ работы, обратилась въ пользу другихъ, а не мою; или они полагаютъ меня счастливымъ принимать и слушать всякаго изъ нихъ со вниманіемъ?

9-го Вечеръ провелъ у меня Устимовичъ, вновь пріѣхавшій съ Алексѣемъ Петровичемъ, чиновникъ и родственникъ Якубовича; я съ нимъ недавно познакомился, и онъ мнѣ начинаетъ нравиться.

12-го я ходилъ поутру къ Алексѣю Петровичу и носилъ ему свои описанія и чертежи. Онъ занялся съ полчаса со мною, взялъ бумаги и хотѣлъ еще поговорить, но когда, Богъ знаетъ. Онъ такъ занятъ сонмищемъ людей, наполняющихъ почти съ утра до вечера комнату его, безъ всякаго дѣла, единственно съ цѣлью играть въ карты и соваться ему на глаза, что мало занимается дѣломъ. Я ему опять напоминалъ о представленныхъ мною разжалованныхъ унт.-офицерахъ и другихъ мелочныхъ награжденіяхъ, которыя онъ обѣщался сдѣлать.

Ввечеру былъ у меня Высоцкій, приставъ Ширванскій; онъ теперь въ опалѣ. Вина его, кажется, въ томъ состоитъ, что онъ по приказанію Вельяминова изслѣдовалъ дѣло о выводѣ Мадатовымъ 300 семействъ изъ Карабага въ Ширванъ, которыя онъ назвалъ своими. Высоцкій всячески старался отдѣлаться отъ сего порученія, видя, что онъ долженъ быть отъ того пострадавшимъ. Онъ писалъ къ Вельяминову еще лѣтомъ въ отвѣтъ на предписаніе его письмомъ, прося его уволить отъ сего дѣла; нынѣ же очерненъ въ глазахъ начальства Мадатовымъ, лишается мѣста и потерялъ всю довѣренность Алексѣя Петровича. Человѣкъ сей, извѣстный своимъ безкорыстіемъ, скромностью и честностью, уже болѣе мѣсяца здѣсь живетъ. Алексѣй Петровичъ хотѣлъ говорить съ нимъ и до сихъ поръ не принялся еще за сіе дѣло. Я совѣтовалъ ему сходить къ Ивану Александровичу, любящему правду, и объясняться съ нимъ, по крайней мѣрѣ узнать въ чемъ его винятъ и представить ему предписаніе его, напомнить о

письмѣ своемъ, какимъ онъ образомъ старался избѣжать сего поученія, предвидя неудовольствія, которыхъ онъ миновать не могъ.

15-го поутру Алексѣй Петровичъ послалъ за мною и велѣлъ мнѣ быть готовымъ къ отъѣзду. Онъ меня назначилъ въ Тарки начальствовать надъ двумя баталіонами, окончить строеніе крѣпости и наблюдать за жителями. Онъ хотѣлъ мнѣ объяснить, въ чемъ состоитъ моя порученность черезъ нѣсколько дней. Ввечеру я началъ укладываться къ отъѣзду.

16-го я ходилъ ввечеру въ собраніе и узналъ тамъ отъ Грибоѣдова происшествіе, недавно случившееся между Кюхельбекеромъ и Похвисневымъ. На дняхъ они поссорились у Алексѣя Петровича, и какъ Похвисневъ не соглашался выйти съ нимъ на поединокъ, то онъ ему далъ двѣ пощечины. Алексѣй Петровичъ, узнавши о семъ, очень сердился, сказавъ, что Кюхельбекера непремѣнно отправитъ отсюда въ Россію, а между тѣмъ велѣлъ, чтобы они подрались. У Похвиснева назначенъ секундантомъ Павловъ, а Кюхельбекеръ послалъ на Гомборы по сему предмету за артилерійскимъ шт. капитаномъ Листомъ, съ которымъ онъ очень друженъ.

17-го я обѣдалъ у Ивана Александровича и ввелъ его въ разговоръ о разныхъ злоупотребленіяхъ здѣсь дѣлающихся. Онъ безщадно истреблялъ Ладинскаго, называя его почти преступникомъ и удивляясь, что до сихъ поръ еще Алексѣй Петровичъ, зная его поступки, терпитъ его въ службѣ. Я перевелъ разговоръ на счетъ Высоцкаго, котораго онъ тоже крѣпко обвиняетъ въ грабежахъ. Зная правдивость стараго Вельяминова, я началъ перемѣнять мысли свои на счетъ сего человѣка; но меня еще болѣе увѣрилъ въ семъ слѣдующій случай. Я пошелъ послѣ обѣда къ Базилевичу и по дорогѣ зашелъ къ Мадатову, который съ большимъ безпокойствомъ началъ говорить о Высоцкомъ, разсказывалъ его поступки, оправдывая свои, что мнѣ показалось очень удивительно. Видно, что и онъ замѣшанъ въ семъ дѣлѣ. Поговоривъ такимъ образомъ съ часъ, онъ вдругъ объявилъ мнѣ, что Высоцкій разсказывалъ, что я ему совѣтовалъ написать письмо къ Алексѣю Петровичу. Меня очень удивилъ сей поступокъ со стороны Высоцкаго: онъ былъ у меня на единѣ и, жалуясь на свое положеніе, просилъ совѣта, говоря, что онъ намѣренъ писать къ Алексѣю Петровичу; я сказалъ ему, что онъ, Ермоловъ, не любитъ писемъ, и что если онъ рѣшился сіе сдѣлать, то долженъ прежде развѣдать, въ чемъ его обвиняютъ, а потомъ писать, если онъ невиненъ, и потому если, какъ онъ говорилъ, Иванъ Александровичъ къ нему хорошо расположенъ, то онъ долженъ сперва у него спросить, въ чемъ его обвиняютъ. Сіе сказать ему былъ долгъ мой, а онъ разгласилъ сіе, ска-

завъ, что я ему совѣтовалъ писать письмо. Я объяснилъ Мадатову дѣло и сказалъ наконецъ, что если онъ не намѣренъ былъ сему вѣрить, то мнѣ никакого дѣла до сего не было; потому что я не менѣе того правъ останусь, и ушелъ къ Базилевичу, гдѣ провелъ съ большимъ удовольствіемъ время до вечера. Оттуда я ходилъ къ Алексѣю Вельяминову, у котораго Алексѣй Петровичъ приказалъ мнѣ получить изустное наставленіе для руководства моего въ командываніи въ Таркахъ. Главнокомандующій, какъ я догадывался изъ словъ его, старался увѣрить меня, что порученіе сіе гораздо лестнѣе того, что̀ оно въ самомъ дѣлѣ есть. Я, кажется, буду просто наблюдать за строеніями. Я узналъ отъ него также, что представленія мои еще не пошли, а пойдутъ теперь вскорѣ, съ первымъ фельдъегеремъ; что меня еще не представили къ званію полковаго командира, потому что вакантныхъ полковъ еще нѣтъ и, кажется мнѣ, что сіе случится не прежде осени. Впрочемъ я буду доволенъ провести лѣто въ Таркахъ и начальствовать двумя баталіонами, которые тамъ будутъ находиться.

19-го я обѣдалъ у губернатора, гдѣ слышалъ отъ него самые неприличные отзывы объ Вельяминовѣ. Ермоловъ послѣ обѣда пріѣхалъ ко мнѣ и разсказалъ мнѣ дѣло Похвиснева съ Кюхельбекеромъ. Грибоѣдовъ причиною всего, и Кюхельбекеръ дѣйствовалъ по его совѣтамъ. Мнѣ сказалъ Ермоловъ, что Алексѣй Петровичъ имѣетъ тайное приказаніе извести Кюхельбекера; не взирая на то, кажется, что слабость его допуститъ послѣдняго до того же состоянія, въ которомъ онъ прежде былъ принятъ у него въ домѣ.

Я получилъ вчера письмо отъ Юрьева, которымъ онъ извѣщаетъ меня, что два судна были разбиты около Карабугазскаго залива и были сожжены Туркменами, что изъ захваченныхъ людей Кіатъ выручилъ трехъ. Ввечеру вчера пріѣхалъ сюда братъ Ермолова, служащій прапорщикомъ въ гвардейскомъ генеральномъ штабѣ.

20-го. Кюхельбекеръ стрѣлялся съ Похвисневымъ; одинъ далъ промахъ, у другаго пистолетъ осѣкся, и тѣмъ дѣло кончилось.

29-го ввечеру я былъ у Алексѣя Петровича, который объявилъ нерадостную вѣсть. Онъ показалъ мнѣ письмо отъ князя Волконскаго, который ему пишетъ, что онъ уже не смѣлъ докладывать Государю о даніи мнѣ полка послѣ того отвѣта, который онъ получилъ отъ Государя на счетъ Верховскаго, что его должно сперва перевести къ старшему въ полкъ, дабы онъ обучился фронтовой службѣ, а послѣ того уже поручить ему полкъ.

30-го Апрѣля поутру рано я былъ у Алексѣя Петровича и просилъ его перевести меня въ какой нибудь полкъ до времени, пока я

буду въ Таркахъ, дабы къ возвращенію моему оттуда получить полкъ. Онъ съ удовольствіемъ обѣщался сдѣлать сіе.

2-го Ермоловъ сбирался выѣхать, но отложилъ отъѣздъ свой до 3-го числа. Я ходилъ къ нему спрашивать, въ какой онъ меня полкъ представилъ, и онъ сказалъ мнѣ, что въ Грузинскій, откуда я уже буду переведенъ командиромъ 7-го карабинернаго полка.

3-го. Я получилъ неудовольствіе отъ Воейкова, которое меня сильно огорчило. Наканунѣ я сторговалъ за 15 червонцевъ саблю; на другой день, когда я послалъ за нее деньги, я узналъ, что она уже была продана Воейкову за 16 червонцевъ. Я увидѣлся съ Воейковымъ. Онъ купилъ ее, не знавъ, что она уже моя была, и я просилъ его уступить ее мнѣ, тѣмъ болѣе что у него ихъ двѣ было, а у меня ни одной не было. Онъ мнѣ отвѣчалъ довольно грубо, что сабля эта его, что онъ ее купилъ и что онъ знать не хочетъ о томъ, что я ее сторговалъ.

4-го въ 9 часовъ утра Ермоловъ уѣхалъ. Грибоѣдовъ, проводивъ его, пріѣхалъ ко мнѣ обѣдать.

5-го, ко мнѣ явился одинъ артилерійскій подпоручикъ Влахопуловъ, который назначенъ со мною въ Тарки для надзора за строеніями.

10-го я выѣхалъ и ночевалъ въ Душетѣ у маіора Дехтерева, Тифлисскаго пѣхотнаго полка.

14-го. Во Владикавказѣ. Со мною были артилеріи подпоручикъ Влахопуловъ; подпоручикъ Трубниковъ оставался въ Тифлисѣ и долженъ былъ меня на дорогѣ нагнать. Инженеръ-капитанъ Даниловъ отправился до меня впередъ и дожидался меня въ Моздокѣ.

Въ Ларсѣ я познакомился, наконецъ, съ капитаномъ піонернымъ Огаревымъ, котораго не могутъ миновать проѣзжіе; человѣкъ сей старается сдѣлать всякому пріятное и угодить.

16-го. Въ Елисаветинскомъ редутѣ я встрѣтился съ полковникомъ Фридрихсомъ, Московскаго гвардейскаго полка, который ѣдетъ путешественникомъ въ Грузію.

17-го. Подъѣзжая къ Александровскому редуту, лежащему по правому берегу рѣки Терека, мы видѣли въ лѣвой сторонѣ, въ верстѣ разстоянія отъ насъ, восемь человѣкъ конныхъ хищниковъ, которые скакали рядомъ съ нами, а иногда и къ намъ поворачивали, но не смѣли близко подойти; они версты четыре съ нами ѣхали, подъѣзжая же къ редуту, оставили насъ.

19-го. Ввечеру я прибылъ въ Кизляръ, гдѣ былъ въ туже минуту посѣщенъ начальникомъ таможни Кузьмою Алексѣевичемъ Исуповымъ,—человѣкъ извѣстный своимъ гостепріимствомъ, честностью и

охотою одолжать другихъ. Я остановился у Унгерштернберга и нашелъ въ немъ того же отличнаго человѣка, качествами души и ума, котораго всѣ товарищи по сему уважали. Я познакомился въ домѣ его, гдѣ былъ принятъ съ особенною ласкою.

22-го. Ввечеру нагналъ меня Трубниковъ. Я еще взялъ съ собою Мещерякова, Кизлярскаго казачьяго войска, въ переводчики и отправился въ путь, переправился черезъ Терекъ и прибылъ ночевать въ Лощуринскій карантинъ, гдѣ былъ принятъ тамошнимъ смотрителемъ Иваномъ Даниловичемъ Бабеновымъ, человѣкомъ добрымъ, стараго вѣка и получившимъ нѣкоторое образованіе.

23-го числа я продолжалъ путь свой обширною равниною до селенія Кази-юрта, принадлежащаго къ владѣніямъ Андреевской деревни; владѣтельный князь ея, Шефи, недавно умеръ. Я остановился ночевать у него въ домѣ. Въ Кази-юртѣ находится, на правомъ берегу рѣки Сулака, постъ, который содержитъ одна рота 43-го егерскаго полка.

24-го. Я переправился черезъ Сулакъ и прибылъ ночевать въ Енги-юртъ, селеніе принадлежащее къ владѣніямъ шамхала.

25-го. Я продолжалъ путь свой все тою же равниною и прибылъ на ночлегъ въ Тарки.

ДВА ВЕЧЕРА У ГРАФА Д. Н. БЛУДОВА.

Изъ воспоминаній В. А. Кокорева.

Въ началѣ царствованія Александра II, графъ Блудовъ былъ предсѣдателемъ Комитета Министровъ и Президентомъ Академіи Наукъ. Первое мое знакомство съ графомъ началось съ того, что онъ, услыхавъ отъ М. П. Погодина о рукописной моей статьѣ «Практическія Тропинки», пожелалъ, чтобы я пріѣхалъ къ нему прочесть эту статью. Въ статьѣ излагалось притязаніе горделивыхъ, властныхъ умовъ на составленіе для человѣческой жизни разныхъ узаконеній и правилъ безъ всякаго согласованія ихъ съ потребностями жизни; затѣмъ говорилось о томъ, какъ бѣдное человѣчество, поставленное въ необходимость пробивать себѣ практическія тропинки, чтобы обойти установленныя деспотическимъ умозрѣніемъ невыносимыя трудности, невольно прибѣгаетъ къ дѣйствіямъ обмана, подкупа, а иногда и прямаго непослушанія, конечно порождающаго жестокія кары. Въ статьѣ этой было указано множество примѣровъ, взятыхъ изъ самой жизни; и хотя статья была графомъ Блудовымъ одобрена, въ смыслѣ ея вѣрности и, такъ сказать, положила основаніе моего знакомства съ нимъ; но въ тоже время она признана невозможною къ напечатанію. Теперь, вѣроятно, эта невозможность не существуетъ; но за то самая статья у меня затерялась.

Послѣ «Практическихъ Тропинокъ», я написалъ статью «Вопросы и Пятна». Статья эта заключала въ себѣ рядъ тѣхъ вопросовъ, которые одинъ за другимъ, какъ-бы выталкиваемые силою какихъ-то незримыхъ обстоятельствъ, нарождаясь въ Россіи сами собой и будучи разрѣшаемы кое-какъ (лишь бы только отвязаться отъ нихъ) стали потомъ производить на Русской жизни лишайныя пятна, подобныя тѣмъ, какія являются на кожѣ человѣка при болѣзни, загнанной

внутрь организма. Далѣе слѣдовало повѣствованіе о томъ, что пятна эти, расплываясь и увеличиваясь, могутъ покрыть все тѣло и передѣлать внутреннее настроеніе Русскаго человѣка на иной ладъ, сообщить ему болѣзненную порчу во многомъ и отнять все то, что было въ немъ драгоцѣннаго и хорошаго. Графъ Д. Н. Блудовъ, прослушавъ эту статью, сказалъ: Ваши «Практическія Тропинки» я нашелъ нецензурными; но мое замѣчаніе нисколько васъ не исправило, потому что «Вопросы и Пятна» гораздо нецензурнѣе «Тропинокъ». Статья эта у меня также куда-то исчезла.

Послѣ чтенія означенныхъ статей прошло, можетъ быть, годъ или около того, какъ я получаю отъ графа Д. Н. Блудова записочку, въ которой сказано: «Прошу пріѣхать запросто вечеромъ на чашку чаю». Я поѣхалъ въ сюртукѣ и нашелъ у графа князя П. А. Вяземскаго, П. А. Плетнева, М. П. Погодина и еще двухъ-трехъ лицъ. Когда мы помѣстились около стола, графъ сказалъ мнѣ, что по сдѣланному между всѣми присутствующими въ засѣданіи соглашенію, они собрались для обсужденія вопроса о введеніи въ Русскомъ календарѣ Европейскаго исчисленія, дабы уничтожить 12-ти дневную разницу. Затѣмъ графъ прибавилъ, что, будучи президентомъ Академіи Наукъ (за которою тогда было право исключительнаго изданія календаря) онъ хочетъ поднять означенный вопросъ отъ имени Академіи и въ настоящее домашнее засѣданіе пригласилъ меня для того, что не найду ли я возможнымъ высказать по этому вопросу что либо, почерпнутое изъ народныхъ воззрѣній.

Я отвѣчалъ графу, что настоящій вопросъ застаетъ меня совершенно врасплохъ, и я не прежде могу что либо сказать, какъ нѣсколько ознакомясь съ дѣломъ посредствомъ слушанія всего того что будутъ говорить другія лица, и если въ концѣ засѣданія явится у меня какая либо мысль, то я буду имѣть честь ее доложить, а въ противномъ случаѣ попрошу позволенія нѣсколько дней подумать дома. Послѣ этого начались чтенія и разсужденія, относящіяся къ восхваленію задуманнаго нововведенія. Я не проронилъ ни одного слова изъ всего мною слышаннаго и отмѣчалъ сущность мнѣній на особомъ листѣ. Потомъ, когда всѣ умолкли, графъ спросилъ меня, могу ли я теперь говорить. Я попросилъ позволенія начать и высказалъ слѣдующее.

Въ полученной мною отъ вашего сіятельства запискѣ выражено приглашеніе на чашку чая. Конечно, подъ этими словами, безъ всякаго иносказанія, разумѣлось обычное чаепитіе; но въ Москвѣ и вообще во внутреннихъ губерніяхъ приглашеніе, дѣлаемое на чашку чая, выражаетъ ликвидацію торговыхъ дѣлъ съ домогательствомъ уступки отъ кредиторовъ. Настоящее засѣданіе изображаетъ намѣреніе ликви-

дировать существующее лѣтосчисленіе по старому стилю; слѣдовательно необходимо положить на счеты тѣ убытки, которые эта ликвидація породитъ для Русской жизни» *).

«При самомъ открытіи настоящаго засѣданія, ваше сіятельство заявили, что я приглашенъ для выраженія народныхъ воззрѣній; а потому мысленно переношу себя въ простую Русскую семью, которая, слыша звонъ къ празднику Рождества Христова за 12 дней до наступленія этого праздника по святцамъ, рѣшаетъ въ своемъ домашнемъ собраніи въ церковь не ходить, поста не прекращать и празднованіе отложить до 25 Декабря по старому стилю. Такое воззрѣніе будетъ существовать не только въ деревняхъ, но даже и въ самомъ Петербургѣ. Конечно, Невскій Проспектъ, Большая и Малая Морскія, Миліонная и Конюшенная (для этихъ мѣстностей все равно, когда бы ни праздновать, или даже вовсе забыть числа праздниковъ) не затруднятся встрѣтить праздникъ Рождества 12 Декабря; но Пески, Ямская и Калашникова пристань не подчинятся никакимъ рѣшеніямъ и указамъ, усматривая въ нововведеніи, по ихъ понятіямъ, появленіе ереси».

На это кто-то сказалъ, что старые святцы могутъ быть замѣнены новыми.

Я возразилъ: «Какимъ же образомъ надобно уничтожить всѣ старые святцы? Для этого понадобилось бы дѣлать полицейскіе обыски въ домахъ; но при этомъ старые святцы стали бы прятать въ кладовыхъ, даже въ стѣнахъ домовъ и закапывать ихъ въ землю, сохраняя до времени, когда кончатся лютыя гоненія на святцы. Изъ всего этого вышелъ бы расколъ, могущій охватить огромное большинство народонаселенія».

«Но если бы и всѣ старые святцы были истреблены (чего, конечно безъ заточеній въ Соловецкій островъ и тому подобные мѣста нельзя достигнуть), тогда замѣнила бы ихъ народная память и стала бы устно передавать нынѣшніе дни великихъ церковныхъ праздниковъ. Изъ всего

*) Въ Москвѣ, за нѣсколько мѣсяцевъ до несостоятельности, начинаютъ уже чувствовать намѣреніе какого либо торговаго дома пригласить своихъ кредиторовъ на чашку чая. Подъ этой чашкой чая разумѣется докладъ о наличныхъ средствахъ и долгахъ съ показаніемъ невозможности заплатить полнымъ рублемъ, и докладъ этотъ сопровождается просьбою о снисхожденіи, въ смыслѣ уступки и разсрочки платежей. Послѣ такой сдѣлки, торговый домъ получаетъ снова свободный кредитъ, впредь до слѣдующихъ признаковъ приглашенія на чашку чая. Нерѣдко бывали случаи, что такія приглашенія черезъ 5—6 лѣтъ повторялись неоднократно. Быть можетъ, подобный обычай усвоится и по разсчетамъ въ государственныхъ долгахъ, и тогда чашка чая будетъ выражать въ себѣ финансовое мѣропріятіе къ выходу изъ затрудненій. В. К.

мною сказаннаго я прихожу къ заключенію, что нѣтъ надобности, ради согласованія нашихъ чиселъ съ Европейскими, подвергать страшному колебанію Русскую жизнь въ самыхъ ея душевночтимыхъ основахъ».

Послѣ этого князь П. А. Вяземскій сказалъ графу Блудову: «Я пристаю къ высказанному мнѣнію и очень доволенъ тѣмъ, что присовѣтовалъ (въ это время князь указалъ рукою на меня) пригласить его».

Здѣсь скажу мимоходомъ, что высказанное мною мнѣніе вѣроятно оставило хорошее впечатлѣніе въ князѣ П. А. Вяземскомъ, потому что послѣ кончины его, спустя нѣсколько лѣтъ, я получилъ отъ сына его, князя П. П. Вяземскаго, полное собраніе сочиненій покойнаго князя и когда поѣхалъ благодарить за это, то отъ него узналъ, что послѣ князя Петра Андреевича осталась записка, въ которой было назначено кому именно отправить посмертное изданіе его сочиненій, и въ этой запискѣ оказалось и мое имя *).

Возвращаясь къ продолженію засѣданія, припоминаю, что никто кромѣ князя Вяземскаго не выразилъ сочувствія къ моему мнѣнію. Это меня навело на мысль, что намѣреніе ввести новый стиль — не угасло, и я рѣшился развить мое мнѣніе такими доводами. Новшества патріарха Никона породили столь огромное сопротивленіе и непокорство къ принятію ихъ въ народной массѣ, что въ первое столѣтіе послѣ 1666 года до самаго воцаренія Екатерины II (1762 годъ) изъ числа сопротивлявшихся было болѣе полумилліона пострадавшихъ лицъ. Таковы были послѣдствія Никоновскаго раскола; а Блудовскій расколъ, вызываемый передвиженіемъ торжественныхъ праздниковъ на другія числа, будетъ во сто разъ сильнѣе прежняго.

Послѣ этихъ краткихъ словъ, сказанныхъ въ то время, когда уже всѣ встали изъ-за стола, графъ Блудовъ пригласилъ сѣсть и продолжать засѣданіе, которое приняло чисто-практическій характеръ: стали разсуждать о томъ, что кромѣ праздника Рождества Христова подвергнутся передвиженію въ числахъ и многіе другіе великіе праздники, Благовѣщеніе и Успеніе Пресвятой Богородицы. Затѣмъ сдви-

---

*) Припомнимъ читателю, что Екатерина Великая держалась того же мнѣнія о неблаговременности замѣнить у насъ календарь Юліанскій календаремъ Грегоріанскимъ. Въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Гримму она передаетъ ему, что никакъ не хочетъ согласиться съ предложеніемъ ученыхъ людей произвести такую замѣну. Она ловко обходитъ настойчивыя заявленія науки. Вполнѣ точнаго времени опредѣлить нельзя, говоритъ она; мы отстали на столько-то дней, а считающіе по Грегоріанскому календарю на столько-то часовъ отъ истиннаго астрономическаго времени; то и другое не точно, и всегда будетъ разница, если не въ дняхъ, то въ часахъ и минутахъ; слѣдовательно останемся по старому. Въ наши дни Н. М. Павловъ предлагаетъ медленное сближеніе двухъ календарей отмѣною въ Юліанскомъ календарѣ высокосныхъ дней, т.-е. упраздненіемъ 29-го Февраля (см. его книгу „Наше переходное время", приложенную къ „Русскому Архиву" нынѣшняго года). П. Б.

нутся съ своихъ чиселъ постные праздники: Воздвиженіе Честнаго Креста и Усѣкновеніе Іоанна Крестителя, и при этомъ перепутается начало и окончаніе постовъ. Также приняли къ соображенію, что Святѣйшій Синодъ не допуститъ новаго лѣтосчисленія и что самый разговоръ объ этомъ можетъ породить въ народной массѣ множество превратныхъ толкованій и сомнѣній относительно твердости всего того, что дорого и свято для каждаго Русскаго вѣрующаго сердца. Далѣе представлялась печальная картина опустѣнія церквей и наполненіе семейной жизни уныніемъ и ропотомъ. Въ этомъ родѣ толковали много и долго и порѣшили не приступать къ измѣненію календаря.

Черезъ два-три года послѣ означеннаго совѣщанія было получено мною новое приглашеніе отъ графа Блудова. На этомъ второмъ вечерѣ я нашелъ тѣхъ же лицъ съ прибавленіемъ Гильфердинга и еще кого-то, теперь не упомню. Цѣль засѣданія заключалась въ опредѣленіи понудительныхъ мѣръ къ введенію Русскаго языка въ дѣлопроизводствѣ во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ, судебныхъ и административныхъ, въ Прибалтійскихъ губерніяхъ.

Когда по этому вопросу дошла до меня очередь говорить, то я сказалъ, что совершенно уклоняюсь отъ выраженія какого-то-бы нибыло мнѣнія, относящагося къ понудительнымъ мѣрамъ, потому что не могу признать надобности и пользы въ дѣйствіяхъ, основанныхъ, въ этомъ вопросѣ, на силѣ власти, сознавая вмѣстѣ съ тѣмъ полную и законную необходимость ввести во всѣхъ окраинахъ Россіи всякое дѣлопроизводство на Русскомъ языкѣ. Къ достиженію этого должны быть приняты такія мѣры, которыя, будучи чужды понудительности, привели бы къ полному успѣху силою поощренія. Если достопочтенному собранію угодно разрѣшить говорить мнѣ о мѣрахъ поощренія, то я готовъ теперь же представить ихъ на общее обсужденіе.

Разрѣшеніе на это послѣдовало, и я началъ съ того, что, всякая окраина въ каждомъ государствѣ присоединяется къ правительственному центру удобнымъ сообщеніемъ посредствомъ шоссейной или желѣзной дороги и что на эти сообщенія расходуются безъ затрудненія огромныя суммы, чтобы положить связь оконечностей съ центромъ. Какая же въ Россіи связь можетъ быть плодотворнѣе и крѣпче живой рѣчи, произносимой на Русскомъ языкѣ? Исходя изъ этого, полагаю возможнымъ пріобрѣсти эту связь не понудительными мѣрами, а цѣною весьма умѣренныхъ денежныхъ затратъ. По общимъ правиламъ у насъ даются полныя пенсіи за 35 лѣтъ; объявите, что въ Прибал-

тійскихъ губерніяхъ, въ теченіи трехъ лѣтъ, всѣмъ чиновникамъ судебнымъ и административнымъ, короннымъ и выборнымъ, если они изучатъ Русскій языкъ настолько, чтобы свободно говорить и писать, полная пенсія назначается за десятилѣтній срокъ службы и что экзаменъ въ знаніи Русскаго языка долженъ быть выдержанъ по прошествіи трехъ лѣтъ со дня объявленія означеннаго закона. Нѣтъ сомнѣнія, что интересъ явится такимъ сильнымъ двигателемъ, который безъ всякихъ понудительныхъ мѣръ во всѣхъ присутствіяхъ внѣдритъ Русскую рѣчь съ полнымъ дѣлопроизводствомъ на Русскомъ языкѣ.

На эту мысль кто-то возразилъ: кто же будетъ контролировать, производится-ли изученіе Русскаго языка? Я отвѣчалъ, что контролировать будетъ семья, т. е. матери и жены чиновниковъ, безпрестаннымъ напоминаніемъ имъ о необходимости для пользы семейства получить черезъ 10 лѣтъ право на полную пенсію. Засѣданіе это, не выразивъ изъ себя никакого рѣшительнаго заключенія, осталось при характерѣ простой, домашней бесѣды. Если-бы выраженное предложеніе узаконилось, то давно-бы всѣ Прибалтійскія губерніи твердо знали Русскій языкъ. Всякія понужденія выражаютъ собою полицейскій характеръ, ослабляющій чувства привязанности къ правительству, тогда какъ мѣры поощренія, усиливая эту привязанность, возбуждаютъ признательность и благодарность.

Судя по послѣдствіямъ, доказывающимъ, что и доселѣ Русскій языкъ не укоренился въ Прибалтійскомъ чиновничествѣ, очевидно, что введеніе его шло путемъ безцѣльныхъ и безуспѣшныхъ понудительныхъ мѣръ, на которыя жизнь никогда не въ состояніи дать сочувственный отвѣтъ.

В. Кокоревъ.

ДУХОВЕНСТВО И ВОИНСКАЯ ПОВИННОСТЬ.

I.

Въ исторіи сословій древнерусскаго, допетровскаго времени рѣзче другихъ выступаетъ предъ изслѣдователемъ одно обстоятельство, имѣющее важность даже и при опредѣленіи значенія самыхъ Петровскихъ сословныхъ преобразованій. Уясняя себѣ отношенія между общественными слоями въ тогдашнее время, мы находимъ, что сословія древнерусскаго общества допетровскаго времени далеко не носили на себѣ характерныхъ чертъ той рѣзкой обособленности, съ каковою они стали выступать въ первую половину XVIII вѣка. Они были переплетены средними, промежуточными общественными слоями, всегда мѣшавшими болѣе или менѣе рѣзкой обособленности одного сословія отъ другого. Эти промежуточные слои существовали почти подлѣ каждаго общественнаго класса людей въ родѣ холоповъ, загородныхъ крестьянъ, гулящихъ или вольныхъ людей. Что касается сословія духовного, то оно едвали непозже другихъ сословій выступаетъ въ древнерусской жизни съ чертами обособленности, опредѣленной путемъ законодательнымъ. Помимо того, что древнерусская, допетровская государственная жизнь вообще слабо развила правовыя опредѣленія всѣхъ другихъ общественныхъ классовъ, причина указанного нами явленія въ сословіи духовномъ лежитъ въ томъ, что духовенство древней Руси далеко не составляло изъ себя запретнаго сословія. Тогда служеніе въ церкви и для церкви широко было открыто людямъ всѣхъ званій и состояній. Право мірянъ вступать въ духовное сословіе не было тогда ограничено такими стѣснительными постановленіями, которыя стали развиваться предъ временемъ Петра и еще сильнѣе послѣ него. Не было ограничено стѣснительными постановленіями и самое духовенство Россіи: дѣти, рожденныя отъ лицъ духовныхъ, безпрепятственно избирали себѣ родъ жизни по своему усмотрѣнію. Такъ нерѣдко бывало даже и во второй половинѣ XVII вѣка, когда въ духовное званіе вступали люди даже и несвободныхъ состояній, когда помѣщики имѣли у себя священно-церковнослужителей часто изъ своихъ же крестьянъ [1]). Въ допетровское время внутренніе распорядки духовенства подготовлялись главнымъ образомъ самою жизнью. Попытки къ устройству духовного сословія, высказываемыя при томъ косвенно, становятся замѣтными лишь со времени Стоглаваго собора. Заботясь о водвореніи повсюднаго церковнаго благочинія и благообразія, соборъ этотъ небезучастно отнесся и къ вопросу о замѣщеніи священно и церковнослужительскихъ должностей. Въ видахъ водворенія благочинія Стоглавый соборъ постановилъ правило, начала котораго развиваются законодательствомъ послѣдующаго времени и постепенно создаютъ

[1]) Дополн. къ истор. акт., т. V. стр. 490.

обособленность духовенства отъ другихъ сословій. „А который попъ или діаконъ овдовѣетъ, и будетъ у него сынъ (гласило означенное правило Стоглава) или зять или племянникъ, а на его мѣсто пригожъ и грамотѣ гораздъ, то его въ попы на то мѣсто поставить“ [2]). Болѣе прямое и широкое выраженіе законодательныхъ попытокъ произвести сословную обособленность духовенства мы находимъ въ актахъ послѣдующаго собора 1667 г. Отцы этого, такъ называемаго Большаго Московскаго собора, выражая желаніе, чтобы на служеніе церкви не были опредѣляемы „сельскіе невѣжды“, велѣли священникамъ учить своихъ дѣтей грамотѣ и церковному благочестію съ тою цѣлію, дабы они были достойными наслѣдниками ихъ мѣстъ: „Повелѣваемъ, яко да всякій священникъ дѣтей своихъ научаетъ грамотѣ и страху Божію и всякому церковному благочестію со всякимъ прилежаніемъ, яко да будутъ достойни въ воспріятіе священства и наслѣдницы по нихъ церкви и церковному мѣсту, а не оставляти имъ дѣтей своихъ наслѣдниковъ мамонѣ, а церковь Христову корчемствовати и во священство постовлятися сельскимъ невѣждамъ, иже иніи ниже скоти пасти умѣютъ, кольми паче людей“ [3]). Гораздо раньше сейчасъ указанныхъ нами законодательныхъ опредѣленій ходъ церковной жизни сложился такъ, что дѣти духовныхъ лицъ съ ранняго возраста пріучались къ чтенію и пѣнію въ приходской церкви, постепенно входили въ обычную дѣятельность клира и совершенно послѣдовательно пріобрѣтали себѣ (дѣйствуя при томъ вмѣстѣ съ родными) право сначала на низшія, а потомъ и на высшія мѣста въ церковномъ клирѣ. Вотъ почему уже въ XVI в. нерѣдко обнаруживалось, что цѣлые причты на Руси составлялись изъ родныхъ или знакомыхъ. Кромѣ того, при такихъ причтахъ всегда еще въ очень значительномъ количествѣ проживало много праздной безмѣстной молодежи, изъ которой главнымъ образомъ и пополнялся наличный составъ церковнаго клира.

Гражданское правительство по отношенію ко всѣмъ вообще сословіямъ и преимущественно къ тѣмъ изъ членовъ духовенства, которые не состояли въ наличномъ его составѣ, еще гораздо раньше Петра, стало предъявлять самыя строгія требованія. Для церкви эти бездѣятельные члены духовенства были такимъ же тяжелымъ бременемъ, какимъ для гражданскаго правительства „вольные или гулящіе люди“. Правительство гражданское уже давно неиначе смотрѣло на нихъ какъ именно „на вольныхъ или гулящихъ людей“; а поэтому въ продолженіе всего XVII в. правительство усиленно хлопочетъ, чтобы привлечь „безмѣстныхъ поповичей“ къ государственному тяглу. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ былъ изданъ указъ, чтобы при священникахъ и діаконахъ оставалось только по одному, годному къ церковной службѣ, всѣ же прочія дѣти ихъ должны „верстаться

---

[2]) Несовсѣмъ понятная для людей нашего времени мысль этого постановленія становится вполнѣ ясною, если возмемъ во вниманіе, что безъ того горестная утрата супруги священно-служителемъ древней Руси становилась для него еще болѣе тяжкою, такъ какъ неминуемо влекла за собою запрещеніе и самаго священнослуженія.

[3]) Тамъ же, стр. 102.

въ служилые люди". Въ Уложеніи царя Алексѣя мы находимъ даже слѣдующее постановленіе: „А которые люди... поповы дѣти или церковные дьячки или пономари и проч. живутъ на церковныхъ земляхъ, а торговыми они всякими промыслы промышляютъ, а ни въ какомъ тяглѣ они не описаны, и тѣхъ всѣхъ...... взяти въ тягло, чтобы такіе люди нигдѣ въ избылыхъ не были" [4]). Наконецъ, въ это же время безмѣстныхъ поповичей очень нерѣдко забирали и прямо въ военную службу [5]).

Понятно, какъ должно было отнестись къ этому праздному люду Петровское правительство, зорко наблюдавшее, чтобы „ни одинъ членъ государства въ избылыхъ не былъ и чтобы государевой службѣ (т.-е. военной) въ ея нуждахъ не было умаленія". Такихъ безмѣстныхъ неученыхъ и не хотѣвшихъ учиться грамотѣ поповичей не велѣно было принимать ни въ какіе чины, кромѣ служилаго или солдатства. Со времени первой государственной ревизіи явилось новое средство къ уменьшенію числа священно-церковно-служительскихъ дѣтей—подушный окладъ. Извѣстно, что дѣйствіе первыхъ указовъ о ревизіи распространялось не только на одно податное населеніе, но между прочимъ и на духовенство. Ревизской переписи не подлежали только сами священники и діаконы, которыхъ велѣно было писать въ дополнительныхъ ревизскихъ сказкахъ. Духовнымъ Регламентомъ вмѣнено въ строгую обязанность епископамъ [6]) „весьма зло сіе пресѣкать", а „противно творящихъ поповъ жестоко наказывать". „Развѣ по приговору прихожанъ, говоритъ Регламентъ, и по благословенію именному епископа можетъ священникъ сына своего, пѣть и честь искуснаго (да только единаго) имѣти въ дьячкахъ или понамаряхъ, а прочихъ добрѣ изучившихся отдавать къ другимъ церквамъ или въ иной честной житія промыслъ". Въ духѣ этихъ опредѣленій Петровскаго времени поступали и въ послѣ-петровское время: дѣтямъ церковниковъ предлагали объявить до извѣстнаго срока, желаютъ ли они поступить въ податное сословіе, или записаться въ цехи, въ купечество, и если они до опредѣленнаго срока не объявляли своего желанія, то ихъ, какъ отбывающихъ отъ государевой службы, уже само правительство записывало, куда хотѣло: или въ полки или въ крестьянство. Послѣ первой переписки духовенства, въ началѣ 1769 г., оказалось, что въ Европейской только Россіи было 12,626 человѣкъ не-штатныхъ членовъ духовенства. Тогда Сенатъ рѣшилъ, „что и за помѣщеніемъ въ штатъ въ излишествѣ еще остается весьма знатное число дѣтей духовенства, которыхъ за ихъ праздностію и что оные въ силу состоявшихся о нихъ указовъ, ни въ подушный окладъ никуда не записались, ниже въ семинарское ученіе донынѣ не вступили и принадлежащими науками священническому чину себя достойными не сдѣлали, при нынѣшнихъ военныхъ обстоятельствахъ, безъ отягощенія народнаго, въ пользу отечества употребить по справедливости возможно, каковые наборы и прежде во время бывшей Турецкой войны были". Объ этомъ своемъ рѣшеніи Сенатъ подалъ

[4]) Улож., гл. XIX ст. 3.
[5]) Правосл. Собесѣдникъ 1863 г. ч., III, стр. 62.
[6]) П. С. З., т. VI, № 3481.

Государынѣ докладъ, прося ее, не соблаговолитъ ли она указать произведеніе сего набора въ дѣйство препоручить гг. губернаторамъ, а въ Москвѣ и Петербургѣ кому она укажетъ. На этомъ докладѣ Екатерина положила такую резолюцію: „Въ Петербургѣ по причинѣ невеликаго числа церквей, сего разбора не дѣлать, а въ Москвѣ поручаемъ оный Московскому архіерею обще съ генераломъ-поручикомъ Еропкинымъ и губернаторомъ, и то кромѣ соборовъ и монастырей, а въ прочемъ быть по тому докладу“ [7]. Соображаясь съ этимъ, Сенатъ предписалъ тогда же губернаторамъ взять для военной службы: „1) изъ дѣтей при церквахъ находящихся священно и церковнослужителей отъ 15 до 40 л. четвертую часть въ разсужденіи томъ, что другіе, а сверхъ того и состоящіе отъ 15 л. и ниже (коихъ также немалое число состоитъ) остаются на укомплектованіе недостающаго числа при церквахъ, а напротивъ того 2) недѣйствительно служащихъ и безмѣстныхъ дьячковъ, понамарей и сторожей, также впадшихъ въ вины и наказанныхъ, но въ своихъ домахъ праздно живущихъ, не токмо всѣхъ самихъ, но сверхъ того какъ изъ ихъ, такъ изъ другихъ запрещенныхъ, престарѣлыхъ, подъ слѣдствіемъ состоящихъ и подозрительныхъ священно и церковнослужителей дѣтей, такожъ изъ не умѣющихъ читать писать и изъ тѣхъ, которые грамотѣ не совершенно умѣютъ, а другіе еще обучаются отъ 15 до 40 л., половину“. При этомъ губернаторамъ предписывалось, чтобъ они старались выбрать людей здоровыхъ и годныхъ въ военную службу, мѣрою и меньше 2-хъ аршинъ; потому что „подобные малорослые могутъ съ пользою же въ другія званія по военной службѣ употреблены быть“. Отъ этого разбора дѣтей духовенства велѣно было освободить даже и изъ семинаристовъ только тѣхъ, которые записаны въ семинаріи до 1-го Декабря 1768 г., а въ семинаріи послѣ этого срока записанныхъ велѣно „въ расположеніе къ набору класть“. „Если окажется, что изъ тѣхъ священно и церковнослужительскихъ дѣтей въ которыя команды приняты и опредѣлены безъ увольненія изъ церковнаго причта Декабря съ 1-го числа 1768 г., таковыхъ всѣхъ, истребовавъ отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они находятся, въ расположеніе къ набору полагать и въ службу брать“ [8].

Въ 1784 году правительство Екатерины вновь занято было мыслію о разборѣ дѣтей духовенства. Хотя по этому новому разбору излишніе члены этого сословія получали право отыскивать себѣ родъ жизни по своему усмотрѣнію, тѣмъ не менѣе значительное количество таковыхъ забрано было и въ это время на военную службу. Въ 1788 году вышелъ имянной указъ губернаторамъ „переписать въ своихъ губерніяхъ всѣхъ заштатныхъ церковниковъ безъ дальней огласки“ [9]) и обратить ихъ въ военную службу. Начальникамъ нѣкоторыхъ губерній предписано было взять въ военную службу и тѣхъ даже церковниковъ, которые, записавшись въ мѣщане, неисправно платили подати [10]).

Н. Кедровъ.

---

[7]) П. С. З., № 13236.
[8]) Тамъ же, № 13306.
[9]) Тамъ же, № 16,646.
[10]) П. Собр. Закон., № 16,714.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СЕНАТОРА К. Н. ЛЕБЕДЕВА.

1853 годъ *).

Генварь. Наградъ военнымъ роздано несмѣтное число. Благодаря князю Чернышову, Бутковъ сдѣланъ государственнымъ секретаремъ; на мѣсто Буткова назначенъ Суковкинъ. Князь Чернышовъ отвергнутъ старинной аристократіей. Опасливый къ новымъ людямъ, особенно талантливымъ, онъ выводитъ своихъ людей и вывелъ ихъ множество....... Большія награды испросилъ нашъ министръ сенаторамъ. Трое д. тайн. совѣтниковъ (Сухаревъ, Кайсаровъ, князь Ив. Лобановъ). Орденъ Владиміра 1-й ст. Челищеву. Три ордена Владиміра 2-й ст. (Корнилову, Чевкину и Зурову) и т. д. Сенаторы довольны и благодарны; ропщутъ только на награду старику Буткову не за то, чтобъ не любили старика, но за то, что это сдѣлано въ угоду сыну, котораго очень не любятъ. Министръ юстиціи самъ ничего не получилъ. Онъ имѣетъ орденъ Александра съ 1846 года. Каждому департаменту, за успѣшное теченіе дѣлъ, объявлено Высочайшее благоволеніе!

Остзейскій край близокъ къ принятію даже нашихъ обрядовъ. Вторженіе этихъ обрядовъ началось довольно открыто съ управленія генер. Головина. Повидимому, оно остановилось съ княземъ Суворовымъ; но эта видимость только наружная: внутренняя борьба продолжается, и автономія все болѣе и болѣе исчезаетъ. Князь Суворовъ ничего не знаетъ, ничѣмъ не занимается и живетъ болѣе въ Петербургѣ, нежели въ Ригѣ. Онъ дѣйствуетъ подъ вліяніемъ не мѣстныхъ учрежденій и сословій, какъ баронъ Паленъ, не Русскихъ чиновниковъ, какъ Головинъ, а чиновниковъ Нѣмецкихъ, которыхъ Остзейцы ненавидятъ болѣе нежели Русскихъ. Эти чиновники въ открытой распрѣ съ мѣстными сословными учрежденіями—герихтами и магистратами, и такъ распространили пререканія и жалобы, ведя все на разсмотрѣніе Сената, что бѣдные судьи городскіе и земскіе, вообще осно-

*) См. 1-ю книгу „Русскаго Архива", стр. 617. На стр. 619 вмѣсто Бутковскій—слѣдуетъ *Буцковскій* и вмѣсто Путиловъ слѣдуетъ *Пушиловъ*. П. Б.

вательные и ученые, не успѣваютъ отписываться, и вмѣстѣ съ тѣмъ, затрудняясь оправдываться по своимъ Land und Ritterrecht'амъ, поневолѣ читаютъ и изучаютъ наши законы и мало-по-малу принимаютъ ихъ. Такъ они приняли совершенно нашъ порядокъ ревизіи и аппеляціи.

Товарищъ государственнаго контролера ст.-секретарь Брискорнъ уволенъ въ отставку съ оставленіемъ только въ званіи сенатора, а на мѣсто его назначенъ Апрѣлевъ. За что смѣщенъ Брискорнъ—извѣстно: онъ далъ мнѣніе о безполезности контроля въ настоящемъ его положеніи. Это человѣкъ умный, образованный, но любитъ вечера и карты и непостояненъ. Онъ любитъ переходить изъ одного лагеря въ другой, какъ напримѣръ онъ передался Клейнмихелю, во время поѣздки графа Чернышова на Кавказъ. Онъ любитъ и подкопаться, какъ теперь подъ старика Хитрова. За что назначенъ Апрѣлевъ, неизвѣстно. Онъ старшій изъ директоровъ, управляетъ конторою графа Шереметева.... Его не любятъ.

Февраль. Стараются всевозможными мѣрами ограничить печать. Понимаютъ-ли, однако, весь вредъ этихъ стѣсненій? Они могутъ подавить самостоятельную Русскую жизнь, усилить вліяніе иностранныхъ книгъ, принявшее и безъ того, за послѣднее время, такіе обширные размѣры, возбудить негодованіе въ цензорахъ и цензируемыхъ, въ читателяхъ, число которыхъ такъ увеличивается. О нашей литературѣ (самобытной) говорить нечего. «Ничего не позволяютъ», говоритъ Ратьковъ [1]). Съ одной стороны князь Ширинскій-Шихматовъ, а съ другой комитетъ Анненкова. За то процвѣтаетъ торговля иностранными книгами. Я имѣлъ случай слышать въ книжномъ магазинѣ Шмицдорфа и отъ младшаго Исакова, что продажа въ ихъ лавкахъ въ послѣдніе годы усилилась весьма замѣтно, несмотря на нѣкоторое возвышеніе цѣнъ. Особенно, по словамъ Исакова, расходятся иллюстрированные романы.

При вступленіи моемъ въ судебное вѣдомство въ 1841 г. [2]), въ средоточіе управленія уголовнымъ правосудіемъ, я былъ пораженъ тремя недостатками этого управленія.

1) Недоставало дѣйствительнаго сосредоточеннаго управленія. Министры юстиціи просматривали протесты и опредѣленія, а въ отношеніи положенія дѣлъ и судовъ довольствовались тѣми ничтожными ложными отчетами, которые доставлялись въ бланкахъ дурно состав-

---

[1]) Извѣстный книгопродавецъ.

[2]) Въ Декабрѣ 1840 года Касторъ Никифоровичъ Лебедевъ причисленъ къ пятому департаменту Министерства Юстиціи, и ему поручено управленіе 2-мъ отдѣленіемъ онаго.

ленныхъ къ назначенному сроку. Я старался ввести отчетность своевременную, подробную и повѣряемую. Графъ Панинъ очень видитъ этотъ недостатокъ и исправляетъ его; но, исправляя, онъ вдался въ излишнія подробности и, по недостатку рукъ и времени, тонетъ въ массѣ этихъ подробностей.

2) Дурная система наказаній. По Своду только и слышится плеть, да кнутъ, ссылка да каторга. Гласности никакой. Я не могъ ничего сдѣлать для измѣненія системы, ибо все откладывалось до изданія Уложенія. Для гласности я сдѣлалъ—обнародованіе осужденій чиновниковъ, но и это выработалось въ ограниченномъ видѣ. Наконецъ, вышло Уложеніе 1845 г. Въ немъ изложена система наказаній новая, строго соображенная, остроумно придуманная, но не практичная. Къ этому присоединилось и то главное неудобство нашего законодательства, что исполнять постановленія Уложенія пришлось не тѣмъ, кто составлялъ его. Въ настоящее время, черезъ пять лѣтъ дѣйствія, можно сказать, что главнѣйшіе недостатки этого Уложенія суть: а) въ немъ придаютъ значеніе правамъ, которыми не пользуется самое многочисленное сословіе государства; б) ограниченіе тѣлесныхъ наказаній уничтоженіемъ кнута и многочисленными изъятіями лицъ и случаевъ; в) особенное распространеніе «заключенія»—вида наказанія вовсе намъ не свойственнаго ни по натурѣ, ни по недостатку даже плохихъ мѣстъ заключенія, ни по вліянію этого наказанія на нравственность и привычки заключаемыхъ, при отсутствіи религіознаго внушенія и работы въ нашихъ тюрьмахъ. Неудобства и зло новой системы еще не обозначились вполнѣ; мы еще увидимъ ихъ въ широкихъ размѣрахъ.

3) Третій недостатокъ—это вообще дурное производство суда и дѣлъ. Производство до крайности медленно; сложность его даетъ поводъ къ уловкамъ, ухищреніямъ; пристрастіе чрезвычайно свободно. Объ этомъ теперь думаютъ.

Мартъ. Вотъ и новое положеніе объ откупахъ. Общее впечатлѣніе выгодно. В. А. Шереметевъ, А. В. Кочубей и князь А. Б. Голицынъ отзываются о немъ благосклонно, хотя и большіе неохотники до Брока. Шагъ сдѣланъ; можетъ быть сдѣлаютъ и другой. Все зависитъ отъ примѣненія и исполненія. Предупрежденіе недоимокъ, предусмотрѣніе непомѣрныхъ обогащеній и разореній есть уже успѣхъ, и государство должно быть признательно Государю. Но состоится-ли? Эти компаніи В—ыхъ, Бенар—ки, Ко—выхъ посмѣиваются себѣ въ кулакъ, надѣясь поставить на своемъ. При зыблемости нашихъ началъ все можетъ быть.

Бѣдная Русская труппа лишилась В. Каратыгина. Странно, что смерть этого высокаго таланта не почтена до сихъ поръ никакимъ зна-

комъ общественнаго сожалѣнія. Брокъ и князь Долгорукій утверждены министрами.— Столоверченіе кружитъ всѣмъ голову. Нѣтъ дома, гдѣ бы не производились опыты. Всѣ вѣрятъ, видятъ, удивляются. Говорятъ и о другихъ силахъ и явленіяхъ. Вѣкъ нашъ настраиваетъ къ подобнымъ вѣрованіямъ. Старикъ Гумбольдтъ справедливо замѣчаетъ, что легче разрушить цѣлую теорію, чѣмъ опровергнуть не точно наблюденный и непровѣренный фактъ. Кажется, впрочемъ, столоверченію надобно вѣрить: объ немъ говорятъ люди ученые и люди правдивые. Думаю я, что это явленіе объяснимо живою силою организма. Вѣра во внезапность, случайность—эта наша болѣзнь, это грѣхъ вѣка нашего.

Министръ народнаго просвѣщенія князь Ширинскій-Шихматовъ скончался. Послѣ завтра его хоронятъ въ Сергіевскомъ монастырѣ. Ограниченіе числа учащихся, убавка курсовъ, сокращеніе программъ, сокращеніе учебныхъ пенсій, въ высочайшей степени произвольное и вредное стѣсненіе цензуры—вотъ памятники слабаго, доступнаго всѣмъ вліяніямъ управленія покойнаго; но онъ былъ добрый человѣкъ и христіанинъ. Сходитъ, кажется, со сцены и другой министръ, графъ Панинъ. Грустно мнѣ сказать и даже подумать объ этомъ. Такъ ли слѣдовало кончить карьеру этому сильному характеру, этому славному имени?

Май. Дѣла Турецкія принимаютъ дурной оборотъ. Говорятъ, князь Меншиковъ оставилъ Константинополь; наши корпуса двинулись къ границамъ. Государь недоволенъ, и это всѣмъ видно. О Меншиковѣ и во время посольства въ Персію говорили: «плохой толкъ; у него рука тяжела». Толки о войнѣ все громче и громче. Война, при настоящемъ лихорадочномъ положеніи Европы, страшна и побѣжденнымъ, и побѣдителямъ. Авось ничего не будетъ.

Іюнь. Вотъ манифестъ о занятіи княжествъ и о войнѣ, если требованія наши не будутъ удовлетворены Турціей. Мы сидѣли за обѣдомъ у князя Д. А. Оболенскаго, и онъ предложилъ мнѣ пари, что дѣло кончится Константинополемъ. Я не взялъ пари. Я помню изъ разсказовъ генерала Обручева о словахъ Государя Дибичу: «Что я сдѣлалъ для исторіи?» и несомнѣнно, что мысль о какомъ нибудь всемірно-историческомъ событіи занимаетъ Государя. Послѣ двухъ циркуляровъ графа Нессельроде общественное мнѣніе могло бы выразиться опредѣленнѣе. Циркуляры и манифесты грозны, а газеты и толки мирны. Иначе выразилась Москва по полученіи манифеста: война за вѣру, за Славянъ и Грековъ нашла сильное сочувствіе въ говорливыхъ людяхъ, и графиня Растопчина откликнулась слѣдующею одою:

Пришла пора. ... зажглася надъ Востокомъ
Давно желанная заря!
Ужъ близокъ, близокъ часъ, обѣщанный Пророкомъ
Въ псалмахъ Еврейскаго царя.
Долой мечеть съ двурогою луною!
Сіяй, нашъ православный крестъ
Надъ маковкой Софіи золотою и пр.

Іюль. По случаю отъѣзда оберъ-прокурора Быкова, мнѣ поручено 1-е отдѣленіе 5-го департамента. Недостатокъ въ людяхъ доходитъ до крайности въ среднихъ и низшихъ слояхъ чиновнаго класса. Ограничась, почти безъ всякаго исключенія, однимъ Училищемъ Правовѣдѣнія, графъ Панинъ наполнилъ канцелярію Сената молодыми людьми, благовидными, благовоспитанными и благородными; но молодежь эта дѣла не знаетъ, труда не выноситъ, заниматься не любитъ. Трудная судейская служба имъ скучна. При томъ надежда на блестящую карьеру въ нихъ такъ возбуждена, что всякое назначеніе они считаютъ временнымъ, переходнымъ, а потому не могущимъ занять ихъ дѣльно, постоянно. Первое отдѣленіе есть важнѣйшее изъ всѣхъ. Но что̀ же я нашелъ въ немъ. Почти тоже запущеніе, что̀ и въ 6-мъ департаментѣ, таже бѣдность состава, отсутствіе опытности, небрежность и незнаніе канцелярской отчетности. Дѣла и бумаги во множествѣ затеряны, журналы за четыре мѣсяца не изготовлены. Грустно, въ какомъ положеніи столь важная государственная часть и при томъ въ высшемъ учрежденіи.

Сентябрь. Государь въ нѣсколько (въ 11) часовъ перелетѣлъ въ Москву и встрѣченъ тамъ знаменательными словами Филарета: «Время всякой вещи подъ небомъ!» Вещь эта Турція. Изъ Москвы Государь ѣдетъ обозрѣвать корпуса, а потомъ въ лагерь въ Ольмюцъ, гдѣ съѣдутся императоръ Австрійскій и король Прусскій. Если можно объяснить себѣ поѣздку могущественнаго Государя въ Нѣмецкую землю желаніемъ отклонить мысль объ излишней зависимости Германіи отъ Россіи, преслѣдуемой завистью и ненавидимой Нѣмцами, то труднѣе объяснить цѣль съѣзда восточныхъ монарховъ безъ участія западныхъ. Не хотятъ ли постановить раздѣлъ Турціи? Дѣло это такъ важно, что по принятымъ правиламъ Габсбургской династіи едва ли можно ожидать искрѣнняго согласія и отъ молодаго Франца-Іосифа. Достаточно прочесть исторію Вѣнскаго конгресса и Итальянской кампаніи, чтобъ убѣдиться, какъ тѣсны воззрѣнія и какъ своекорыстны дѣйствія этого правительства. Подлая до низости въ минуты опасности, Австрія, какъ выражается Фонъ-Визинъ, готова откроить себѣ часть равную въ раздѣлѣ, даже чужомъ ей. Она ослабила всѣ наши дѣйствія въ Италіи при Суворовѣ, она долго отказывалась отъ содѣйствія противъ Наполеона, она не отказалась бы отъ возстановленія

Польши (L'empire Russe, par le v-te Beumont de Vassy), и теперь ей ничего не стоитъ принять двусмысленное посредничество между Россіей и Турціей. Но естественный ходъ вещей сильнѣе соображеній политики, и Австрія должна и можетъ надѣяться укрѣпленія и силы только при содѣйствіи своего могущественнаго сосѣда. Многіе говорятъ, что поѣздка въ Москву есть начало Крестоваго похода.

По случаю ужаснаго процесса объ убійствѣ 65-ти лѣтняго старика его женой и сыномъ, генералъ-прокуроръ (во Франціи) обратился къ присяжнымъ: «Le mal s'accroît, les liens de la famille se dissolvent; il faut qu'au nom de la morale publique on demande une punition exemplaire.».*).... О, жалкіе болтуны! Что́ же вы сдѣлали для этой общественной нравственности? Что́ вы сдѣлали для утвержденія узъ семейныхъ? Частыя семейныя преступленія подтверждаются статистическимъ выводомъ, доказывающимъ ослабленіе узъ семейныхъ во Франціи. Я говорю о несовершеннолѣтнихъ преступникахъ, начинающихъ мелкимъ воровствомъ и бродяжничествомъ и кончающихъ, нерѣдко, взломомъ, насиліемъ и убійствомъ. Во время моей поѣздки во Францію въ 1842 году ихъ считали не болѣе 1500 въ годъ. Въ 1841 году по статистическимъ отчетамъ значится 1375 человѣкъ, изъ которыхъ 588 возвращены родителямъ для исправленія и надзора, а 787 поступили въ исправительныя, воспитательныя тюрьмы, которыя, именно въ это время, были въ большомъ ходу, и самыя тюрьмы эти преобразовывались и улучшались. Но куда привели эти улучшенія? Черезъ десять лѣтъ число этихъ малолѣтнихъ преступниковъ почти утроилось: въ 1851 г. ихъ считали уже 3168 челов., изъ нихъ 1303 отданы родителямъ, а 1865 поступили въ исправительныя учрежденія.

Итакъ, какъ важно вліяніе семейныхъ узъ на нравственность и какъ мало государство, столь тщеславящееся своимъ assistance publique: (въ докладѣ г. Тьера) сдѣлало для замѣны этихъ узъ! Разсужденія эти, не вполнѣ, но могутъ быть примѣнены и къ намъ. У насъ несовершеннолѣтнихъ преступниковъ (до 16 л.) немного, какъ и вообще преступленій. Это происходитъ отъ того, что въ классѣ крѣпостныхъ людей преслѣдованіе зла предоставлено произволу, въ средѣ государственныхъ крестьянъ—дурному правосудію сельскихъ начальниковъ, а менѣе дурное общее правосудіе рѣдко получаетъ ихъ въ свою расправу вслѣдствіе терпимости, безпечности, ложнаго самолюбія, которыя такъ присущи намъ. Правило 146 ст. Улож. (о назначеніи въ солдаты съ выслугой) было полезно въ воинственномъ нашемъ государствѣ. Статьи въ новомъ изложеніи 144 и 146 о монастыряхъ и рабочихъ домахъ никуда не годятся. Новыя измѣненія, осо-

*) Зло растетъ, связи семейныя слабѣютъ; надо во имя общественной нравственности потребовать примѣрнаго наказанія.

бенно относительно преступниковъ отъ 14 до 21 года, представляются большимъ послабленіемъ, и монастыри, какъ видно по дѣламъ, рѣдко продержатъ мальчишку мѣсяцъ безъ того, чтобъ онъ не обокралъ святыхъ отцовъ и не убѣжалъ на новыя преступленія. Рабочіе дома существуютъ въ умахъ законодателей и въ предположеніяхъ. Я обозрѣвалъ тюрьмы въ 1846 г., и бѣдственное положеніе несовершеннолѣтнихъ преступниковъ внушило мнѣ мысль представить министру для слѣдственныхъ арестантовъ учредить центральныя тюрьмы: одну тюрьму и одинъ совѣстный судъ на нѣсколько губерній. Для осуждаемыхъ, которые не могутъ идти въ солдаты, устроить земледѣльческія поселенія. Мы еще не въ томъ положеніи, когда сословія, занятія, развитіе торговыхъ оборотовъ и пр. могли бы вызвать правительство къ обнародованію законовъ, въ которыхъ ясно и опредѣленно выражались бы общечеловѣческія начала. Въ настоящемъ нашемъ положеніи безконечныя распоряженія правительства, по большей части, съ вѣтру взяты и по вѣтру брошены. Конечно, и нынѣ правительство, въ нѣкоторыхъ общихъ мѣрахъ, какъ-то: затрудненіе для достиженія дворянства, тарифъ 1850 года, подчиненіе раскольниковъ метрикѣ, поощреніе къ освобожденію отъ крѣцостнаго рабства и т. п.—руководствуется общими началами государственнаго права, международнаго права и права военнаго Русскаго, въ дѣлѣ воспитанія и управленія; но эти начала пока въ жизнь еще не проникли. «Это-то и спасеніе наше», говоритъ Русскій баринъ В. А. Шереметевъ: «законы не исполняются». Однако, и теперь есть явленія, по которымъ можно, если не видѣть, то подозрѣвать вліяніе общихъ началъ. Такъ напр., стремленіе къ чтенію, умноженіе Французскихъ книжныхъ лавокъ и огромное количество Французскихъ книгъ въ обращеніи, въ виду нищеты самостоятельной литературы; ропотъ на упадокъ ремеслъ отъ соперничества иностраннаго ввоза, на дурное управленіе государственнымъ имуществомъ отъ недостатка мѣстныхъ элементовъ, ропотъ на несостоятельность системы наказаній въ новомъ Уложеніи отъ несоотвѣтствія ея съ народной жизнью. Обращаясь къ народному образованію, не могу не высказать опасенія, что лицеи и гимназіи со временемъ сдѣлаются совершенно военно-учебными заведеніями генерала Ростовцева. Наружная чистота, видимый порядокъ и поверхностное ученіе при военныхъ экзерциціяхъ и при неразумномъ энциклопедизмѣ могутъ развиться до крайности. Ученіе и ученыя степени, со времени Петра, у насъ имѣютъ общественное, политическое значеніе; а между тѣмъ правительство не принимаетъ въ этомъ дѣлѣ никакого участія и, издавъ положенія или программы, думаетъ, что оно сдѣлало все, что нужно. Поэтому между средними и высшими (особенно высшими) учебными заведеніями нѣтъ никакого единства: такъ дурной студентъ въ

Казани дѣлается прекраснымъ въ Дерптѣ или Харьковѣ. Надзоръ порученъ попечителямъ или губернаторамъ: ищите единства въ ихъ направленіи! Общихъ началъ у этихъ лицъ нѣтъ никакихъ. Это безначаліе особенно ощутительно съ того времени, какъ назначаются военные попечители. У меня служили многіе кандидаты университетовъ П—цевъ (Моск.), М—овъ (Харьк.), П—ій (Дерпт.). Это такое невѣжество, такое неосновательное мышленіе и отсутствіе знаній, что, при всемъ стремленіи моемъ выставить университетскихъ передъ правовѣдами, я долженъ былъ отказаться вести людей, падающихъ, несмотря на помочи. Возстановленіе указа 1809 и надзоръ за утвержденіями въ степеняхъ, едва ли не были бы полезнѣе Іюльскаго манифеста 1845 года.

Князь Меншиковъ отправленъ въ Константинополь для переговоровъ о святыхъ мѣстахъ, а ведетъ переговоры совсѣмъ о другомъ: о правахъ и покровительствѣ Греко-россійской церкви. Люисъ, Кларендонъ это видятъ, объ этомъ пишутъ, а спрашивать о поводахъ этихъ переговоровъ не считаютъ нужнымъ. Вѣнскій дворъ, держась по прежнему неопредѣленной середины, принимаетъ на себя посредничество и, составя ноту, по Французскому проекту, безъ участія Турціи, предлагаетъ ее на одобреніе Россіи и вызываетъ съ обѣихъ сторонъ такіе колкіе отвѣты, что можно думать, по крайней мѣрѣ, объ охлажденіи сношеній. Однако нѣтъ: Государь ѣдетъ въ Ольмюцъ. Императоръ Австрійскій и король Прусскій посѣщаютъ его въ Варшавѣ. Что̂ все это значитъ?... Я обѣдалъ сегодня у старика Кочубея, и рѣчь шла о значеніи Турціи. Великіе люди наши, противъ Англійскаго проекта о Греческой Имперіи подъ покровительствомъ Великобританіи, полагаютъ устроить конфедерацію изъ всѣхъ отдѣльныхъ провинцій Европейской Турціи подъ главнымъ управленіемъ представителей Русскаго правительства въ Константинополѣ. Не время всему этому, думаю я.

Инспекторъ Училища Правовѣдѣнія, Рейцъ прислалъ мнѣ для прочтенія свое мнѣніе о лучшемъ распредѣленіи занятій въ училищѣ съ прибавкою еще одного года для выпускныхъ воспитанниковъ. Все это хорошо, но все это pia desideria добраго Нѣмца и Нѣмецкаго профессора. Онъ считаетъ училище высшимъ святилищемъ правовѣдѣнія; но какая нужда была въ этомъ учрежденіи при пяти факультетахъ университета? Никакой! Рейцъ хочетъ сравнить заведеніе это съ университетомъ; но могутъ-ли воспитанники закрытаго заведенія заниматься такъ самостоятельно, какъ студенты? Никогда! И съ чего взято мнѣніе, что правосудіе могло быть отправляемо, какъ выражается Рейцъ и какъ, очевидно, думали основатели, юношами, принадлежащими къ высшему сословію? Совмѣстенъ-ли трудъ съ возможностью обойтись безъ труда?

Декабрь. Большой ропотъ возродила такса на извощиковъ въ Петербургѣ, мѣра существующая во всѣхъ столицахъ и во многихъ губернскихъ городахъ. Вѣрно мы уже очень привыкли роптать! Опасаются, что извощики всѣ разъѣдутся, если не отмѣнятъ таксы. Конечно такса въ настоящее время налоговъ и дороговизны вышла не совсѣмъ кстати, въ таксѣ можно бы было поставить болѣе опредѣлительные размѣры, напр. по времени года и т. п.; но все-таки нельзя не благодарить г. Бибикова за приведеніе этой мѣры въ исполненіе.

Я писалъ отчетъ по моему департаменту и, кончивъ, думалъ: послать-ли мнѣ этотъ вздоръ, этотъ гадательный сборъ, эту ложь, или рѣшиться написать и послать правду? Я бы рѣшился написать правду, но дойти до правды невозможно. Централизація, стянувъ вещи, выперла, выворотила ихъ и, истощивъ въ нихъ всю живую силу, вынужденная ограничиться однимъ формализмомъ, невольно обращается съ самымъ наглымъ презрѣніемъ съ этими цифрами, таблицами. Читая въ Наказѣ Екатерины главу о томъ: Европейское-ли государство Россія, я не удивился встрѣтить это сомнѣніе въ умѣ великой Германки, но удивился причинамъ, которыми она удовлетворялась для разрѣшенія этого вопроса. Конечно, вѣра и языкъ, мѣстность, соплеменничество съ западными Славянами склоняютъ насъ къ Европѣ или, правильнѣе, отличаютъ отъ Азіи; но эти безграничныя пространства, это присоединеніе кочующихъ ордъ подъ одну державу, поглощеніе церкви государствомъ, особенно привычка къ произволу и взяточничество—что́ тутъ Европейскаго? Съ XVII ст. мы несомнѣнно желаемъ принять Европейскую образованность, но въ чемъ? Въ одномъ наружномъ! Посмотрите на право, на проповѣдь, посмотрите на добросовѣстность чиновника, купца, пахаря и даже солдата. Старикъ Сенъ-При говорилъ мнѣ, когда мы видѣлись у покойной Плюсковой въ 1841 г.; что «теперь, связанный родствомъ и привычкой, онъ не думаетъ бѣжать изъ Россіи, но оставить ее, какъ неудобную гостинницу, всегда желалъ и желаетъ». Въ 1850 году пріѣзжалъ изъ Варшавы Т. (онъ въ Польшѣ начальникъ Округа Путей Сообщенія) и, проживъ нѣкоторое время, послѣ немногихъ соприкосновеній съ нашими правителями и управляющими, неоднократно говорилъ мнѣ при встрѣчѣ у А. В. Дашкова и С. П. Шипова: «Еслибы мнѣ пришлось прожить у васъ нѣсколько лѣтъ, я бы задохся или убѣжалъ въ пустыню». Что̀ говорятъ, что́ чувствуютъ Русскіе, поживъ въ чужихъ краяхъ и пріѣхавъ въ Россію? Что̀ пишутъ о насъ наши лучшіе поэты: Кантемиръ, Фонъ-Визинъ, Пушкинъ, Гоголь? Что́ говорилъ К. Брюловъ, изнывая здѣсь со всей своей Итальянской славой?

СУДЕБНЫЕ ПРОЦЕССЫ 1853 ГОДА.

Январь. Дѣло князей Голицыныхъ [1]). Министръ рѣшилъ дѣло въ пользу князя Антона, кажется, не согласно съ волею Государя. Дѣло перенесено въ Госуд. Совѣтъ, гдѣ оно произвело много шума. Въ департаментѣ возбужденъ вопросъ: можетъ-ли министръ юстиціи дѣлать предложенія Сенату, когда онъ разсматриваетъ дѣло, какъ верховный совѣстный судъ? По гражданскимъ дѣламъ это по закону не опредѣлено, но по уголовнымъ министръ всегда имѣлъ и имѣетъ это право. Въ общемъ собраніи большинство членовъ Г. Совѣта, по существу дѣла, противъ министра. Судя однако по ходатайствамъ, Государь будетъ противъ министра, т.-е. противъ себя. Въ засѣданіи 17 Марта, 32 голоса противъ министра, который вмѣстѣ съ Апрѣлевымъ и similibus [2]) не набралъ болѣе 8. Государь согласно съ большинствомъ Совѣта рѣшился утвердить большинство Смоленскаго собранія и сенаторовъ, т.-е. признать имѣніе родовымъ. Это дѣлаетъ честь Государю.

Февраль. Дѣло графа Орлова. По городу ходятъ слухи и толки о пасквилѣ, который посланъ Государю и графу Орлову о томъ, что ни тотъ ни другой не понимаютъ, какъ управлять, а также о запечатанныхъ шинкахъ (съ арестомъ откупщиковъ и отдачею въ арестантскія роты сидѣльцевъ), въ которыхъ пьянствуютъ по ночамъ гвардейскіе солдаты. Толки громкіе и для многихъ злорадостные. Въ городѣ говорятъ, что одно письмо, по городской почтѣ, дошло до графа Орлова; а другое, на имя Государя, принято отъ какого-то мальчика; но передавшій ему не захваченъ. Начались розыски. Тайная полиція приступила къ сличенію почерковъ въ гимназіяхъ, корпусахъ, университетѣ, въ лицеѣ. Генералъ Дубельтъ ничего не нашелъ, кромѣ „разныхъ“ книгъ въ столахъ, но на это не обращено вниманія. Говорятъ, что подозрѣніе падаетъ на одного Семеновскаго офицера.

Дѣло Политковскаго. Умеръ тайный совѣтникъ Политковскій, правитель Комитета Инвалидовъ. Онъ извѣстенъ былъ своей открытой жизнью, картежной игрой и роскошью. Еще при его жизни разнеслись слухи о недостачѣ денегъ въ комитетѣ. Говорятъ, что послѣ этихъ слуховъ удостовѣрились въ вѣрности ихъ и нашли все въ цѣлости. Скончался—недосчитываются отъ 800 т. до 1,200,000 р. Все это вѣроятно. Государь запретилъ нести при похоронахъ звѣзды и ордена, а также и участвовать членамъ канцеляріи въ шествіи за гробомъ. На имущество служащихъ и бѣдныхъ членовъ (они же не вѣдаютъ, что творятъ) наложено запрещеніе; у самого покойнаго открыты одни долги. Говорятъ, что еще прежде контроль замѣтилъ значительныя наличныя суммы и требовалъ отсылки ихъ въ

---

[1]) См. Р. Архивъ 1888, I, 627—628.

[2]) И ему подобными.

банкъ. Помогъ Брискорнъ: онъ далъ мнѣніе о безполезности контроля въ настоящемъ его положеніи. Огромный домъ этого Брискорна купилъ Политковскій и отдалъ зятю...... Говорятъ это теперь. Отчего не ранѣе? Политковскій давно боленъ, и было время говорить: жизнь его была видна всѣмъ. Всѣ звали его Монте-Кристо. Почти всѣ играли съ нимъ; рѣдкіе не обѣдали. Государь очень разсерженъ. Но кто же виною?.... Слѣдствіе производятъ: генералъ-адъютанты Анненковъ и Игнатьевъ и бывшій генералъ-контролеръ Христіани. На членовъ налагается взысканіе. Разжаловано пять генералъ-адъютантовъ. Назначенъ верховный уголовный судъ. Государь боленъ [3]. Преступленіе совершено очень дерзко, и попустилъ его графъ Чернышовъ. Дѣло Политковскаго такъ всѣхъ занимаетъ, что покушеніе на молодаго Австрійскаго императора почти никого не поразило. Арестованные генералы наши упали духомъ. Когда объявили объ арестѣ и судѣ генералу Граббе, онъ приказалъ подать шпагу, полученную имъ за Венгерскую кампанію. Генералъ Мандерштернъ, одинъ не арестованный, просилъ подвергнуть и его общей мѣрѣ. Жена генерала Арбузова пріѣхала въ гостинный дворъ и сказала купцамъ, чтобъ они не вѣрили въ долгъ ни ей, ни ея дочерямъ, потому что все ихъ имѣніе подъ запрещеніемъ. Адмиралъ Колзаковъ отдалъ казнѣ 30 т. р., сказавъ: „Вотъ все что я сберегъ въ теченіи пятнадцатилѣтней службы". Старикъ Ушаковъ заболѣлъ опасно. Не даромъ Брискорнъ такъ жарко, въ разговорахъ въ общемъ собраніи, защищалъ отчеты Политковскаго. Въ бумагахъ послѣдняго найдены поправки рукою товарища контролера. Третьяго дня бумаги Брискорна опечатаны. На пополненіе расхищенныхъ суммъ купечество Московское дѣлаетъ значительные сборы. Надобно замѣтить, однако, что все это дѣлается не вслѣдствіе участія къ инвалидамъ и къ подсудимымъ генераламъ, а просто по вызову графа Орлова и графа Закревскаго для доставленія удовольствія Государю. Пожертвованія купечества у насъ часты и велики. Купечество молодаго государства, получая вообще несоразмѣрные проценты, охотно сдается на подобные вызовы; потомъ оно увеличиваетъ барыши, и увеличиваетъ ихъ или необдуманнымъ рискомъ, или мошенничествомъ. Особенно въ Москвѣ этотъ классъ требовалъ бы не вызововъ на пожертвованіе, а внушеній порядка и умѣренности. Предсѣдатель Ушаковъ исключенъ изъ службы и подвергнутъ аресту въ крѣпости на шесть мѣсяцевъ. Адмиралъ Колзаковъ уволенъ. Оба отвѣчаютъ въ суммахъ по исчисленію по ихъ части. Мандерштернъ и Арбузовъ допущены къ должностямъ. Граббе и Зассу сдѣланы строжайшіе выговоры. Вѣроятно будутъ еще смягченія. Можетъ быть, возвратятъ и эксельбанты.

Дѣло Пинскаго. Жена сенатора М. М. Карніолинъ-Пинскаго осуждается за прелюбодѣяніе и сокрытіе беременности. Жена эта—Наденька, дочь Ек. Сем. Гагариной. Она знакома мнѣ съ 1834 года. Пинскій ведетъ дѣло не тамъ, гдѣ должно, начавъ превращаетъ его въ уголовное, а превративъ въ

[3]) См. нашъ сборникъ „Девятнадцатый Вѣкъ", кн. I, стр. 350. П. Б.

уголовное, даетъ ему ходъ обвинительный (какого и Французскій прокуроръ не въ правѣ давать въ такомъ видѣ), пользуясь услугами своихъ подчиненныхъ, Калайдовича и Оголина. Слѣдствіе ничего точнаго и требуемаго по законамъ XV тома не открыло, и вездѣ видны то подлогъ, то ложь, то умолчаніе, то низкая уклончивость. Дѣло рѣшено въ 5 департаментѣ и, по пересмотрѣ въ общемъ собраніи, въ слѣдствіе Высочайшаго повелѣнія, отъ коммисіи прошеній пришло на Консультацію. Пинскій писалъ къ кн. П. П. Гагарину (такъ какъ кн. Гагаринъ по желанію хорошенькой Софьи Ломоносовой вмѣшивался въ дѣло) съ просьбой не принимать въ дѣлѣ участія. Дѣло рѣшается въ Госуд. Совѣтѣ; одни полагаютъ признать Надежду Ивановну прелюбодѣйкой, другіе—оставить въ подозрѣніи. Вѣроятно Государь утвердитъ послѣднее; оно же согласно съ мнѣніемъ министра. Я признавалъ ее виновною; хотя статьи XV тома не подходятъ, но поведеніе этой женщины грязно и отвратительно. Большинство полагаетъ оставить въ позорѣніи, а нынѣ въ ходу большинство.....

ИЗЪ ДНЕВНИКА И ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ГРАФА П. Х. ГРАББЕ.

1829 годъ.

1-го Генваря 1829-го года. Вторникъ. На балѣ у каймакама Гики встрѣтилъ новый годъ довольно пріятно. Возобновилъ знакомство съ прежними товарищами по артилеріи: подполк. Вальцомъ, Быковымъ, Старынкевичемъ. Сегодня они всѣ были у меня. Обѣдъ у г. Гейсмара. Я опять многими обойденъ въ производствѣ. Германъ, агентъ Сербіи, пріѣхалъ и навѣстилъ меня съ Мавросомъ. Два письма г. Ланжерона къ Гейсмару, одно весьма важнаго содержанія. Отвѣтъ ему. За вистомъ, меня не занимавшимъ, непреодолимое уныніе, всѣми замѣченное, овладѣло мною.

5-го. Вчера оттепель. Письмо г. Гейсмара къ г. Палену о продовольствіи. *Constitutionnel* сравниваетъ сраженіе подъ *Боилештами* съ побѣдами Суворова подъ Фокшанами и Рымникомъ, и справедливо.

6-го. Пріятный обѣдъ съ гр. Толстымъ и бар. Черкасовымъ. Германъ, агентъ Сербіи и Энгельгардъ. Вечеръ у г. Гейсмара. Письмо г. Ланжерона, которымъ извѣщаетъ, что г. Дибичъ показалъ неудовольствіе, не нашедши меня между произведенными въ генералъ-маіоры въ приказѣ 6-го Декабря; онъ полагаетъ, что по моемъ производствѣ, котораго г. Дибичъ будетъ просить Государя, я безъ затрудненія назначенъ буду начальникомъ штаба къ г. Гейсмару. Письмо къ г. Ланжерону Гейсмара обо мнѣ съ просьбою еще написать къ Дибичу. О продовольствіи. Сегодня къ Милошу Обреновичу князю Сербскому.

7-го. Балъ у Гейсмара, иллюминація. На вензеловомъ щитѣ въ честь г. Гейсмару, предъ домомъ каймакама, надпись: Il est venu, il a vu, il a vaincu. По утру водоосвященіе; сдѣлано 30 пушечныхъ выстрѣловъ, отъ которыхъ стекла въ нѣсколькихъ домахъ разсыпались. Письмо къ И. В. Шатилову о картахъ Европейской Турціи и памятной книжкѣ, въ департаментѣ издаваемой. Донесеніе прикащика отъ 1-го Мая вчера только получилъ. Приняты по необходимости строгія мѣры для отвращенія недостатка по продовольствію войскъ. Все то, чтò остается у обывателей запасовъ, кромѣ нужнаго для посѣва и пропитанія ихъ до урожая, должно быть объявлено подъ штрафомъ конфискаціи и обращено въ магазины по цѣнѣ противъ обыкновенной, въ краѣ существующей, гораздо превосходной и тотчасъ чистыми деньгами выплачиваемой.

8-го Генваря, 1829-го года. Вчера морозъ градусовъ 12. Поутру у г. Толстаго и г. Гейсмара. Обѣдъ у меня съ каймакамомъ Гикой, г. Толстымъ, б. Черкасовымъ, Плещеевымъ и Энгельгардомъ. Вечеръ у г. Гейсмáра заключилъ не совсѣмъ здоровый.

9-го. Вчера морозъ градусовъ 13. Обѣдъ у г. Толстаго съ генераломъ Плохóвымъ, каймакаймомъ, Черкасовымъ, Германомъ, Плещеевымъ, очень пріятный. Вечеръ у Гейсмара. Двѣ піесы на гитарѣ съ точностію, но безъ выраженія и на дурномъ инструментѣ Барановымъ, штабъ-лекаремъ Каргопольскаго драгунскаго полка. Письмо къ г. Ланжерону о продовольствіи.

Подражáніе Коллину.

Свой гнѣвъ воздержи; ты долженъ меня, достойный, любить.
Покорной Музы велѣнью, прочелъ я насмѣшливу пѣснь.
Недавно, въ безмолвную ночь, тревожной дремотой объятый,
Сидѣлъ я, оплакивалъ вѣкъ, который рабовъ лишь родитъ.
Рабски живетъ человѣкъ и дѣйствуетъ рабски.
Звуки лишь вторя, какъ робко влачится пѣвецъ!
Отъ Гема, отъ Эбро, отъ По, отъ Инда и Окса,
Срываетъ отвсюду цвѣты; но вянутъ они у него,
Ибо растительный сокъ, вдохновенія пламя,
На почвѣ родной жизни цвѣтамъ не даетъ.
Чтò въ древности мужа священнымъ огнемъ воспаляло,
Чтò въ жизнь, въ искусство изящные виды вводило?
Отчизна, чести порывы, на небо стремленье —

Сухія названья теперь, пустой преходящій лишь звукъ.
Если жъ звучитъ ихъ еще нѣжнѣй одаренная лира,
Вздохъ умирающій то, стенящій звонъ камыша:
Не возбуждаетъ безсильный ни къ дѣлу, ни къ пѣснѣ.
Тише и тише во гробъ нисходитъ свободы кумиръ.
Такъ сѣтовалъ я и взрыдалъ.—Вдругъ струнъ недовольныхъ раздался
Страшно-шумящій орканъ, вдали какъ бурный потокъ,
И Музы узналъ я воззванье, Музы, внушавшей Тиртею
Пѣснь пламенной битвы, побѣдную гордую пѣснь.
Внезапно, молньей слетѣвши отъ неба ночнаго,
Со взоромъ палящимъ грозно представъ предо мной:
Безумный, громко вѣщала, суетный, робкій,
Ты мыслишь быть мужемъ одинъ въ сей бурѣ временъ.
Для жалобы ль тщетной дала я тебѣ звучащія струны?
Сильно ударь въ нихъ, возбудь стрѣлой пѣснопѣнья
Мужества духъ, доблести чувство, къ свободѣ любовь
Во внемлющемъ сердцѣ! Далеко раздастся твой кликъ.
Пусть тотъ, кто мнитъ одинъ быть, товарища радостно узритъ,
И доблестныхъ душъ да возстанетъ твердый союзъ!
Достойнаго самъ отыщи, который ничтожному скрытый
Тихо для лучшихъ временъ высокія силы хранитъ... *)
Мужа такого узнать примѣтамъ тебя я наставлю;
Не лживы онѣ, ты въ памяти ихъ сохрани.
Молча бродитъ охотно въ толпѣ онъ пестрой народа
Тихо; лишь зритель, въ свѣтъ не мѣшается онъ;
Нескромный вопросъ односложно и гордо онъ гонитъ,
Неприступенъ и крутъ, подобно скалѣ между волнъ.
Холоденъ, мраченъ кажется онъ, людей ненавистникъ.
Но скоро другое покажетъ потупленный взглядъ,
Слезу уронившій, слезу святаго участья,
Укажетъ груди волненье и сжатыя руки,
Когда лира поетъ упадшихъ народовъ позоръ!
Но такъ является скорбь, нескрытая сила.
Для того смѣло, пѣвецъ, ты тонъ свой возвысь,
Міръ покоренный воспой, Цесаря волѣ послушный,
И въ рабствѣ всеміріомъ Катона на лирѣ прославь,
Который какъ Римлянинъ жилъ, свободно, какъ Римлянинъ, умеръ.
Смотри, вдохновенный онъ жметъ тебя къ сердцу, вскричавъ:
Поприще дайте лишь мнѣ, хотя бы смерть тамъ найти!
Свой гнѣвъ воздержи; ты долженъ, меня, достойный, любить
И скоро со мной съединясь, пѣснью на пѣснь отвѣчать.

---

*) Подлинникъ слѣдующихъ девяти стиховъ приведенъ въ Записной книжкѣ графа П. Х. Граббе выше (стр. 3) подъ 22-мъ числомъ Апрѣля 1828 года. Въ выборѣ перевода очевидное примѣненіе къ самому себѣ. *П. Б.*

10-го Генваря. Прекрасный солнечный день съ морозомъ градусовъ 13. Катанье въ саняхъ съ г. Толстымъ. Обѣдъ у г. м. Плохова въ томъ же обществѣ. Вечеръ у Гейсмара. Пріѣздъ Муханова. Любопытныя извѣстія о предстоящихъ перемѣнахъ въ главномъ начальствѣ арміи. Письмо къ г. Ланжерону. Рапортъ Киселеву; оба о продовольствіи. Слова обо мнѣ сего послѣдняго въ письмѣ его къ г. Ланжерону.

12-го. Поутру полковникъ Бургграфъ, сегодня пріѣхавшій, навѣстилъ меня; потомъ Гейсмаръ съ Прибытковымъ. Обѣдъ у Гейсмара. Съ курьеромъ повелѣніе отправиться подъ Турно и письмо генерала Германа содержанія страннаго, изъ котораго видно, что онъ самъ съ генераломъ Малиновскимъ спѣшитъ туда, чтобы до прибытія Гейсмара предпринять штурмъ противъ крѣпости. Завтра мы ѣдемъ однако туда; баронъ Черкасовъ отправится впередъ; съ нами графъ Толстой, Мухановъ, баронъ Корфъ. Ужиналъ у Гейсмара. Получилъ журналъ дѣйствій минувшей кампаніи отрядовъ Гейсмара для сочиненія исторіи оной.

13-го выѣхалъ съ генералъ Гейсмаромъ изъ Краіова въ Турно. На второй станціи въ Бальшѣ свѣдали, что мостъ на Ольтѣ у Слатина тронувшимся льдомъ сорванъ. Въ Ипотешти переправились пѣшкомъ чрезъ Ольту по льду. 14-го ночью пріѣхали въ Рушедеведе; нашли тамъ генерала Германа. Неточный и мало понятный разсказъ приступа къ укрѣпленію Кале, въ ночи съ 12-го на 13-е полками Шлиссельбургскимъ и Ладожскимъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Малиновскаго взятаго. Поѣздка въ Кале и подъ Турно. Кровь еще не успѣла засохнуть на снѣгу около рва и внутри укрѣпленія. Храбрые даже не прибѣгнули къ лѣстницамъ, а вскочили на бастіонъ по штыкамъ, вонзая ихъ между плитъ каменной одежды эскарпа. Два орудія конной роты подполк. Брыгина подъ начальствомъ пор. Менцинскаго (изъ первыхъ съ охотниками на валъ вскочившаго и загвоздившаго Турецкія орудія) ворвались быстро въ укрѣпленія и убійственнымъ огнемъ въ ворота мечети заставили заперевшихся въ ней и ружейнымъ огнемъ большой вредъ причинявшихъ пашу и около 360-ти оставшихся Турокъ просить пощады. Около сорока орудій, значительное количество снарядовъ и съѣстныхъ припасовъ найдено въ укрѣпленіи. Оно подъ близкимъ выстрѣломъ Никополя и дальнимъ Турно и сохранено

быть не можетъ. Теперь служитъ къ пресѣченію сообщенія сей послѣдней съ правымъ берегомъ; два редута на Дунаѣ и одинъ въ устьѣ Ольты довершаютъ оное. 22-го выѣзжалъ Измаилъ-бей, Албанецъ, для переговоровъ, предлагая сдачу чрезъ 20 дней. Приступъ, воспрещенный генераломъ Ланжерономъ и безъ того неминуемою сдачею крѣпости (съѣстныхъ припасовъ дней на 10 только имѣющею) отмѣненъ. 23-го выѣхалъ съ генераломъ Гейсмаромъ, дѣлами отозваннымъ, въ Краіовъ. Ольту переправились по льду подъ Фундоворникулу, вдоль по Ольтѣ, въ Чилени, въ Бабичи, въ 6 ч. вечера въ *Каракалъ*: 60 верстъ ровной и безлѣсной плоскости. Станція Лео, и Краіовъ въ 3 ч. ночи. Всего 110 верстъ. Еще изъ-подъ Турно къ г. Дибичу и Ланжерону донесенія о положеніи дѣлъ. Здѣсь получилъ письма отъ тещи, А. И. Маркевича, брата Карла и сестры. Послѣ обѣда опять выѣзжаемъ къ Турно, куда и г. Ланжеронъ прибылъ.

3-го Февраля. Воскресенье. 25-го прошедшаго мѣсяца въ 3 ч. по полудни, вдвоемъ съ Гейсмаромъ выѣхали изъ Краіова и ночью въ 5 ч. пріѣхали въ с. Шагарцы, подъ Турно. Поутру 26-го прибылъ туда же и г. Ланжеронъ. Обнаруженный эгоистъ. Въ продолженіе ночей отъ 16-го до 22-го, по распоряженію Гейсмара и подъ надзоромъ генералъ-маіора Малиновскаго, крѣпость Турно стѣснена системою редутовъ, изъ которыхъ, начиная отъ Кале на пушечный выстрѣлъ отъ оной на Дунаѣ одинъ, отъ него далѣе къ устью Ольты другой, и на таковой же отъ сего послѣдняго третій въ устьѣ Ольты на правомъ берегу оной. Сими трудными по весьма суровому времени работами достижена совершенно цѣль—отрѣзать крѣпости всякое сообщеніе съ правымъ берегомъ Дуная. Чтобы придать вѣсу переговорамъ, построена сверхъ того въ 250-ти саженяхъ отъ сѣвернаго полигона крѣпости батарея, вооруженная отчасти Турецкими взятыми въ Кале орудіями и одною гаубицею. Дѣйствіе оной было вредно для гарнизона. Для прочнаго сообщенія Кале съ войсками на позиціи, на высотахъ Могурели оставшимися, построенъ на половинѣ разстоянія между оными редутъ. Все это было окончено, когда г. Ланжеронъ прибылъ, и гарнизонъ, доведенный до крайности, началъ переговоры съ г.-адъютантомъ Гейсмаромъ. 30-го, заключена послѣ долгихъ затрудненій капитуляція, Гейсмаромъ съ пашей, аяномъ Сельвы-Ахметъ агою, Зопиръ-агою, начальни-

комъ Албанцевъ и другими чиновниками подписанная, и Гейсмаръ, вдвоемъ со мною, опередивъ 9-й егерскій полкъ, при пушечной, сильной, но безвредной пальбѣ съ батарей праваго берега Дуная, въ виду собранныхъ въ Никополѣ Турецкихъ войскъ, въѣхалъ въ Турно посреди гарнизона, доведеннаго до отчаянія, но роптавшаго. Скоро вступилъ 9-й егерскій полкъ и занялъ главные ворота и прилежащіе къ нимъ два бастіона. Хотя гарнизонъ выпущенъ свободно, но пріѣхавшій къ намъ на другой день Ахметъ-ага, страшась за свою голову, просилъ принять его подъ покровительство Россіи. Мурза-бей, начальникъ Крымскихъ Татаръ, послѣдовалъ его примѣру. Приверженцы Ахмета, догадываясь о его намѣреніи, прислали къ нему объявить, что они готовы послѣдовать его судьбѣ.—Дунай сталъ въ ночи съ 31-го на 1-е Февраля; но переправа будучи еще недовольно надежна, Гейсмаръ потребовалъ для избѣжанія могущихъ случиться послѣдствій отъ Турокъ, преданныхъ безначалію, тотчасъ уступить намъ цитадель и пороховой погребъ, на что они немедленно согласились. Между тѣмъ сдѣланы распоряженія на случай покушеній со стороны Турокъ переправиться на нашу сторону. 1-го, въ 3 ч. по полудни, окончивъ все, выѣхали изъ Шагарцовъ; а въ 7 ч. утра возвратились въ Краіовъ. Корнетъ Гейсмаръ посланъ въ Петербургъ съ ключами крѣпости. Ему даны отъ меня письма къ Шатилову и брату Карлу. Сегодня получилъ отъ послѣдняго мои книги и чаю чрезъ капитана Михаловскаго.

4-го Февраля. Понедѣльникъ. Болѣе 20 градусовъ морозу вчерашняго утра и сильной во весь день. Ясной, тихой, прекрасный день Русской зимы. Обѣдъ и ужинъ у Гейсмара. Разстройство духа, не смотря на частый и невольный смѣхъ. Послѣднія, крайнія мѣры для заготовленія продовольствія. Оно раздѣлено за положенную плату на лудры, здѣшнія тягла. И другой отъ начатія войны великій визирь смѣненъ Решидъ-пашею. Нелѣпости въ газетахъ, смѣха достойныя. На острову противъ Калафата шевелятся. Созрѣваютъ новыя происшествія, ежели Богу угодно, для насъ счастливыя.

5-го Вторникъ. Вчера прекрасный зимній день. Утромъ у Муханова, у г. Толстаго, потомъ до обѣда у п. Глазенапа. Не узналъ жену его, которую дѣвушкой зналъ. Portefeuille его. Обѣдъ у Гейсмара. Въ саняхъ въ мастерскія, гдѣ дѣлаются лодки,

веревки, катки; потомъ верхомъ на Брюнетѣ съ г. Толстымъ съ большимъ удовольствіемъ. Вечеръ у Гейсмара. Ген.-маіоръ Ширманъ. Бумаги къ фельдмаршалу и г. Палену.

Colomb. Washington-Irving. C'était un de ces génies fortement trempés qui semblent se former tout seuls; qui, parce qu'ils ont eu à lutter, dès leur entrée dans le monde, contre des difficultés et des privations de tout genre, acquièrent le courage d'affronter les obstacles, et une facilité remarquable à en triompher dans tout le cours de leur vie. Ces sortes d'hommes apprennent à effectuer de grandes choses avec de faibles moyens, suppléant à ce qui leur manque par les ressources qu'ils puisent dans leur énergie et dans leur imagination. Ce fut à toutes les époques, depuis le premier pas qu'il fit dans la carrière, le trait le plus remarquable de l'histoire de Colomb. Dans toutes ses entreprises l'exiguïté et l'insuffisance apparente des moyens qu'il mit en oeuvre, rehaussent encore la grandeur et le mérite de ce qu'il vint à bout d'accomplir.

Les leçons dures et variées de sa jeunesse lui donnèrent cette science pratique, cette fertilité de ressource, cette résolution indomptable, cet empire constant sur lui-même qui le distinguèrent dans la suite. C'est ainsi que les fruits amers de l'expérience deviennent un aliment salutaire pour le génie vigoureux qui sent ce dont il est capable.

Ainsi occupés, ils échapperaient à l'oisiveté, qu'engendre une longue paix, l'oisiveté, cette lime sourde qui ronge peu à peu la force et la valeur d'une nation.

Il est étonnant combien les destinées d'une empire dépendent parfois des qualités d'un individu et combien une grande âme peut, en combinant, en excitant, en dirigeant les ressources cachées d'une nation, lui imprimer en quelque sorte le sceau de sa grandeur. De tels êtres réalisent l'idée d'anges gardiens, commis par le Ciel pour veiller sur les destinées des empires.

Il eut à lutter contre les sarcasmes des hommes frivoles et dédaigneux, un des plus grands obstacles que le mérite modeste puisse rencontrer dans une cour.

Ce fut un vendredi, le 3 août 1492, de grand matin, que Colomb mit à la voile pour son premier voyage de découverte. Il partit de la barre de Saltes, petite île formée par le bras de l'Odiel en face de l'île d'Huelva et, portant au sud-ouest, il se dirigea vers les Canaries, d'où son intention était de cingler droit à l'ouest.

6-го Февраля. Середа. Прекрасный, теплый день. Утро съ Коломбомъ. Визиты съ Гейсмаромъ: Глазенапу, Леману и Мавросу. Пріѣздъ Турецкаго муллы отъ Юсуфъ-паши. Обѣдъ у Гейсмара. Зависть противъ него шипящая. Вечеръ у него. Генералу Ланжерону о благовременной присылкѣ отдѣленій піонеровъ и понтоновъ. Прогулка послѣ обѣда въ саняхъ за городъ до Чернёлъ, потомъ верхомъ съ графомъ Толстымъ, Глазенапомъ и Веригинымъ къ Житянамъ на Эммѣ, очень пріятная.

On peut mesurer la barbarie d'un peuple sur l'indifférence où il est relativement à sa situation. Du moment qu'il s'en occupe, on peut juger favorablement de sa civilisation et de ses progrés.

7-го Февраля. Четвергъ. Вчера оттепель. Часть утра съ Коломбомъ. Revue Encyclopédique. Письма къ матери, сестрѣ и брату. Рано позванъ къ Гейсмару. Бумага графа Витгенштейна съ объявленіемъ о волѣ Государя, чтобы приготовленія къ постройкѣ моста были поручены Гейсмару и что на этотъ предметъ назначенъ къ нему въ отрядъ конно-піонерный эскадронъ. Отвѣтъ г. Витгенштейну. Обѣдъ у Гейсмара. Прогулка въ саняхъ къ Житянамъ. Нѣсколько страницъ въ энциклопедическомъ разборѣ. Вечеръ у Гейсмара. Разстройство духа. Tyrtée. Trad. de Divof.

Les principes du mal ont une funeste activité, et tandis que l'homme le meilleur ne peut souvent avec les plus grands efforts faire qu'un peu de bien, il semble que l'être le plus vil ait le pouvoir de causer des maux incalculables.

10-го. Прекрасное утро; часть съ Коломбомъ, другую поневолѣ дома. Визиты не во время п. Глазенапа, Лемерна, г.-м. Плохова. Прибавленіе къ газетѣ „Allgemeine Zeitung" весьма любопытное. Опредѣленіе задачи, предстоящей Европейскимъ державамъ относительно новаго положенія Греціи и настоящей войны Россіи съ Турціей, съ изложеніемъ разныхъ гипотезъ, которымъ она можетъ подать поводъ, весьма хорошо написано. Обѣдъ у Гейсмара. Курьеръ. Секретное повелѣніе, въ слѣдствіе коего отношеніе къ Сербіи должно принять желаемое давно направленіе. Неудобства, возникающія для подчиненнаго, который мимо посредствующихъ властей обращается къ верховной.

Съ Нѣмецкаго Гердера подражаніе Испанскому для обработанія.

La Moldavie produit aussi beaucoup de chevaux; les plus estimés viennent des montagnes; ils sont de petite taille et ressemblent beaucoup pour la force et la vitesse aux chevaux russes. Ceux que l'on élève dans les plaines sont plus grands. On en rencontre de sauvages sur toutes les frontières, dont une partie se tue à la chasse pour servir d'alimens *). Les ânes et les *mulets* sont aussi beaux ici qu'en Italie. Les bestiaux sont forts surtout en Grèce et en Valachie. On compte plus de 30,000 bêtes à cornes qui sortent de la Valachie pour la Bosnie, d'où elles passent à Constantinople. Les paturages et les prairies y sont si bons et si renommés que les voisins mêmes y conduisent tous les ans plusieurs milliers de chevaux et de nombreux troupeaux de moutons pour y engraisser.

Une production merveilleuse de la Valachie c'est une cire verte, ouvrage d'une espèce d'abeilles plus petite que les abeilles ordinaires. Elle se recueille sur certains arbustes, où ces industrieux insectes viennent la déposer; on en fait des bougies qui étant allumées exhalent un parfum des plus agréables.

Les rivières de la Valachie roulent des paillettes d'or qui sont recueillies par les Bohémiens errants. Cette province possède également du sel fossile.

Les défilés entre la Valachie et la Transylvanie ont une grande importance politique et militaire; chemins commerciaux pour la monarchie Autrichienne, ils en sont aussi des points de défense militaire. Les principaux celui de Botza, celui de la Tour-Rouge, d'où commence le chemin carolinien, ouvrage immense, mais aujourd'hui negligé, de m-r de Stainville, Français au service de l'Autriche, celui de Torzburg et celui de Vulcan.

14-го Февраля. Valentini. Éviter les longs campements autant que les marches forcées, et quand les premiers deviennent indispensables, lors des sièges, par exemple, d'entretenir les soldats dans une activité convenable par des travaux utiles. Les Français ont éprouvé en Égypte qu'un emploi modéré des forces physiques et morales conserve la santé. Lorsque la peste se mit dans leur armée, les troupes du génie et de l'artillerie, continuellement occupées à la construction des retranchements ou dans les ateliers, s'en préservèrent assez bien, tandis que ceux qui dans l'inactivité et le repos s'abandonnaient à la crainte de la maladie en furent les premières victimes.

---

*) Quelle sottise!

On a fait la remarque qu' à l'exception de Montecuculli et du prince Eugène, les généraux qui avaient obtenu des succès contre les Turcs n'ont pas soutenu leur réputation lorsqu'ils ont eu affaire à d'autres nations. Mais il est peut-être vrai aussi que celui, qui veut appliquer contre les Turcs les principes suivis dans des guerres régulières, sans prendre en considération la nature particulière de leurs troupes, sera tantôt trop circonspect, tantôt trop téméraire, tantôt trop prompt, tantôt trop lent, et c'est ce qui est arrivé au général en chef russe Kamensky.

Большое производство за сраженіе подъ Боилешти; я пропущенъ. Valentini. Верхомъ съ г. Толстымъ.

13-го Февраля. Пятница. Туманъ. Сильное разстройство духа. Трогательное участіе Гейсмара. Г. Дибича ожидаютъ на-дняхъ въ Яссы. Фельдмаршалъ намѣренъ оставить армію. Письмо Киселева къ Гейсмару. Верхомъ съ г. Толстымъ,

16-го. Непреодолимое уныніе. Послѣдняя непріятность раскрыла всѣ душевныя раны, потерями и несчастіями нѣсколькихъ лѣтъ причиненныя. Сегодня рѣшился остаться дома, чтобы въ занятіи и уединенномъ размышленіи искать успокоенія. Утро прошло пріятно. Гейсмаръ навѣстилъ меня.

17-го. Воскресенье. Дождь и грязь. Утро и вечеръ дома. Обѣдъ у Гейсмара. Разстроенное согласіе. Мрачное расположеніе духа. Schiller's Leben und Wirken von Greiner глубоко заняли нѣсколько часовъ дня, пробудили давно дремлющія чувства изящнаго и настроили къ правильному размышленію.

28-го Февраля. Четвергъ.

ПОДЛИННАЯ ЗАПИСКА О СЕРБІИ Г. РОДОФИНИКИНА ВЪ 1808-мъ ГОДУ *).

О границахъ.

Границы Сербскія желательно было бы опредѣлить древнія, каковыя, не имѣя вѣрныхъ картъ, не могу о семъ предметѣ донести положительно. Извѣстно однако, что со стороны Босніи рѣка Дрина есть натуральная граница; слѣдственно кр. Соколъ, на сей сторонѣ лежащая, должна бы быть очищена отъ Турковъ. Со стороны Албаніи городъ и малая крѣпость Скопія, Турками еще занятая, должна бы быть пограничная собственность Сербовъ; а потому и городъ Новый Базаръ, за сею крѣпостію внутрь Сербіи лежащій, должны уже Турки упразднить. Со стороны Македоніи великій хребетъ горъ, раздѣляющій сію провинцію отъ Сербіи, есть древняя граница. Городъ и кр. Нисса, Турками владѣемая, нынѣ до самой Софіи была древнее достояніе Сербовъ.

Со стороны Виддина, если сей городъ со всею Булгаріею долженъ остаться въ Турецкомъ владѣніи, желательно было бы рѣку Тимокъ имѣть границею. Владѣнія же Турецкія на Дунаѣ, какъ то *Ада-Кале* и большой островъ, полезнѣе было бы присоединить къ Валахіи, нежели къ Сербіи, ибо тѣмъ Сербы могутъ быть обуздываемы.

Заключенія г.-фельдмаршала князя Прозоровскаго **).

Возобновленіе древнихъ границъ Сербіи нахожу по настоящимъ обстоятельствамъ невозможнымъ, и требованіе о томъ даже могущимъ

*) Родофиникинъ былъ начальникомъ нынѣшняго Азіатскаго департамента въ Петербургѣ, а князь А. А. Прозоровскій главнокомандующимъ въ тогдашней нашей войнѣ съ Турками. *П. Б.*

**) Эти заключенія напечатаны здѣсь мельче. *П. Б.*

вредить интересамъ Государя Императора въ пріобрѣтеніи границъ Россійскихъ по рѣку Дунай. Но надлежитъ стараться дать Сербамъ пристойную границу и нѣкоторыя крѣпости, кои возможно будетъ при трактованіи имъ исходатайствовать; другія же можно для обѣихъ сторонъ уничтожить; а затѣмъ прочія оставить Турецкому правительству.

Можно постараться о пріобрѣтеніи границы по рѣку Тимокъ; но кр. Виддинъ должна остаться въ Турецкомъ владѣніи. Согласно съ мнѣніемъ г. Родофиникина, въ сей статьѣ изложеннымъ, я полагаю, что сіи владѣнія Турецкія должны присоединены быть къ Валахіи.

О торговлѣ.

Турки не могутъ на долгое время быть въ безопасности въ Сербіи; слѣдственно, для избѣжанія всякихъ справедливыхъ причинъ къ жалобамъ со стороны Турокъ, желательно было бы постановить, чтобы никто изъ Магометанъ не имѣлъ права переходить границу Сербскую, прочимъ-же подданнымъ Турецкимъ Христіанскаго исповѣданія путь можетъ быть открытъ; какъ равномѣрно желательно было бы исходатайствовать свободу и Сербамъ производить торговлю въ Турецкой имперіи и пользоваться защитою Россійскихъ—министра и консуловъ, платя за товары пошлины наравнѣ съ Россійскими подданными.

Князь Прозоровскій.

Не можно почесть правосуднымъ, чтобы Туркамъ возбранить въѣздъ въ Сербію для торгу, а Сербамъ позволить пребываніе по сему предмету въ Турецкихъ владѣніяхъ. Во всѣхъ таковыхъ случаяхъ постановленія должны быть обоюдны; но защита и покровительство Россійскаго посольства могутъ быть выговорены.

Родофиникинъ.

Сверхъ сего, предоставить Сербамъ право имѣть собственную монету.

Князь Прозоровскій.

Исходатайствованіе сего пункта трудно, и я не вижу, какая бы особая для Сербіи отъ того польза произойти могла.

О политическихъ сношеніяхъ Сербіи съ другими державами.

До сего въ Сербіи не было ни дипломатическаго, ни торговаго агента другихъ державъ. Желательно было бы, чтобы таковыхъ до времени не принимать здѣсь; по крайней мѣрѣ необходимо нужно удалить дипломатическихъ, съ характеромъ коихъ соединено право быть часто въ обществѣ правителя земли и другихъ старѣйшинъ, каковое право подастъ имъ болѣе возможности полагать препоны къ водворенію дѣятельнымъ образомъ вліянія Россіи на сей край. Иностранные агенты найдутъ здѣсь теперь большую возможность чинить противное желаніямъ нашимъ. Невозможно думать, чтобъ Австрія не старалась уменьшить наше здѣсь вліяніе; ибо безъ всякаго сомнѣнія видитъ, что укоренивши мы здѣсь оное, пріобрѣтаемъ знатную надъ нею поверхность и при всякомъ случаѣ, при коемъ рѣшилась бы сія держава дѣйствовать противъ Россіи, можемъ ей возбудить внутренняго врага, который часто опаснѣе внѣшняго. Видитъ также Австрійское министерство, что край сей, будучи смеженъ съ Босніей, Албаніей, Македоніей и Булгаріей, представляетъ намъ всѣ желаемыя возможности, если за благо признано будетъ возбудить другихъ Черныхъ Георгіевъ и дѣлать что̀ хочемъ въ Европейской Турціи, не подавая никому ни малѣйшей причины къ жалобамъ.

Князь Прозоровскій.

Въ семъ пунктѣ мысль г. Родофиникина основательна и неоспорима. Но съ другой стороны, если признавать Сербію уже особою державою, то не знаю, какимъ образомъ возбранить ей принимать агентовъ другихъ державъ. Кажется, однакоже, можно поставить, что они не должны приниматься безъ согласія Россійско-Императорскаго двора, подъ покровительствомъ коего обрѣтаются. Нельзя не согласиться съ проницательнымъ и дальновиднымъ въ семъ пунктѣ сужденіемъ г. Родофиникина. Вкорененіе вліянія Россійскаго въ Сербіи будетъ чрезвычайно важнымъ, особливо во время войны между Россіею и Австріею, и послужитъ всегда къ обузданію сей послѣдней державы и къ удержанію ея даже отъ вчинанія войны. Турція же будетъ, такъ сказать, подъ распоряженіемъ Россійскаго двора.

Родофиникинъ.

Дабы уменьшить на первый разъ причину политической вражды Австрійцевъ, не безполезно было бы согласиться на выдачу имъ бѣглыхъ, хотя сіе покажется тягостнымъ и здѣшнимъ и Австрійскимъ Сербамъ.

Князь Прозоровскій.

Заключеніе сіе не соотвѣтствуетъ первому. Если Австрійскихъ Сербовъ выдавать, то они же преисполнятся злобою противъ насъ, и тогда потеряны будутъ изъ виду средства къ достиженію оной цѣли, которая въ предъидущемъ пунктѣ описана. Можно поставить выдачу военныхъ дезертировъ изъ однихъ регулярныхъ войскъ, Австрійскіе же Сербы суть войско поселенное.

О верховной власти.

Въ семъ краѣ чистое демократическое или аристократическое правленіе теперь существовать не могутъ. Нуженъ князь; быть ему избираемымъ. Правда, что откроется путь къ раздорамъ и подастся поводъ почасту посягать на жизнь князя, въ землѣ, гдѣ убить человѣка почитается весьма малымъ грѣхомъ. Но также признать его наслѣдственнымъ въ лицѣ Чернаго Георгія; статься можетъ, чрезъ то положится нѣкоторый камень преткновенія для дальнѣйшихъ видовъ нашихъ, кои по обстоятельствамъ родиться могутъ.

Князь Прозоровскій.

По невѣжеству, въ которомъ народъ сей погруженъ и по наклонности его къ раздорамъ и безпокойствамъ, въ самомъ непросвѣщеніи источникъ свой имѣющимъ, я, согласно съ мнѣніемъ г. Родофиникина, полагаю, что въ Сербіи не можетъ быть другаго правительства кромѣ самовластнаго, и слѣдовательно надобенъ князь или властитель съ наименованіемъ, какое положится. Пусть соотвѣтственно желанію народа утвердится Черный Георгій, но надобно уже ему быть наслѣдственнымъ: ибо въ противномъ случаѣ при всякой перемѣнѣ властителя произойдутъ не только внутренніе раздоры, но интриги отъ многихъ дворовъ, а особливо отъ Порты Отоманской, которая силиться будетъ ввести туда Грека изъ Фанаря, на что Сербы

ни подъ какимъ видомъ согласиться не могутъ. Австрійскій дворъ равнымъ образомъ и съ своей стороны много интриговать будетъ. Слѣдовательно, дворъ Россійскій будетъ находиться въ безконечныхъ затруднительныхъ хлопотахъ. Особо будетъ мною сказано о воспитаніи сына Чернаго Георгія въ С.-Петербургѣ; внушивъ ему воспитаніемъ приверженность къ Россіи, онъ, наслѣдуя отцу, можетъ отечеству нашему быть полезенъ. Но при всемъ томъ надлежитъ установить въ Сербіи Совѣтъ въ видѣ Сената, въ которомъ предсѣдательствуетъ князь, а подъ нимъ имѣетъ мѣсто засѣданія Россійскій консулъ или агентъ въ тѣхъ случаяхъ, когда надобность того потребуетъ. Сей послѣдній можетъ ограничивать самовластіе князя и удерживать отъ поступковъ противныхъ интересамъ Россіи. Сей пунктъ не можетъ быть пріятенъ Австріи. Портѣ позволить можно имѣть агента или повѣреннаго въ дѣлахъ въ Виддинѣ. Симъ средствомъ, кажется, можно будетъ и владѣльца содержать въ надлежащихъ предѣлахъ его власти. Еслибы предполагать помѣщеніе Россійскаго гарнизона въ Бѣлградѣ, то на сіе Порта Отоманская ни подъ какимъ видомъ не согласится, да и Австрійскій дворъ возопіетъ; но необходимо нужно учредить гарнизонъ изъ самихъ Сербовъ, образовавъ ихъ въ регулярные баталіоны; Россійскій же дворъ можетъ снабдить ихъ офицерами, давая избраннымъ къ тому чиновникамъ (въ числѣ коихъ должны быть также изъ инженернаго и артилерійскаго корпусовъ) абшиды, съ коими они яко бы по собственному желанію вступятъ въ службу Сербскую. Всѣ крѣпости въ Сербіи должны быть во владѣніи Сербовъ и заняты ихъ гарнизонами, буде можно регулярными; но можетъ быть нужно будетъ снабдить ихъ отъ России артилеріею для крѣпостей, порохомъ, ядрами и бомбами.

О законахъ.

Здѣсь теперь судятъ по обычаямъ; законы же однако наилучше было бы ввести Россійскіе, избравъ тѣ, кои для нихъ нужны.

Князь Прозоровскій. На сіе положеніе я согласенъ.

Дань Портѣ Оттоманской.

Таковая желательно было бы, чтобъ не превышала ста тысячъ піастровъ, каковую сумму Порта до сего не имѣла, если принять въ уваженіе издержки, кои она чинила на содержаніе крѣпостей и прочаго.

Слово дань тяжкимъ покажется всѣмъ Сербамъ; получивъ здѣсь о томъ извѣстіе, Черный Георгій можетъ податься, не обдумавши, на многія неистовства. Для сего самаго нужно бы непремѣнно, чтобы онъ былъ на сей случай при в. с., и при сообщеніи ему сего пункта велѣть объяснить, что дань таковая полагается платить не для Сербовъ, но для Болгаръ и Босняковъ, кои переселились въ Сербію и кои, не пользуясь высочайшимъ покровительствомъ, должны бы быть возвращены Портѣ; но Россія и сію милость являетъ Сербамъ, оставляя спокойными означенныхъ переселенцевъ; а потому и Сербія во взаимство должна согласиться платить за нихъ налагаемую дань.

Князь Прозоровскій.

Сербы ни для чего подъ Австрійскою державою быть не согласятся; присоединить же Сербію Россіи не можно по положенію ея на правомъ берегу Дуная; и такъ остается только одно средство: постановя особое правительство въ Сербіи, оставить ее подъ покровительствомъ Порты Отоманской, ибо подданными ея Сербы быть не захотятъ. Въ такомъ положеніи могутъ они платить Портѣ денежную дань такимъ образомъ какъ въ мнѣніи г. Родофиникина описано; но по моему мнѣнію нужно будетъ еще сверхъ того опредѣлить дань хлѣбнымъ зерномъ, къ нѣкоторой замѣнѣ того, что̀ Порта получала изъ сихъ княжествъ, бывшихъ, такъ сказать, кормилицею даже самого Константинополя. Хотя же комерція по Дунаю возстановится и прежній комерческій трактатъ возобновится, такъ что они въ состояніи будутъ пріобрѣтать здѣсь хлѣбъ, но не иначе какъ покупкою, что̀ самой потери ихъ замѣнить не можетъ. А потому назначеніе хлѣбной дани отъ Сербовъ, думаю я, можетъ при трактованіи послужить къ скорѣйшему склоненію Турковъ на уступку намъ границы по Дунай.

О податяхъ.

При Туркахъ всякая семья платила въ годъ до 40 піастр.; таковыхъ семействъ считалось 20 т.; теперь это число удвоилось. Сверхъ того мужеской полъ отъ 8-ми лѣтъ и выше платилъ *харачъ* по 3 піастра. Также собираема была десятая часть со всякаго рода хлѣба, снимаемаго съ земли и съ винограду. Была полагаема также подать на скотъ по двѣ пары. Таможни, теперь приносящія до 80 т. піастровъ (ибо взяли на откупъ

сами поглавари) приносили при Туркахъ почти вдвое болѣе. Со времени возстанія, народъ давалъ ежегодно десятину съ хлѣба; одинъ только разъ собрано съ него для нуждъ общихъ до полмилліона піастровъ и двадцатая овца и коза для войска. Если подати назначены будутъ Россіею, учинится непріятное народу; по моему мнѣнію лучше было бы предоставить князю и Сенату установить таковыя подати и тогда испросить высочайшаго утвержденія отъ всеавгустѣйшаго покровителя Сербіи; а въ признаніи Россіею вольности сего народа постановить, чтобы ни князь, ниже другое какое лицо не имѣли права употреблять народъ на работы свои. Тогда, сіе будетъ принято Сербами величайшею милостію, отъ Россіи дарованною; а подати, кои учредятся, будутъ собираемы, какъ тягость, отъ собственнаго ихъ князя и правительства налагаемая. Однѣ только общія работы, какъ-то исправленіе дорогъ, мостовъ и прочаго, должны быть производимы народомъ.

Край сей весьма плодороденъ, изобилуетъ лѣсами и скотоводствомъ, слѣдственно при спокойномъ положеніи можетъ платить безъ отягощенія большія подати, такъ что денежныя не нужно будетъ уменьшать какъ одною третьею частію противу того что̀ было платимо Турецкому правительству.

Князь Прозоровскій.

Естьли Богу угодно будетъ пріобрѣсть для Россіи границу по Дунай и покровительство надъ Сербіею, тогда надлежать будетъ съ большимъ примѣчаніемъ учреждать правленіе здѣшнихъ земель. Кажется, должно будетъ раздѣлить оныя на четыре губерніи, составя одну изъ Бессарабіи, другую изъ Молдавіи, третью изъ Большой, а четвертую изъ Малой Валахіи. Въ послѣдней долженъ быть губернаторъ человѣкъ со свѣдѣніями, поелику оная граничитъ съ Австріею и Сербіею. Надъ всѣми же должна быть одна главная власть или генералъ-губернаторъ, который бы въ тоже время былъ и начальникомъ войскъ, въ землѣ расположенныхъ. Ибо если различные будутъ начальники военный и гражданской, то каждый будетъ защищать свою команду, и родятся между ими безпрестанно непримиримые раздоры, влекущіе за собою естественно вредъ общій. Равнымъ образомъ и таможни въ семъ краю должны состоять подъ надзоромъ генералъ-губернатора, поелику безъ того, по отдаленности отсюда министра

комерціи, могутъ произойти распри съ Портою Отоманскою. По дѣламъ же до таможень касающимся можетъ генералъ-губернаторъ сноситься съ министромъ комерціи.

Родофиникинъ.

Имѣется въ землѣ олово въ изобиліи. Около Сокола въ прошедшемъ году сплавлено нѣсколько тысячъ окъ. Недалеко отъ Бѣлграда равномѣрно начали нынѣ сплавливать олово; не говоря о серебряныхъ рудникахъ, о коихъ ничего положительнаго не знаю, скажу только о мѣди, которой Турки по секрету отъ Порты продавали знатное количество изъ здѣшней земли. Слѣдственно и сія статья увеличитъ доходы правительства.

Князь Прозоровскій

Сербы называютъ свинецъ оловомъ, а потому полагать должно, что они здѣсь разумѣютъ свинецъ.

О судебныхъ мѣстахъ, существующихъ нынѣ въ Сербіи.

1. Судъ сельскій: оный составленъ изъ попа, кнезя или старосты сельскаго и двухъ или трехъ кметовъ, т.-е. выборныхъ изъ крестьянъ. Сіи всякій праздникъ даютъ судъ по выходѣ изъ церкви. Кто рѣшеніемъ сего суда недоволенъ, предстаетъ предъ

2-й судъ, составленный изъ кнезя отдѣленія, изъ двухъ или трехъ кметовъ и изъ священническаго намѣстника. Кто рѣшеніемъ сего суда недоволенъ, тотъ идетъ въ

3-й судъ, состоящій изъ поглаваря, т.-е. начальника нахіи, изъ одного кнезя, изъ трехъ или четырехъ кметовъ, одного священника, священническаго намѣстника и протопопа. Рѣшеніемъ суда недовольные просители идутъ въ Правительствующій Совѣтъ, котораго рѣшеніе уже никто перемѣнить не долженъ.

Въ семъ Совѣтѣ признанъ былъ предсѣдателемъ верховный комендантъ, членами выборные изъ каждой нахіи по одному.

Сверхъ сихъ судовъ учреждены по всѣмъ городамъ магистраты для сужденія купеческихъ дѣлъ; они же вѣдаютъ и полицію по городу.

Для дѣлъ церковныхъ относительно до поведенія священниковъ, до школъ, до разводовъ и до женитьбы учреждены также три суда:

1-й составленъ изъ намѣстника, изъ двухъ священниковъ и изъ двухъ кметовъ.

2-й судъ составленъ изъ протопопа, изъ одного намѣстника, двухъ священниковъ, одного кнезя и двухъ кметовъ.

3-й судъ состоитъ изъ архіерея, двухъ протопоповъ, двухъ намѣстниковъ, двухъ священниковъ, одного начальника нахіи, два кнезя и два кмета.

И наконецъ, кто симъ судомъ недоволенъ, приноситъ жалобу въ Правительствующій Сенатъ.

Примѣчанія.

1. Нынѣ учредить другаго рода присутственныя мѣста весьма трудно, по малоимѣнію въ землѣ людей, умѣющихъ читать и писать; нужно, кажется, токмо было бы возстановить и утвердить сіи и воспретить, чтобъ никто, минуя нижнія мѣста, не прибѣгалъ прямо въ Совѣтъ или къ верховному коменданту, какъ сіе нынѣ дѣлается. Выше сказано слово *возстановить*, потому что по большой части сіи судебныя сборища нынѣ не въ силѣ.

2. Въ Бѣлградѣ существующій Правительствующій Совѣтъ, переименовавъ Судомъ Народнымъ, раздѣлить на два департамента: 1-й уголовныхъ и 2-й гражданскихъ дѣлъ. За симъ учредить Правительствующій Совѣтъ или Сенатъ, въ коемъ опредѣлить членами всѣхъ главныхъ поглаварей, какъ-то: Якова Ненадовича, кнезя Симу, Миленка Стойковича, Милана, Младена, Петра Теодоровича и Луку Лазаревича, съ тѣмъ чтобы на убылыя мѣста въ Сенатѣ сему самому избирать трехъ кандидатовъ и представлять князю на усмотрѣніе опредѣлить изъ тѣхъ трехъ, кого заблагоразсудитъ. Назначивъ сихъ поглаварей членами Сената и опредѣливъ конституцію власть онаго и власть князя-правителя, какъ равно степень вліянія Россійскаго чиновника, надѣяться должно, что всей Сербіи частные поглавари, кои разсѣяны по городамъ и деревнямъ, менѣе представятъ затрудненій ко введенію устройства.

Выше въ число сенаторовъ помѣщается Младенъ на тотъ случай, если найдется приличнымъ съ обстоятельствами удалить кого либо изъ нездѣшнихъ. Старѣйшина сей безъ сомнѣнія умнѣе Чернаго Георгія и другихъ многихъ; но къ несчастію признаетъ позволительными всѣ средства, ведущія къ обогащенію и къ владычествованію. Оставивъ же его, нужно непремѣнно:

1) Объявить всеобщее забвеніе всего прошедшаго и постановить актомъ, чтобы въ пересмотрѣніе учиненнаго Совѣтомъ по день введенія новаго образа правленія, не имѣлъ права никогда вмѣшиваться.

2) Отличить его какимъ либо высокомонаршимъ даромъ; тогда обезпечась, его душа относительно до прошедшаго, можетъ быть, найдется довольною спокойнымъ наслажденіемъ пріобрѣтенныхъ богатствъ.

3) Небезполезно было бы, кажется, на членовъ Сената возложить и частныя должности, какъ-то: *одного* назначить блюстителемъ правосудія, къ коему могъ бы прибѣгать прямо всякій угнетаемый по нахіямъ нижними судами и пр. *Втораго* великимъ казначеемъ, которой бы вѣдалъ массу доходовъ и расходовъ. *Третьяго* главнымъ попечителемъ по воинской части, въ вѣдѣніи коего войско, продовольствіе онаго и крѣпости. *Четвертаго* хранителемъ печати. *Пятаго* попечителемъ торговли и иностранцевъ.

4) Смертную казнь, которую здѣсь хладнокровно принимаютъ, полезнѣе было бы отмѣнить и ввести наказанія въ Россіи употребляемыя для преступниковъ.

Изъ судовъ по дѣламъ церковнымъ полезнѣе было бы исключить свѣтскихъ; въ Бѣлградѣ же учредить Духовную Консисторію, которой теперь не имѣется, и если не будетъ противно политическому положенію дѣлъ, то оставить церковь Сербскую въ духовной зависимости отъ Святѣйшаго Россійскаго Синода; патріарху же Константинопольскому въ дѣла оной не вмѣшиваться.

——

4-го Февраля. Понедѣльникъ. Со вчерашнимъ курьеромъ два письма Ланжерона съ копіею письма отъ Дибича къ г-лу Гейсмару. Слово обо мнѣ, что Государю неугодно было произвести меня за прошедшую кампанію; но что онъ Дибичъ надѣется при первомъ отличіи моемъ мнѣ эту справедливость доставить. Впрочемъ въ должность начальника штаба, если Гейсмаръ пожелаетъ, я вступить могу. Сильный пароксизмъ лихорадки. Новая перемѣна видовъ относительно Сербіи, опять на бездѣйствіе обрекаемой. Прощальное слово Ланжерона къ Гейсмару и войскамъ. Мухановъ и потомъ Глазенапъ провели у меня вечеръ.

Thierry, Lettres. La gloire n'est point une ombre vaine. C'est le souvenir de cette gloire qui produit tout l'héroïsme de la nouvelle

Grèce. Tout n'est pas cendre dans les tombeaux de nos pères: ils renferment l'honneur de leur postérité.

15-го Марта. Пятница. Четыре дни тому получено повелѣніе г. Ланжерона вступить мнѣ въ должность начальника штаба отряда. Я остановилъ приказъ, приготовленный о томъ, предпочитая дождаться подтвержденія главнокомандующаго, послѣ стольких доказательствъ продолженія немилости противъ меня. За Боелешти получилъ Владимира 3-й степени вмѣсто Георгія, къ которому былъ представленъ. Орденъ Св. Анны съ алмазами уничтоженъ и замѣненъ еще одною степенью съ короною. Вотъ уже половина Марта, и никакого свѣдѣнія о предстоящихъ дѣйствіяхъ. Отрядъ долженъ ослабить себя полкомъ, назначеннымъ для занятія крѣпости Турно.

17-го Іюля. Садово-Монастырь. Четыре мѣсяца не раскрывалъ этой книги, не ввѣрялъ ей ни впечатлѣній, ни замѣчаній, ни чувствъ своихъ—признакъ сильнаго усыпленія души. Временно пробужденъ я былъ смѣлымъ предпріятіемъ переправы за Дунай и приступомъ къ Рахову. Полный успѣхъ увѣнчалъ его. Реляція, въ вѣдомостяхъ помѣщенная, вѣрно и справедливо изображаетъ главныя обстоятельства этого дѣла. Наградою моею было безмолвное объятіе моего храбраго начальника генералъ-адъютанта Гейсмара въ присутствіи войскъ и военноплѣнныхъ паши и гарнизона, мнѣ сдавшихся. Раненъ пулею въ колѣно, но очень счастливо: ни чашка, ни кость не повреждены. Двое сутокъ порядокъ съ трудомъ возстановлялся. Женъ я самъ оберегалъ; всѣ сохранили что взять съ собою могли. Часть отпущена въ м. Ломъ, другая по собственному желанію послѣдовала за плѣнными ихъ мужьями. Раховъ взятъ 28-го Мая. Тронула меня смерть молодаго Энгельгардта, при мнѣ раненнаго. 8-го Іюня, я ходилъ съ конным отрядомъ на поискъ, переправился въ бродъ чрезъ быстрый Искеръ, нечаянно напалъ на отрядъ Азіятской конницы въ Старо-Сельѣ и разбилъ его. Начальникъ, не хотѣвшій сдаться, убитъ, два знамя и сорокъ человѣкъ плѣнныхъ достались намъ. Черезъ два часа, при с. Оревицѣ, другой отрядъ также разбитъ. Новороссійскій лейбъ-эскадронъ не давалъ пощады. Въ тотъ же день на другомъ бродѣ перешелъ назадъ за Искеръ. Въ ночи съ 9-го на 10-е, въ 15 верстахъ отъ Рахова, отрядъ отдыхалъ на берегу Дунайскаго

лимана, на небольшой площадкѣ, имѣя передъ собою высокій берегъ. Внезапно, неизвѣстно отъ какой причины, всѣ лошади цѣлаго Новороссійскаго полка, казачьи и часть конно артилерійскихъ, дрогнули и какъ молнія помчали дремавшихъ около нихъ людей. Въ одно мгновеніе восемьдесятъ четыре человѣка избитые, изъ которыхъ одинъ на части разорванъ, устлали долину, горы и поле. Два офицера ушиблены больно. Я съ трудомъ оборонился отъ налетѣвшей на меня лавы саблею, устоявъ къ счастью на ногахъ. Маіоръ Петерсъ внезапно очутился при мнѣ и самъ, подвергаясь, охранялъ меня. Нѣсколько дней и пособіе резерва были нужны для приведенія полка въ боевое устройство. Четырнадцать лошадей на смерть убились, слетѣвъ въ овраги; множество ихъ переранено. Всѣмъ до одной пущена кровь. Долго оставалась торопкость во всѣхъ лошадяхъ, и ночь требовала большой осторожности.

23-го, по извѣстію, что Турки переправились подъ Калафатомъ въ Малую Валахію, чтобы отвлечь ихъ опять за Дунай, я выступилъ съ отрядомъ (Томскій пѣхотный полкъ, 6 орудій конной артилеріи, по дивизіону Новороссійскаго и Московскаго драг. полковъ и 150 казаковъ Попова) противъ Цибры. Мѣстоположеніе не допустило нечаяннаго нападенія. Непріятель поспѣшно бросилъ городъ. Казаки въ преслѣдованіи и жаркой перестрѣлкѣ схватили пять человѣкъ въ плѣнъ. Съ разныхъ сторонъ и изъ Лома подоспѣвшія подкрѣпленія усилили непріятеля до 2 т., но все одной конницы. Я получилъ надежду вступить въ дѣло и, пославъ эскадронъ Московскихъ драгунъ въ подкрѣпленіе, велѣлъ наводить на позицію, съ тремя остальными эскадронами и 2-мя орудіями, мною занимаемую; между тѣмъ какъ пѣхота отъ жару и труднаго перехода въ трехъ отъ меня верстахъ отдыхала. Но первые шесть выстрѣловъ разсыпали Турокъ. И подъ Калафатомъ наканунѣ ихъ побили и прогнали. Прекрасна долина Цибры, покрытая наиболѣе абрикосовыми деревьями, виноградниками и красивыми домиками. Городъ, на сожженіе обреченный, какъ необоронявшійся, мною пощаженъ, и даже за пищу для людей заплачено обывателямъ. Двѣ сіи экспедиціи растравили мою неважную, но безпокойную рану. За первую главнокомандующій въ письмѣ къ барону Гейсмару приказалъ меня благодарить.

Давно извѣщали о приближеніи къ Виддину паши Скордскаго съ 30-ю т. 11-го Іюля онъ прибылъ. Вездѣ отъ Чернеца до Виддина слухи о приготовленіи переправиться, напасть на Малую Валахію и въ тоже время приступить къ Рахову. Мостъ нашъ на Дунаѣ противъ сего послѣдняго города бурею въ первыхъ числахъ этого мѣсяца сорванъ: происшествіе, которое весьма измѣнило выгодное до того наше положеніе. Теперь четыре баталіона пѣхоты, дивизіонъ Московскихъ драгунъ, 10 орудій и неполный казачій полкъ оставлены охранять укрѣпленную позицію въ городѣ и предъ онымъ. 24 парома въ распоряженіи сего отряда. Генералъ-маіоръ Ширманъ начальникомъ, пять баталіоновъ пѣхоты, 22 орудія, три съ половиной драгунскихъ полка, казаки Золотарева и Бегидова, всего не болѣе 6 т., выступили и готовы встрѣтить огромную тучу, Малой Валахіи угрожающую. Наступающіе дни важны могутъ быть происшествіями. Богу извѣстно, кого увѣнчаетъ успѣхъ!—Золотарева казачій полкъ весь переправился вплавь черезъ Дунай, *320* сажень шириной.—Язва ужасно свирѣпствуетъ въ Б. Валахіи и Молдавіи.

30-го Мая г. Дибичъ разбилъ великаго визиря подъ Шумлой (Кулевча). 18-го Іюня Силистрія сдалась г-лу Красовскому.

Здѣсь въ 3 ч. утра получилъ отъ барона Гейсмара курьера съ поздравленіемъ съ производствомъ въ генералъ-маіоры и эполеты.

31-го Іюля. Середа. 21-го, по случаю болѣзни г.-м. Ширмана, я отправился для принятія начальства надъ отрядомъ въ Раховѣ. Но въ 6 ч. вечера, вслѣдствіе дошедшихъ извѣстій о намѣреніи паши Скодрскаго переправиться и напасть на М. Валахію, получилъ повелѣніе немедленно оставить Раховъ и переправить отрядъ на лѣвый берегъ Дуная. Въ 7 ч. вечера, при сильной грозѣ и бурѣ, началась и въ 3 ч. пополудни на другой день переправа счастливо и съ соблюденіемъ совершеннаго порядка окончена, благодаря оплошности непріятеля, коего сильная партія, опрокинувъ казачій пикетъ со стороны Цибры (при чемъ убитъ эсаулъ и нѣсколько казаковъ) доскакала до Рахова. 24 парома и нѣсколько лодокъ были употреблены на это. 22-го прибылъ обратно въ Бырзу. Примѣчательный своими удобствами лагерь. Успѣхи малыхъ партій Турецкихъ. Распро-

страняющіяся болѣзни. Баронъ Гейсмаръ въ Краіовѣ. Трудности и недостатокъ продовольствія, предсѣдателю дивановъ Желтухину порученнаго, дѣлаются чувствительны. Дунайскій нашъ мостъ, бурею сорванный, состоялъ изъ 93-хъ лодокъ 12-ти аршинъ длины и четырехъ ширины, что̀ оказалось недовольно прочно. Лодки и верхній мостъ, кромѣ смолы, якорей и части каната, казною доставленныхъ, обошлись около 50 т. піастровъ. Продовольствіе отряда съ 1-го Генваря по 1-е Августа было на попеченіи г-ла Гейсмара. Оно навлекло ему важныя непріятности, хотя онъ безспорно пріобрѣлъ право на признательность вышняго начальства, обезпечивъ оное по самой дешевой цѣнѣ и въ весьма трудное время, когда никто не хотѣлъ взяться за это дѣло. Онъ долженъ былъ отклонить отъ себя эту заботу на дальнѣйшее время.

Графъ Дибичъ вноситъ свое имя въ исторію переходомъ за Балканы. Анхіалосъ, Бургасъ, Мезембрія, Айдосъ въ Ромеліи заняты. Давно нѣтъ извѣстія о дальнѣйшихъ его успѣхахъ. Онъ въ сердцѣ Имперіи, и развязка должна быть близка.

Дунай противъ Рахова имѣетъ 315 сажень ширины.

Младшій мой братъ сдѣланъ флигель-адьютантомъ въ Варшавѣ.

20-го Августа. Лагерь при с. Быркѣ, 18½ верстъ отъ Бырзы, столько же отъ Боелешти. Признаки язвы въ Краіовѣ. Мы въ неизвѣстности о дѣйствіяхъ г. Дибича. Паскевичъ покорилъ Эрзерумъ. 18-го отправилъ довѣренность на совершеніе купчей на Блотницу.

27-го Августа. Третьяго дня на разсвѣтѣ, командуя авангардомъ, изъ 34-го егер. бат. и Томскаго полка состоявшимъ, переправился чрезъ Дунай и опять занялъ г. Раховъ. Турки, въ числѣ 1500, не сдѣлавъ вылазки, ушли.

Графъ Дибичъ 8-го занялъ Адріанополь. За преодолѣніе Балкановъ прозванъ Забалканскимъ.—Переговоры въ Адріанополѣ; все въ готовности, въ случаѣ прерванія оныхъ, къ нанесенію послѣднихъ ударовъ Имперіи. Мы устремились на Софію. Я назначенъ на этотъ случай начальникомъ авангарда.

29-го Августа. Вчера въ 6-ть часовъ пополудни выступилъ изъ Рахова съ авангардомъ, составленнымъ изъ баталіоновъ 34-го егерскаго и Колыванскаго,—оба подъ начальствомъ флигель-

адъютанта полковника г. Толстаго, 6-ть орудій легкой подп. Быкова роты, 60 конныхъ піонеръ, дивизіона Московскихъ драгунъ и казачьяго Золотарева полка съ командою Арнаутовъ. Привалъ въ Быковцѣ. Прекрасная мѣсячная ночь. На разсвѣтѣ перешли по каменному мосту рѣчку Скытъ и, слѣдуя по лѣвому ея берегу вверхъ, оставили по лѣвую руку на противномъ берегу селенія Крушовецъ, Липницу, Галичъ и дошли до с. Альтимыръ, 25 верстъ отъ Рахова, гдѣ, по наступившему зною, остановилъ и расположилъ авангардъ лагеремъ. Булгары съ довѣренностію остаются въ своихъ домахъ. Общій слухъ о возмущеніи въ Константинополѣ, низверженіи султана Махмуда и возведеніи на престолъ 12-ти лѣтняго сына его Гамида.

Получивъ въ 4 часа пополудни извѣстіе, что отрядъ Турецкой конницы пришелъ въ Борованы, я пошелъ съ авангардомъ и въ 7-мь часовъ туда прибылъ; но Турки при появленіи первыхъ казаковъ бѣжали. Борованы большое и богатое скотомъ и хлѣбомъ селеніе. Здѣсь найдено нѣсколько Турецкихъ запасовъ. Край вообще прекрасный, Балканы въ виду и въ близи.

30-го Августа. Повелѣніями изъ Рахова остановленъ въ дальнѣйшемъ слѣдованіи. Турки, жители окрестныхъ селеній, прислали депутатовъ и отдаютъ оружіе.

31-го Августа. Всѣ эти дни безпрерывно прекраснѣйшее время, но нѣсколько часовъ зною. Житель изъ Новачина, что въ горахъ, пришелъ съ извѣстіемъ, что паша Скодрскій съ большими силами въ Софіи и ожидаетъ присоединенія новыхъ.

1-го Сентября. Какъ внезапно опустѣла для меня жизнь! Давно ли супругъ, отецъ, сынъ, и не съ большимъ годъ, тяжелый годъ, перешелъ надо мною, какъ я стою одинокій, ко всему равнодушный, самъ для всего почти умершій, остатокъ, тѣнь, едва тѣнь самого себя. Изрѣдка звукъ оружій возбуждалъ мгновенно мои прежнія силы и вниманіе; голоса одобреній и похвалы раздавались въ слухѣ моемъ, но до сердца едва проникали. Одно изъ рѣдкихъ и важнѣйшихъ позорищъ земныхъ, потрясеніе имперіи подъ ударами меча Россійскаго, имперіи варварской, притѣснительной, ненавистной, едва и то слабо развлекаетъ блуждающую осиротѣвшую мысль.

Гдѣ вы, о неизъяснимыя ощущенія дружбы, любви, довѣренности, самаго страданія среди любезныхъ! Чѣмъ замѣнить васъ,

чѣмъ наполнить? Кому или чему посвятить остатокъ жизни, слабо истлѣвающей, какъ свѣтильникъ, забытый предъ алтаремъ, войною разрушеннымъ?

3-го Сентября. 1-го пришелъ въ Борованы отрядъ; 2-го въ 4 часа утра всѣ вмѣстѣ выступили, пѣхота подъ моимъ начальствомъ, и проходили краемъ прекраснымъ, на дикій садъ похожимъ, до привала при с. Черень, гдѣ на обѣдъ принесли жители персиковъ и винограду. Оттуда, не доходя шести верстъ, съ возвышенія открылась прекрасная равнина между двухъ холмовъ, отдѣльными деревьями, кустарниками покрытая, рѣчкой перерѣзанная, и предъ нами бѣлѣющія гранитныя скалы цѣпи дикихъ Балкановъ, у подошвы коихъ г. Враца съ своими семью мечетями и садами. Видъ прекрасный. Давно густая тѣнь Балкана лежала надъ городомъ, когда мы, еще знойнымъ солнцемъ освѣщенные, любовались этими дикими, но весьма красивыми мѣстами. Турки, усмотрѣвъ насъ на равнинѣ, ушли въ ущелье горъ съ своимъ аяномъ, котораго домъ въ порядкѣ съ диванами, коврами, даже приготовленной баней, принялъ меня съ б. Гейсмаромъ. Всѣ христіанскіе жители и часть Турецкихъ съ епископомъ во главѣ всего духовенства вышли къ намъ на встрѣчу. Христіане изъявляли непритворную и въ присутствіи своихъ притѣснителей опасную радость. Городъ имѣетъ 2 т. домовъ, 4 церкви, семь мечетей и отличныя воды, изъ фонтановъ изобильно біющія. Горная тропинка для пѣшихъ и съ трудомъ для конныхъ ведетъ въ 10-ть часовъ въ Софію, всего 50 верстъ; большою дорогою 16-ть часовъ. Двое въ пѣхотѣ умерли на этомъ переходѣ отъ жару.

3-го Октября.—5-го прошедшаго мѣсяца получилъ я высочайшій приказъ о моемъ назначеніи начальникомъ штаба 7-го корпуса; 6-го, провожаемый Гейсмаромъ и гр. Алексѣемъ Толстымъ, выѣхалъ верхомъ изъ Врацы, ночевалъ въ Борованѣ и 7-го прибылъ въ лагерь при Раховѣ, гдѣ у полковника Лемана въ шалашѣ остановился.

Свиданіе и объясненіе съ Киселевымъ. 8-го на почтовой каруцѣ до Краіова, гдѣ остановился у каймакама Константина Гики, у котораго нашелъ обязательнѣйшій пріемъ. Коляску съ пятью изъ моихъ людей и всѣхъ верховыхъ лошадей отправилъ къ брату въ Могилевъ на Днѣстрѣ. Это быть можетъ ошибка.

9-го выѣхалъ изъ Краіова на своей каруцѣ съ 2-мя человѣками, 10-го къ обѣду въ Букарестъ и прямо къ спатару Александру Гикѣ, мало мнѣ знакомому, но у котораго также нашелъ заботливѣйшій пріемъ. Отъ него узналъ о заключеніи мира. Чрезъ четверть часа послѣ моего пріѣзда умеръ генералъ-м. Андржесковичъ. У книгопродавца Thierry купилъ два сочиненія Исторіи герцоговъ Бургонскихъ Баранта и Революціи Французской Тіера. 11-го выѣхалъ. Обширные сады и огороды Букареста. Прекрасная окружность. Оцѣпленный лагерь. Сильная чума въ Калараше. На разсвѣтѣ переѣхалъ на паромѣ Дунай подъ Гирсовымъ. Опустошенная войной и чумой Булгарія. Русская почта меня порадовала, но только до Варны. Видъ на нее и воспоминанія важныхъ прошлогоднихъ около нея происшествій. Здѣсь починился и отдохнулъ у артилерійстовъ въ лагерѣ, 13-го поѣхалъ далѣе на этапной почтѣ, весьма неисправной. Вездѣ страшные слѣды чумы. Карантинъ на Камчикѣ, гдѣ въ продолженіи окурки вещей отобѣдалъ у пристава Пономарева. На этомъ пространствѣ отобѣдать есть вещь рѣдкая. Въѣхалъ въ Балканы, не имѣющіе въ этой ихъ части вовсе характера значительныхъ горъ. Дорога тѣсна, лѣсиста и камениста, но подъемы и спуски отлоги. Я вездѣ ѣхалъ рысью. 14-го спустился съ послѣдней крутости Балкана къ Бургасу. Видъ на заливъ, покрытый нашими судами и на холмистыя равнины. Здѣсь этапная почта до самаго Адріанополя въ самомъ жалкомъ положеніи. Ямщики и въ помощь данные имъ солдаты изнурены жестокой лихорадкою, повально здѣсь свирѣпствующею. 16-го открылись предо мною высокіе минареты и огромные куполы мечетей Селима и Баязета, потомъ множество другихъ минаретовъ, огромные новые казармы Махмуда и весь Адріанополь съ зелеными своими садами. Заѣхалъ прямо въ главную квартиру, расположенную на острову, въ паркѣ султанскаго дворца, главнокомандующимъ занимаемаго. Всѣ прочіе въ палаткахъ на рѣкѣ Тунджѣ. Я занялъ одну изъ нихъ, благодаря дежурному г-алу Данилевскому, старому моему и хорошему знакомому. Обязательнѣйшій пріемъ г. Дибича. 18-го Пріязненный пріемъ г. Толя. Между тѣмъ какъ я сидѣлъ у него, вошелъ главнокоман-

дующій и кинулся къ нему на шею съ поздравленіемъ о полученіи ратификаціи отъ султана. Обѣдалъ у г. Дибича.

19-го Отправился къ 7-му корпусу въ Мустафа-Пашу на Марицѣ. Ласковый пріемъ командующаго онымъ генерала Ридигера, котораго съ 819-го года не видалъ.

20-го корпусъ возвратился въ Адріанополь. Вступилъ въ должность. Квартира въ казармахъ. Неясное отношеніе къ пашѣ Скодрскому, Филипополь съ войсками занимающему. 28-го репетиція маневру. 29-го назначенъ начальникомъ авангарда, изъ 3-хъ полковъ кавалеріи, одного казачьяго, бригады пѣхоты и 18-ти орудій составленнаго. Прибылъ въ Чирмень по сильному дождю, первому почти въ три мѣсяца. 1-го Октября генералъ Ридигеръ прибылъ въ Мустафа-Пашу и принялъ начальство надъ 7-ю полками кавалеріи, бригадой пѣхоты и 30-ю орудіями, авангардъ арміи составляющими. Я вступилъ опять въ должность начальника штаба.

12-го Октября.—8-го ѣздилъ въ Адріанополь поздравить главнокомандующаго съ полученіемъ фельдмаршальскаго жезла. Останавливался у князя Горчакова. Посѣщенія г. Петру Петровичу Палену, г-мъ Данилевскому и Герману. Г-нъ Ридигеръ по болѣзни оставилъ командованіе генералъ-лейтенанту Рейтерну. 9-го возвратился въ Мустафа-Пашу. Письмо съ Ланскимъ къ Гейсмару. По ночамъ морозы. Вчера письма отъ родныхъ изъ Россіи. Поѣздка къ развалинамъ замка въ горахъ, неизвѣстно какой эпохи. Эта цѣпь горъ носитъ названіе Кара-дагъ. Важная ошибка.

23-го прибылъ въ Бургасъ и за чрезвычайною тѣснотою остановился у коменданта. 24-го у фельдмаршала, пригласившаго остаться на Георгіевскій праздникъ 26-го. 26-го обѣдъ у фельдмаршала съ кавалерами, между коими и нижніе чины разныхъ полковъ. 27-го при ясной погодѣ, хотя съ сильнымъ сѣвернымъ вѣтромъ, отправился въ Ахіоло. Съ удовольствіемъ припомню мою прогулку по берегу Бургасскаго залива, пѣшкомъ и верхомъ, въ память которой взялъ съ собою нѣсколько красныхъ раковинъ и окаменѣлостей. Волненіе или зыбь, почти безъ вѣтра, не позволяло восемь дней лодкамъ приставать къ берегамъ. 28-го остался для сдачи дѣлъ въ 5-ый корпусъ. Обѣдъ у г-ла Логинъ Осиповича Рота. Г-лъ Вахтенъ.

29-го Также къ сожалѣнію принужденъ остаться, пропуская прекрасные, хотя и холодные, дни для перехода Балканскихъ горъ въ слѣдованіи моемъ до Яссъ.

30-го Ноября. Выѣхалъ изъ Ахіоло въ Келелеръ, 25 верстъ; погода холодная и сырая. Въ красивой долинѣ землянки, приготовленныя для главной квартиры. Селеніе Келелеръ у подошвы Балкановъ, раззоренное. Дорогой одною собакою затравили зайца. Нашелъ теплую комнату у казачьяго полковника Кутейникова.

1-го Декабря. Переходъ до Еваджика, 20-ть верстъ чрезъ большой хребетъ Балкана. Прекрасная зимняя погода и укатанная дорога, т. е. гладкій ледъ. Здѣсь начались покинутые обозы 2-го корпуса. Изрядная квартира въ редутѣ. 2-го Чрезъ Арнаутларъ до Камчика 25-ть верстъ, гдѣ сталъ въ Турецкой солдатской палаткѣ, болѣе передъ огнемъ на дворѣ. Не доѣзжая рѣки примѣчателенъ лѣсъ, въ которомъ красивый плющъ и дикій виноградъ вьются иногда до вершины самыхъ высокихъ деревьевъ, которыя часто покрыты бархату подобнымъ мхомъ. Лѣтомъ это должно представлять прекрасный видъ. Ошибка на картѣ верстъ на 30-ть, чѣмъ увеличено разстояніе отъ Камчика до Еваджика. Горные жители носятъ шапки, похожія на Чеченскія и Гребенскія и имѣютъ, какъ говорятъ, въ характерѣ своемъ нѣкоторый духъ независимости и Турками уважаемой.

3-го Декабря. Переходъ черезъ Гассанларъ 15, до Варны 17, всего 32 версты. Углаженная большимъ проѣздомъ хорошая дорога. Прекрасные виды съ горъ на море, особливо на заливъ и на Варну. Свѣжіе слѣды ядеръ и бомбъ въ городѣ. Изрядная квартира, доставившая отдыхъ послѣ вчерашняго лагернаго ночлега. Г-лъ Симишинъ навѣстилъ меня. Г-овъ Головина и Купріянова похвальное усердіе во время чумы. Послѣдній лишился 48-ми человѣкъ прислуги, первый—четырехъ отъ чумы. Стою въ домѣ, гдѣ была жесточайшая, и неочищенномъ.

4-го Выѣхалъ изъ Варны. Взглядъ на крѣпость. Почему атака не была ведена на сѣверный полигонъ къ морю прилежащій, столько выгодъ для владѣющаго заливомъ представляющій и другихъ мѣстныхъ?—Тетекіой, 25 верстъ. Подъемъ подъ Варной и спускъ къ станціи тяжелѣ настоящихъ Балкановъ. Здѣсь конвой, по случаю бывшихъ лѣтомъ разбоевъ, коимъ мѣста весьма способствуютъ. Согрѣвшись въ сырой и душной

землянкѣ и не могши заснуть, я въ 2 часа утра сѣлъ въ каруцу и поѣхалъ далѣе на почтовыхъ. 6-го вышелъ изъ нея уже за Дунаемъ въ Піо-Петри въ 3 часа пополудни, гдѣ землянка просторная и сухая почтоваго смотрителя показалась мнѣ разбитому, озябшему и голодному за прекрасную комнату. Дунай переѣхалъ по льду и съ удовольствіемъ оставилъ за собою пустынную Восточную Булгарію.

7-го. Здѣсь отдохнувъ совершенно, переѣхалъ 4 станціи до Браилова, близъ коего множество могильныхъ крестовъ напоминаютъ еще прошлогоднія кровавыя сцены осады и штурма; въ городъ не въѣзжалъ.

8-го. Рано пріѣхалъ въ Текучь, остановился у коменданта, велѣлъ поставить повозку на сани и къ ночи пріѣхалъ въ Бырлатъ, гдѣ остановился ночевать у коменданта, полковника Платонова, оцѣпившаго свою квартиру противъ чумы, въ городѣ существующей.

10-го. Пріѣхалъ рано въ Яссы, окурившись въ неопрятномъ и сквозномъ карантинѣ. Не засталъ г-ла Ридигера и никого. Долженъ былъ остановиться и обѣдать въ трактирѣ, пока отвели мнѣ квартиру у Баскана, бывшую главнокомандующаго, но ни разу въ зиму не топленую, такъ что я предпочелъ бы всякую другую, менѣе пышную.

11-го. Письма къ брату Карлу, къ Гейсмару, къ г. Ридигеру черезъ Тюфяева, княгинѣ Горчаковой, г-жѣ Добровольской, также отправлены. Оба дни никуда еще не выѣзжалъ. Пользуясь полнымъ досугомъ, возобновляю войной прерванную переписку съ Россіею. Никого, кромѣ коменданта, не видѣлъ. Все озабочено въ городѣ осмотромъ и очищеніемъ послѣ свирѣпствовавшей и не совсѣмъ еще прекращенной чумы.

Въ минувшей съ Турками войнѣ, главными орудіями успѣха подтвердились пика, штыкъ и порядокъ. Пика совершенно оправдала данное ей отъ Монтекукули названіе царицы орудій (reine des armes). Каре въ двѣ шеренги оказались противъ конницы Турецкой весьма достаточными. Отрядъ Малой Валахіи подъ начальствомъ Гейсмара, всегда побѣдоносный, не имѣлъ инаго построенія, какъ двуротныя въ двѣ шеренги каре. Не столько желѣзо, сколько смертоносный для сѣверныхъ жителей климатъ, защищаетъ эту землю. Воюющему въ ней нужно сильное здо-

ровье и при немъ еще большая осторожность въ пищѣ, особливо даже на счетъ спѣлыхъ плодовъ. Армія, переходящая за Дунай, должна имѣть госпитальныхъ запасовъ не менѣе какъ на двѣ трети наличнаго числа людей. Этапы на разстояніи не болѣе 20-ть верстъ, сколь возможно болѣе продовольственными запасами снабженные, особливо фуражными. Почты не менѣе 12-ти троекъ съ строгимъ порядкомъ содержанныхъ. На каждыя четыре—офицеръ. Избѣгать сколь возможно усиленныхъ маршей, чрезвычайно въ этомъ краѣ войско разстраивающихъ; также тяжелыхъ работъ земляныхъ, особливо на мѣстахъ, гдѣ были кладбища. На зимнюю, какъ обѣщали, траву не надѣяться. Зима начинается въ послѣднихъ числахъ Октября дождями. Дороги дѣлаются почти непроходными отъ глинистой почвы. Снѣгъ въ Балканахъ выпадаетъ въ началѣ Ноября, а иногда прежде. За Балканами перемѣнная, то дождь, то снѣгъ, то сухой морозъ, такъ что дорога тамъ не можетъ хорошо угладиться. Турки не ѣздятъ иначе, какъ верхомъ и на вьюкахъ, потому они къ этимъ невыгодамъ равнодушны. Армія же, обремененная многочисленною артилеріею и обозомъ, безъ неизбѣжнаго разстройства не можетъ дѣйствовать въ позднее время года.

Прекрасныя долины Адріанополя, столь здоровыми слывшія, были для насъ особенно смертельны. Нѣтъ болѣе Балкановъ; по крайней мѣрѣ, приморскіе не должно почитать препоной. Гораздо труднѣе по обширности своей пустынныя степи Восточной Булгаріи. Важнѣе становой хребетъ отъ Габрова къ Врацѣ противъ Софіи. Чума есть главнѣйшій бичъ для армій, въ этомъ краѣ дѣйствующихъ.

18-го. Скучно мое пребываніе здѣсь. Теперь не время новыхъ знакомствъ. Однако былъ у бояра Палладіо, который мнѣ сегодня отдалъ визитъ. Пріятной наружности и обращенія человѣкъ. Въ Субботу званъ къ нему на вечеръ. Для разсѣянія одиночества купилъ въ пребѣдной здѣшней книжной лавкѣ „Mémoires de Rapp“, исполненные хвастовства, тону бюллетеней. Лучшее въ нихъ отрывокъ Сегюра о капитуляціи Мака въ 805 и не знаю чье возмущеніе Страсбургскаго гарнизона въ 815 противъ Раппа. Salon de 822 par Thiers. Примѣчательное сочиненіе чистотою и благородствомъ слога, ясностію опредѣленій и здравою и вѣжливою критикою съ тремя литографиро-

ванными рисунками довольно хорошими. Résumé de l'Histoire de la régénération de la Grèce jusqu'en 1825 par Duttey de l'Yonne, три книги, которыя оканчиваю, совѣтуя никому не покупать: торопливый, безъ критики, безъ толку сводъ разныхъ сочиненій о предметѣ; вѣроятно спекуляція какого нибудь книгопродавца. Вотъ однакоже что пособило мнѣ протянуть эти безконечные восемь дней, проведенные въ скукѣ, безпокойствѣ о своихъ, отъ которыхъ такъ давно не имѣю никакого извѣстія; безъ дѣла по неприбытію корпусной квартиры и не имѣя въ городѣ ни одного знакомаго. Къ тому же безъ экипажа, безъ верховыхъ лошадей. Глубокій снѣгъ на улицахъ дѣлаетъ прогулку пѣшкомъ непріятною.

19-го Декабря. Первый обѣдъ здѣсь не одинъ, съ Елисеенко, Новороссійскимъ офицеромъ.

Lorsqu'ils voulaient dire la vérité, ils ne le pouvaient pas; lorsqu'ils ont pu la dire, ils ne le voulaient plus. 1830-й годъ

1830-й годъ.

20 Генваря 1830 года. Ровно мѣсяцъ, какъ я ни слова не ввѣрялъ своей книгѣ. Между тѣмъ корпусный командиръ г-лъ Ридигеръ пріѣхалъ. Штабъ собрался, и дѣла приняли свой ходъ. Прекращеніе чумы—главное наше занятіе. Мы имѣемъ пособіе постоянныхъ морозовъ. Безпорядки въ военномъ гошпиталѣ потребовали мѣръ строгихъ. Наконецъ переписка съ братомъ въ Могилевѣ, хотя непонятно медленно, по причинѣ окурки въ карантинахъ, получила правильное теченіе. Сестра между тѣмъ вышла замужъ за Александра Васильевича Македонца, командира конной артилерійской № 21-го роты. Время бы получить отвѣты и отъ прочихъ родныхъ и знакомыхъ. Во всѣ пѣхотные корпуса начальники штаба назначены. Я только исправляющимъ должность въ Молдавіи. Устроенъ клубъ, изъ котораго первыя фамиліи исключили всѣ прочія по принятому у нихъ обычаю. Послѣ двухъ лѣтъ, проведенныхъ подъ небомъ, на бивакахъ, хорошо освѣщенная зала, красивые наряды и прекрасныя женщины производятъ пріятныя и сильныя впечатлѣнія. Въ Бургасѣ главная квартира продолжаетъ терпѣть важныя лишенія, между тѣмъ какъ мы здѣсь дѣйствительно отдыхаемъ.

25-го Января. Вчера письмо отъ брата Карла и отъ Надежды Николаевны Шереметьевой, первое изъ Россіи, съ моего

прибытія. Балъ у Паллади блестящій, на которомъ до 2-хъ часовъ утра пробылъ. Освѣщеніе, наряды и особливо красота женщинъ примѣчательны.

26-го Отъѣздъ Ф. В. Ридигера, для осмотра войскъ. Завтракъ съ нимъ. Прекрасный балъ въ клубѣ опять до 2 часовъ.

28-го Верхомъ по утру—прекрасный день. Въ 6-ть часовъ вечера совѣщательный комитетъ о заразѣ у вице-президента; у него заключилъ вечеръ.

30-го Кончилъ Discours sur les révolutions de la surface du globe et sur les changements qu'elles ont produits dans le règne animal par *Cuvier*. Сочиненіе примѣчательное, новыя и точныя понятія о столь важномъ предметѣ дающее, на опытахъ и наблюденіяхъ основанное и всѣ предшествовавшія гипотезы, умозрѣніями порожденныя, разрушающее.

1-го Февраля. Письма изъ Могилева. Отвѣтъ чрезъ Скулянскую таможню къ А. И. Маркевичу и его семейству. Вчера балъ у Карно, довольно скучный, рано его оставилъ. Оттепель продолжается. Въ Адріанопольскомъ гошпиталѣ чума. Верхомъ, не смотря на мокрый снѣгъ. Вечеромъ посѣщеніе г. Байкову и вице-президенту Мирковичу.

10-го Февраля. Въ продолженіи прошедшихъ 10-ти дней баронъ Гейсмаръ, ѣдущій на 28 дней въ отпускъ въ Петербургъ, гостилъ у меня три дни. Г-лъ Ридигеръ пріѣхалъ 4-го. Балъ у Паллади блестящій. Въ клубѣ также. Вчера обѣдъ у Ридигера, третьяго дня у митрополита. Дѣла мои собственныя принимаютъ оборотъ выгодный. Письмо отъ П. И. Скоропадской *). По службѣ также. Необходимость, хотя кратковременнаго отпуска, котораго письмомъ и по командѣ прошу у фельдмаршала. Дни хорошаго и ровнаго расположенія духа, не смотря на не весьма твердое здоровье. Письма изъ Секирницъ отъ Н. Маркевича съ присылкою его стихотвореній.

19-го. Карнавалъ прошелъ въ обѣдахъ, балахъ, разстроившихъ мое здоровье, хотя весьма пріятно. Сильныя съ морозомъ вьюги, продолжающіяся вторыя сутки. Вчера два часа утра съ семействомъ доктора Евстафія Роллы. Борьба мучительной стра-

---

*) Первая супруга графа П. Х. Граббе была ур. Скоропадская, вторая— ур. Ролла. *П. Б.*

сти съ разсудкомъ. Давно неизвѣстное мнѣ душевное состояніе. Кто одолѣетъ? Письма отъ добраго моего брата Карла.

2-го Декабря 1830 года. Умань. Едва предъидущія строки не остались послѣдними въ сей книгѣ, такъ давно впрочемъ заброшенной. Слабою еще рукою, послѣ жестокой болѣзни, принимаюсь снова за перо, чтобы обмануть непривычное одиночество, на которое четвертый день какъ я осужденъ отъѣздомъ моей жены въ Яссы. Постараюсь оживить въ моей памяти важнѣйшіе случаи сего протекшаго времени. 13-го Апрѣля я женился. Обрядъ вѣнчанія совершенъ въ Яссахъ въ церкви Св. Спиридона, при стеченіи всего города. Г-лъ Ридигеръ и Емеродъ Бальшъ были посажеными отцомъ и матерью. 23-го выѣхали мы для выдержанія карантина съ войсками. Маленькая изба на берегу Прута приняла насъ. Въ ней прожили мы 20-ть дней, украсивъ ее, сколько возможно было, но наиболѣе нашимъ счастьемъ. Впрочемъ нѣтъ чистыхъ наслажденій: и здѣсь были неудовольствія съ карантинными чиновниками, по поводу свиданій съ родителями и знакомыми, изъ Яссъ пріѣзжавшими. Но пріѣздъ стараго моего знакомаго барона Франка все сладилъ и остановилъ послѣдствія изъ того произойти могшія.—Оттуда въ Кишиневъ; первое тяжебное дѣло въ жизни по Бессарабскому имѣнію моей жены съ ея дядею. Горькія неудовольствія. Скучный городъ. Одно развлеченіе наше были прогулки въ саду публичномъ (память Бахметьева) и въ окружностяхъ города. Онѣ доставили намъ много пріятныхъ часовъ. Беременность, первая, всегда важное и радостное происшествіе для молодой жены.—Давши, какъ я полагалъ, ходъ тяжебному дѣлу, отправились въъ *Вадулеки*, имѣніе Сандулаки, того-же дяди жены моей, гдѣ нѣсколько дней провели пріятно, такъ какъ и въ деревнѣ Донича, также ея родственника. Оттуда въ Могилевъ, гдѣ вступили въ настоящій карантинъ. Отвратительное воспоминаніе перенесенныхъ тамъ непріятностей, доводившихъ меня до бѣшенства, особливо при нездоровьѣ моей жены. Одно утѣшеніе наше были ежедневныя свиданія съ добрѣйшимъ моимъ братомъ Карломъ и первые дни съ сестрою Маріею, вышедшею замужъ за Македонца, съ которымъ я здѣсь и познакомился; но къ сожалѣнію они должны были скоро уѣхать. Наконецъ вѣчные 14-ть дней карантина прошли, и мы переѣхали

въ домъ моего брата, который занимаетъ здѣсь мѣсто начальника округа таможень по Днѣстру.

Въ первой половинѣ Іюля отправились далѣе, пользуясь полученнымъ двухъ-мѣсячнымъ отпускомъ.

Прекрасная Подольская губернія; дорога, послѣ пустынь Бессарабіи и даже живописной, но весьма еще недостаточно обработанной и населенной Молдавіи, показалась намъ, особливо женѣ моей, безпрерывнымъ садомъ. Въ Уманѣ дружеское вниманіе г-ла Ридигера приготовило намъ квартиру въ домѣ графа Потоцкаго, нарочно отказавъ намъ только въ одной кухнѣ. Восемь дней пребыванія здѣсь, чрезвычайно пріятнаго, выгодно подѣйствовали на здоровье моей жены и возвратили ей весь блескъ красоты, прошедшими непріятностями помраченной.

Софіевскій садъ, прежде мнѣ извѣстный, получилъ для меня новую прелесть справедливымъ восхищеніемъ моей жены, мало знакомой съ Европейскими садами, въ числѣ коихъ Софіевка занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Ежедневныя прогулки въ саду, прекрасное время, обѣды и вечера у г-ла Ридигера, общество умнаго и благороднаго г-ла Плахово, нарочно для насъ пріѣхавшаго, прекрасная квартира оставили въ обоихъ насъ пріятнѣйшія воспоминанія кратковременнаго пребыванія въ Умани. Надобно было однако ѣхать далѣе. Второй ночлегъ въ Богуславлѣ на Роси. Здѣсь прекращается почта по прямому направленію на Переяславль. Съ трудомъ досталъ лошадей до села Дударей 55 верстъ, куда пріѣхали однакоже засвѣтло къ родителямъ адъютанта моего Полля, женившагося на второй сестрѣ моей жены. Никого не застали, но часа черезъ два старики пріѣхали. Дружескій пріемъ ихъ. Весьма скромный домъ, при маленькомъ состояніи, исполненный довольства,—слѣдствіе неутомимаго и мастерскаго хозяйства. Но душная спальня лишила насъ сна и, чтобы не подвергаться еще подобной ночи, на другой же день, послѣ весьма хорошаго обѣда, на лошадяхъ старика-генерала, отправились далѣе. Гористыя мѣста, особливо подъѣзжая къ Днѣпру. Переправа на паромѣ подъ Трахтемировымъ. Здѣсь Днѣпръ вѣрно имѣетъ версту ширины. Глубокіе пески по береговой дорогѣ. Уже стемнѣло, когда пріѣхали въ Переяславль. Остановились ночевать въ трактирѣ. Нѣмка, которую, благодаря неумѣстной рекомендаціи г-жи З....., мы взяли

въ услуги въ Умани, глупыми и отвратительными своими странностями, разстроила наше расположеніе духа. Непріятная ночь. На другой день черезъ Яготинъ к. Репнина, коего красивые виды насъ нѣсколько разсѣяли, доѣхали до любезной мнѣ нѣкогда Туровки А. И. Маркевича, но застали ее пустою и домъ въ передѣлкѣ. Все семейство было въ Полошкахъ. Грустно переночевавъ здѣсь во флигелѣ поэта Ник. Марк., на крестьянскихъ нанятыхъ лошадяхъ доѣхали до Прилукъ. Характеръ здѣшнихъ плоскихъ степей показался новымъ для жены моей, привыкшей къ холмистымъ мѣстамъ своего края. Въ Прилукахъ шумомъ досталъ лошадей, ибо и здѣсь почта не ходитъ уже по прямой дорогѣ близко моей деревни въ Ромны. На чай пріѣхали въ Секирницы П. Г. Галагана, гдѣ въ новомъ прекрасномъ его домѣ нашли пріятнѣйшій пріемъ и ожидавшіе насъ покои. Здѣсь отдыхали мы три мѣсяца. Не одни однакоже пріятныя воспоминанія въ удѣлъ намъ и здѣсь достались. Многое для меня измѣнилось. Прежде родственное и дружеское сдѣлалось почти чуждо. Домъ, который ожидалъ найти въ деревнѣ готовымъ, попеченіемъ нѣкогда пріязненнаго мнѣ шурина моего по первой женѣ, не былъ построенъ. Много справедливаго въ начитанномъ мною гдѣ-то правилѣ: Не полагайся на друга, который женился. Онъ женился въ одно со мною время. Такимъ образомъ, произвольное мое сперва пребываніе въ Секирницахъ сдѣлалось вынужденнымъ. Это непремѣнно измѣняетъ взаимныя отношенія. Недостатокъ способовъ и рабочее время не позволили мнѣ тотчасъ приступить къ постройкѣ дома.

Итакъ въ деревнѣ мнѣ не осталось ничего дѣлать. Поѣздка въ Полошки, къ бывшей моей тещѣ, рушила послѣднюю слабую тѣнь надежды на предложенное ею въ убѣдительнѣйшихъ выраженіяхъ, письменно и посредствомъ своего брата и Галагана, довольно значительное состояніе. Первыя минуты разговора съ нею убѣдили меня въ невозможности принять отъ подобной женщины какое бы то ни было благодѣяніе. Я поспѣшилъ облегчить ея совѣсть и вывести ее изъ затрудненія, возвращеніемъ ей даннаго ею слова. Разстроенный горькими воспоминаніями, возвратился я въ Секирницы. До этой поѣздки еще все семейство, нѣкогда столь дружественное, Маркевичей, собралось у Галагана. Изо всего прежняго между нами остались почти одни

приличія. Тоже самое съ г. Ал. Гр. Гудовичевой, которая въ первые дни своего пріѣзда, сверхъ того, смотрѣла еще на меня съ нѣкоторымъ ужасомъ (который я охотно желалъ бы почесть непритворнымъ), за то что, при взятіи Рахова, братъ ея, прекрасный молодой человѣкъ, нѣжно мною любимый, убитъ былъ при мнѣ, и мнѣ, на слезы весьма скупому, стоилъ искреннихъ горькихъ слезъ. Все это вмѣстѣ глубоко разстроило духъ мой. Къ сему присоединилось неполученіе никакого назначенія, по минованіи срока отпуска и, наконецъ, позже недостойное при дивизіонномъ (послѣ мѣстъ, которыя я занималъ во время войны, по крайней мѣрѣ право на бригаду мнѣ дававшихъ). Всѣ эти обстоятельства и другія вмѣстѣ омрачили послѣдній мѣсяцъ моего пребыванія въ Секирницахъ и тревожили бѣдную мою жену. Посѣщеніе Полля съ женою было для насъ пріятнымъ развлеченіемъ, но непродолжительнымъ. Также весьма пріятно было для насъ знакомство съ С. А. Галаганъ, любезной женщиной, которой общество доставило намъ въ уединенной деревенской нашей жизни нѣсколько пріятныхъ дней. Къ сожалѣнію она прежде насъ еще уѣхала въ Петербургъ. 20-го Октября, если не ошибаюсь, выѣхали мы въ Умань. Подъ Переволочной сидѣли нѣсколько часовъ въ грязи и первый день доѣхали только до Прилукъ, гдѣ у головы ночевали. Жестокій и рѣзкій вѣтеръ заставилъ здѣсь одѣть людей по зимнему. Второй ночлегъ въ Яготинѣ у управляющаго симъ имѣніемъ князя Репнина, отставнаго офицера. Радушный его пріемъ, хотя мы его женатаго и съ большимъ семействомъ весьма потѣснили. На другой день, хорошею дорогою въ Переяславль, гдѣ съ трудомъ нанялъ почтовыхъ лошадей до Богуслава 80 верстъ. Переправа черезъ Днѣпръ, гладкій, какъ зеркало, и по причинѣ весьма дурной дороги, песками и лѣсомъ, очень поздно пріѣхали въ Дудари къ г-лу Поллю. Хорошій ужинъ и пріятный ночлегъ, въ другой уже комнатѣ, болѣе просторной, доставили намъ нужный отдыхъ. Позавтракавши, часовъ въ 10-ть отправились до Богуслава; пріѣхали довольно рано, но рѣшились ночевать. На другой день доѣхали до Легезина, послѣдней станціи, не доѣзжая Умани. Негодный ночлегъ въ сырой и вонючей корчмѣ. Рано пріѣхали въ Умань, но какая разница противъ перваго проѣзда! Теперь должны были остановиться въ Жидовской корчмѣ и пробыть въ ней недѣлю, пока

очистили и приготовили для насъ весьма скромную квартиру. Къ счастію нашли здѣсь Полля съ женою. Здѣсь-то получилъ я извѣстіе о новомъ моемъ назначеніи. Затруднительное положеніе во всѣхъ отношеніяхъ, особенно на счетъ моей жены, оканчивавшей 7-ой мѣсяцъ беременности и осужденной еще на дальнѣйшее странствіе, вѣроятно много способствовало къ жестокой болѣзни, которая меня постигла, скоро по переѣздѣ на новую квартиру, и привела меня къ дверямъ гроба. Тронуло меня глубокое участіе г-ла Ридигера и Плохово, нарочно пріѣхавшаго. Имъ обязанъ я благоразумнымъ совѣтомъ, вмѣсто того, чтобы везти жену далѣе въ Заславъ (чтобы ее тамъ быть можетъ скоро оставить, Богъ знаетъ на какой квартирѣ, съ незнаніемъ языка въ самое роковое время) отправить ее въ Яссы, тоже разстояніе, но гдѣ у цѣли ожидаютъ ее родительскій домъ, нѣжнѣйшія попеченія, опытность и всѣ способы большаго города.

Это исполнено безъ отлагательства, и вмѣсто меня, еще слабаго, шуринъ мой Полль взялся проводить бѣдную мою жену до Скулянъ на Могилевъ. 29-го она выѣхала послѣ горькаго прощанія, ибо это на долго. Дорога ужасная. Первый день они проѣхали только одну станцію. Надѣюсь, что далѣе будетъ получше. Невѣстка моя Полль переѣхала ко мнѣ, чтобы раздѣлить скучное и непривычное одиночество. Оставленныя давно уже занятія, за которыя снова принимаюсь, и посѣщенія благороднаго г-ла Ридигера не допускаютъ до унынія, равно какъ и чувство, всегда пріятное, возвращающагося здоровья. Жестокая тяжесть спадетъ съ души, когда узнаю о счастливомъ пріѣздѣ жены въ родительскій домъ. И эти строки не имѣютъ иной цѣли, какъ наполнить пустые промежутки дня.

Славный конецъ войны съ Турціею, вниманіе Европы на себя обращавшій, былъ какъ будто сигналомъ новыхъ переворотовъ на Западѣ ея. Между тѣмъ какъ торжество побѣдоносной Россіи внезапно омрачилось появленіемъ Cholera Morbus, быстро принявшей, не смотря на всѣ противодѣйствующія мѣры, свое направленіе на Сѣверъ къ обѣимъ столицамъ, печальныя извѣстія почти единовременныя о насильственной перемѣнѣ династіи во Франціи, которую общее и немедленное признаніе всѣхъ державъ позволяетъ приписать непростительнымъ ошибкамъ послѣдняго министерства; народное возстаніе въ Бельгіи противъ

короля своего; переворотъ въ правленіи столь смирной и счастливой Саксоніи; шайки поденщиковъ и черни, появившіяся и опустошающія нѣкоторыя области Германіи; возмущеніе въ Мюнхенѣ и другихъ мѣстахъ Баваріи, столь кротко управляемыхъ, и разныя другія извѣстія заставляютъ бояться для Европы временъ смутныхъ и важныхъ происшествій. Событіе любопытное и общеполезное, взятіе Алжира, торжество Франціи, изъ коего министры Карла X-го столь дурное употребленіе сдѣлали, радостно ознаменовало текущій годъ.

4-го Декабря. Печальные слухи. Но Россія и этотъ разъ, хотя въ смутное время сими неожиданными происшествіями застиженная и въ мѣрахъ своихъ свирѣпствующею въ ней болѣзнію замедляемая, воздвигнется въ своемъ могуществѣ и, съ обычнымъ своимъ счастьемъ, потушитъ вспыхнувшій пожаръ.

6-го Суббота. Вчера нѣсколько пріятныхъ часовъ съ Плохово. Продолженіе распространенія болѣзни. У него занемогъ человѣкъ, но спасенъ, особенно кровопусканіемъ. Дѣйствительное, кажется, начало зимы. Чрезвычайно трудный походъ для войскъ, въ движеніе приведенныхъ. Они потребуютъ значительнаго отдыха передъ дѣйствіемъ.—Медленно возвращаются мои силы, а время неотложнаго выѣзда сближается.

Voyage dans l'Inde et au Bengale par Degrandpré: сочиненіе занимательное, человѣка умнаго и свѣдущаго, хорошо и твердо видѣвшаго и даръ описанія имѣющаго.

Promenades à Rome par Stendhal. Сильныя требованія на оригинальность. Но странности и часто нелѣпости, не взирая на то, умнаго человѣка.

Моя жена благополучно и безъ остановки пріѣхала въ Яссы. Только что передъ ея пріѣздомъ въ Могилевъ, снятъ карантинъ передъ тѣмъ учрежденный, и три часа по выѣздѣ изъ Скулянъ учрежденъ карантинъ противъ Cholera Morbus. Оттепель. Письмо отъ жены.

Grimme raconte quelquepart un mot de Duclos, dont le tour m'a paru drôle. Il vient d'arriver au jardin du roi, comme chacun sait, un jeune éléphant de cinq ans, qui est déjà grand, comme père et mère. Duclos, inquiet de la tournure tant soit peu séditieuse, que prenait la conversation chez m-me Helvétius, nous fit changer de propos. Messieurs, nous dit-il, parlons de l'éléphant: c'est la seule bête un peu considérable, dont on puisse parler en ce temps sans danger.

24-го Декабря. Вороновица. 16-го обрадовали меня Македонецъ съ женою своимъ ко мнѣ пріѣздомъ. 17-ое провели вмѣстѣ. 18-го, отправивъ съ ними людей и лошадей, самъ на почтовыхъ выѣхалъ въ Заславъ. Изъ Иванъ-Города выѣхалъ въ 7-мь часовъ вечера и только въ семь утра пріѣхалъ на слѣдующую станцію Гайсинъ, простоявъ нѣсколько часовъ въ грязи, покуда волами коляску вытащили и ими же почти до станціи привезли. Отъ чрезвычайнаго разгона, почты въ большомъ разстройствѣ. Ввечеру, 19-го, пріѣхалъ въ Немировъ. Проѣзжая Брацлавъ, вездѣ видѣлъ курящіяся кучи навоза; тамъ появилась холера. Вездѣ только и слышишь о появленіи въ разныхъ мѣстахъ сей болѣзни, не взирая на безчисленные учрежденные карантины. Въ Вороновицу пріѣхалъ 20-го и въ нѣсколькихъ шагахъ отъ почты увидѣлъ обозъ С. Н. Плохово, къ которому бросился, чтобы проститься на долгое время, но къ удовольствію моему узналъ отъ него, что я назначенъ бригаднымъ командиромъ въ конно-егерскую дивизію и остаюсь съ нимъ товарищемъ корпуса. Онъ пробылъ со мною четыре дня въ скверной Жидовской избѣ, и въ его обществѣ эти четыре дня пролетѣли пріятно и быстро. Какой даръ Неба человѣкъ умный, благородный и пріятный! Сегодня онъ уѣхалъ догнать свою бригаду.

1831-й годъ.

24-го Января. 26-го прошлаго мѣсяца пріѣхалъ въ Липовецъ. Пробылъ 27-ое. До Могилева едва доѣхалъ на полозьяхъ, но долженъ былъ остановиться, чтобы перемѣнить ихъ новыми, которые, не доѣзжая первой станціи, отломились. Къ счастію нашелъ тамъ оставленные прекрасные сани Подольскаго губернатора г. Грохольскаго, на которыхъ поѣхалъ далѣе.

31-го пріѣхалъ въ Каменецъ, на гранитной скалѣ, водою (рѣка Смотричъ) окруженной, и съ вертикальными крутостями съ обоихъ береговъ. Цитадель въ новыя времена усилена и отъ окружныхъ высотъ дефилирована. Появленіе въ ближайшемъ только разстояніи подобнаго, рѣдко встрѣчаемаго мѣстоположенія, внезапностію изумительно. Въ прежнія времена почиталась

неприступною. Нынѣ же, одна цитадель, впрочемъ весьма тѣсная, къ оборонѣ удобна; городъ же только отъ нечаяннаго нападенія безъ артилеріи защищаться можетъ. Минаретъ, Турками къ католической церкви пристроенный, въ совершенной цѣлости, и Марія съ крестомъ попираетъ огромные рога Турецкой луны. Какъ сіи воспоминанія далеки уже отъ нынѣшняго состоянія одряхлѣвшей Порты! Заѣхалъ къ Плохово, двумя днями меня опередившаго и остался съ нимъ въ домѣ у вице губернатора Гирса. Новый годъ встрѣтили втроемъ у г-ла Ридигера.

1-го Генв. обѣдъ у камергера Пршедзецкаго, въ столовой до того холодной, что я принялъ это за мистификацію. Знакомство съ Грохольскимъ. 2-го тоже большой обѣдъ у Ридигера. Свирѣпствующая здѣсь болѣзнь и смутныя обстоятельства обуздали охоту къ удовольствіямъ, въ это время обычнымъ. Процессъ бывшихъ министровъ Карла X-го. Признаніе независимости Бельгіи. Возмущенія въ Англіи. Удаленіе Веллингтона отъ министерства. Грей его мѣсто заступаетъ. Внезапное возстаніе Царства Польскаго. Походъ Русскихъ войскъ въ свои границы. Хлопицкій диктаторомъ. Царство ужаса. Насильственныя приготовленія къ близкой гибельной войнѣ. Г. Дибичъ главнокомандующимъ. 80-ти тысячная армія подъ Брестомъ. 16-го полагаемое начало дѣйствій. Лафайетъ слагаетъ званіе главнокомандующаго народной стражи. Пріѣздъ генералъ-губернатора Потемкина. Три дня обѣдовъ и неудачный опытъ вчера у губернатора. Наступленіе скуки.

16-го Февраля. Выступленіе изъ Линцовъ. Посѣщеніе доктору Гейне. Revue Britannique. Въ саняхъ съ П. Терменомъ до м. Дашева. Принятъ въ домѣ г. Потоцкихъ, сыновей Владимира, умершаго полковникомъ Французской службы въ Польскомъ корпусѣ. Первое донесеніе изъ дѣйствующей арміи.

18-го. Переходъ до Гранова. Квартира у кассира. Имѣніе Адама Чарторижскаго. Поѣздка на конскій заводъ. Жеребецъ Эденъ. Поздній обѣдъ. Переходъ до Ивангорода Сабаньскаго. Въ крестьянской избѣ. Одинокій день. Пріятная прогулка пѣшкомъ. Прекрасное время. Густая лазурь неба, предвѣстница оттепели и весны. Гердеръ. Письмо изъ Яссъ № 19-й съ волосами моей новорожденной. Грустное направленіе мыслей, слѣдствіе содержанія письма.

24-го. Получилъ нарочнаго съ Высочайшимъ повелѣніемъ отправиться въ дѣйствующую армію, съ назначеніемъ состоять при главнокомандующемъ. Чрезъ три часа по полудни выѣхалъ.

1832-й годъ.

10-го Октября 1832 года. Блотница. Знаешь ли ты людей, которые, бывъ рабами всѣхъ своихъ страстей, возстаютъ противъ чужихъ пороковъ, какъ бы ревнуя имъ? Ничего столь строго не наказываютъ они, какъ то, чему подражать не перестаютъ, хотя ничто не приноситъ столько чести, какъ снисхожденіе, тѣмъ даже, которые ни малѣйшей ни отъ кого въ немъ нужды не имѣютъ. Честнѣйшій, совершеннѣйшій человѣкъ, по моему, есть тотъ, который прощаетъ съ такимъ добродушіемъ, какъ будто ежедневно самъ впадаетъ въ проступки, и который ихъ также заботливо избѣгаетъ, какъ будто никому не прощаетъ ихъ. Потому наиболѣе мы тщиться должны, какъ частно, такъ и общественно и во всѣхъ поступкахъ нашей жизни, быть непреклонными къ себѣ, снисходительными къ другимъ, къ тѣмъ даже, которые самихъ себя только извинять умѣютъ. Не будемъ забывать никогда, что̀ часто говаривалъ Тразей, не менѣе знаменитый своимъ человѣколюбіемъ, какъ и прочими доблестями: „Тотъ, кто ненавидитъ пороки, людей ненавидитъ“. Ты спрашиваешь, на кого я цѣлю, говоря это? Нѣкто на дняхъ.... Но лучше изустно разскажу, или умолчу вовсе; боюсь, что, объявляя имъ войну, осуждая ихъ, разсказывая что̀ они дѣлаютъ, я сдѣлаю тоже чего не одобряю, и нарушу мои правила моими поступками. Потому, кто бы онъ ни былъ, скроемъ его, не назовемъ его. Мало пользы его выставить, и много человѣколюбія не выставлять его. Прости!

22-го Октября. Бѣлгородъ. Мысли о Польской войнѣ. Политическія опасенія одни могутъ оправдать торопливое открытіе кампаніи въ Генварѣ, не окончивъ организаціи дѣйствующей арміи во всѣхъ отношеніяхъ. Военные расчеты могли быть: 1-ое) не допустить мятежниковъ окончить свои приготовленія и 2-ое) перейти самимъ Вислу по льду. Порочно было направленіе на Прагу, и сраженіе близъ оной или послѣдствія успѣха подъ Гроховымъ должны были доведены быть до крайней возможности, чего далеко не сдѣлано, а сдѣлано могло быть.

Въ Шеницѣ надобно было разстроенную зимнею кампаніею армію усилить, продовольствіе оной по шоссе изъ Бреста обезпечить и новую не прежде 15-го Апрѣля начать. Въ Мартѣ мѣсяцѣ въ Польшѣ, если выборъ отъ воли зависитъ, дѣйствовать не должно: въ это время господствуетъ тамъ пятая стихія, грязь, и такая, что нѣсколько переходовъ разстраиваютъ совершенно матеріяльную часть арміи.

Оставленіе 6-го корпуса (тогда Литовскаго), кромѣ особенностей его состава, передъ Прагою на пространныхъ квартирахъ принадлежитъ къ числу важнѣйшихъ ошибокъ военныхъ.

Движеніе къ устью Вепржа для переправы за Вислу съ однимъ 1-мъ корпусомъ и гренадерскимъ, весьма ослабленными, было все ошибочное.

Правильно и спасительно было движеніе изъ Велишина чрезъ Луковъ къ Сѣдлецу. Оно могло быть еще рѣшительнѣе, направивъ головы колоннъ на Калушинъ. Симъ движеніемъ армія, послѣ неудачнаго покушенія переправы, слѣдствіемъ коего было разстройство оной и пораженіе Литовскаго корпуса, стала на свою кратчайшую линію сообщенія съ центромъ своей операціонной линіи, на Брестское шоссе, одно въ сіе время года удобное для подвозовъ, получила своихъ выздоровѣвшихъ, сблизилась съ гвардіею и подкрѣпилась вторымъ корпусомъ, имѣвъ ближайшимъ послѣдствіемъ спасеніе преслѣдуемыхъ остатковъ Литовскаго корпуса и своихъ магазиновъ въ Сѣдлецѣ, Меджерицѣ и Брестѣ. Это предложеніе съ трудомъ было принято.

Всѣ дѣйствія изъ Сѣдлеца по прямому направленію къ Варшавѣ не могли имѣть никакой полезной цѣли.

Если потерянъ хотя одинъ день для присоединенія гвардіи, со времени позволенія употребить оную въ дѣло, то сдѣлана важная ошибка.

26-го Октября. Наступательное движеніе Скрженецкаго противъ гвардіи, хотя дерзкое, имѣло первымъ слѣдствіемъ отступленіе оной и очищеніе дѣйствующею арміею Царства Польскаго, на 24 часа. Съ силами болѣе значительными, это движеніе могло бы непріятелемъ лучше быть выдержано, имѣя въ переди возстаніе Литвы и для отступленія правый берегъ Нарева. Скрженецкій долженъ еще оправдаться, не только въ безполезномъ и опасномъ оставленіи дивизіи въ Остроленкѣ, но что

еще неосторожнѣе, въ нѣсколькихъ верстахъ передъ оною, въ позиціи, легко обходимой. Ему слѣдовало Остроленку оставить и мосты на Наревѣ сломать. Онъ могъ еще дороже заплатить за свою ошибку, если бы и съ нашей стороны въ управленіи дѣломъ не было сдѣлано нѣсколько весьма важныхъ. Неопредѣленность начальствованія дѣйствующими частьми отъ частой перемѣны главнокомандующимъ начальниковъ во время дѣла, отъ неимѣнія карты топографической мѣстоположенія, хотя гвардія до того долго занимала Остроленку; отъ оставленія всей гвардейской пѣхоты нѣсколько верстъ позади, съ которою наканунѣ только соединились, сдѣлавъ для этой цѣли все трудное и поспѣшное движеніе изъ Сѣдлеца. — Важнѣйшія послѣдствія Остроленскаго сраженія, славнаго для нашей пѣхоты, были, кромѣ значительной и невознаградимой для непріятеля потери числительной, всеобщій упадокъ духа, какъ въ войскѣ такъ и въ краѣ, и уменьшеніе довѣренности къ дарованіямъ главнокомандующаго, усилившее противную ему партію демагоговъ. Преслѣдованія не было отъ утомленія послѣ сильныхъ переходовъ и бою пѣхоты, изнуренія кавалеріи, кромѣ гвардейской, и непостижимаго разсѣянія казаковъ.

Армія наша медленно дошла до Пултуска, обезпеченная въ продовольствіи изъ Пруссіи и въ матеріальныхъ приготовленіяхъ къ переправѣ черезъ Вислу. Но въ стратегическомъ отношеніи сія переправа, на пространствѣ между Модлинымъ и Прусскою границею, принадлежитъ къ числу труднѣйшихъ, быть можетъ неразрѣшимыхъ задачъ военныхъ. Эта увѣренность и мысль, что сіе невыгодное положеніе дѣлъ было послѣдствіе прежнихъ ошибочныхъ соображеній, вѣроятно отравляли послѣдніе дни г. Дибича, близъ Пултска скончавшагося.

Пріѣздъ фельдмаршала г. Паскевича примѣтно возвысилъ духъ арміи. Правильность подвозовъ, одна изъ неусыпныхъ заботъ сего главнокомандующаго, сосредоточіе силъ, одно изъ неусыпныхъ его правилъ, подошедшія подкрѣпленія отъ лѣваго фланга арміи, вошедшіе въ ряды выздоровѣвшіе, полезный отдыхъ, кавалерію въ особенности поправившій, и лучшее время года привели армію въ цвѣтущее положеніе. Она двинулась къ трудному своему предпріятію, къ переправѣ. Звѣзда Паскевича сопутствовала ей. Четырехъ-суточная наводка моста и трехъ-

суточная чрезъ оный переправа совершены какъ среди мира. Непріятеля не было. Скрженецкій долженъ для своей славы объяснить эту тайну. Онъ вѣроятно боролся тогда съ враждебной партіею и боялся отдалиться отъ Варшавы.

27-го. Позиція на Бзурѣ, первая, гдѣ на мѣстѣ переправы мы нашли непріятеля въ силахъ, остановила насъ на нѣсколько дней, въ которые устроено правильное и безостановочное движеніе подвозовъ. Въ противной арміи господствовалъ духъ партій. Скрженецкій смѣненъ, и непріятель отступилъ къ Варшавѣ.

Приступъ къ Варшавскимъ укрѣпленіямъ былъ первое военное событіе, возвратившее войнѣ занимательность, можно сказать истощенную Наполеономъ.

Приступъ могъ быть конченъ въ одинъ день 25-го Августа. Послѣ взятія Воли и отраженія слабаго покушенія мятежниковъ возвратить оную, страхъ и безпорядокъ распространились по ихъ войскамъ. Артилерія ихъ была разстроена и отчасти приведена въ молчаніе. Это было въ часъ по полудни. Довольно оставалось времени, чтобы кончить. Я сдѣлалъ о томъ предложеніе г-лу Толю, отвѣчая за успѣхъ. Онъ согласился со мною, но предложеніе не было принято.

Въ сей день непріятель былъ взятъ въ расплохъ, въ томъ смыслѣ, что, полагая предпріятіе приступа возможнымъ, ему не могло быть извѣстно, который изъ фронтовъ его огромной линіи будетъ атакованъ. 26-го все было для него уже ясно. Всѣ оборонительныя средства его были сосредоточены. Мужество поправило ошибку. 26-го, по диспозиціи, укрѣпленіе Воля и большая дорога должны были раздѣлять 1-ый и 2-ой корпуса. Оба должны были съ фронта взять лежавшія предъ ними укрѣпленія. Утро прошло въ переговорахъ. Въ часъ по полудни было назначено начать приступъ. Въ полдень, окончивъ обозрѣніе укрѣпленій и позиціи готоваго непріятеля, я убѣдился, что 1-му корпусу, весьма ослабленному потерею наканунѣ, предстоитъ трудъ сомнительнѣе еще перваго, какъ по важности укрѣпленія № 23-й, такъ и по средоточенію непріятелемъ артилеріи и резервовъ. Осталось три четверти часа. Я предложилъ весь 1-й корпусъ перевесть съ лѣвой стороны дороги на правую. Симъ движеніемъ пріобрѣтались слѣдующія выгоды: соревнованіе наступа-

ющихъ корпусовъ, рядомъ и въ виду дѣйствующихъ; укрѣпленіе Воля, сильно вооруженная артилеріею и гарнизономъ, дѣлалась опорою лѣваго фланга пѣхоты арміи; приступъ 2-го корпуса къ своему фронту усиленъ и обезпеченъ отъ дѣйствія непріятельскихъ резервовъ на лѣвый его флангъ 1-мъ корпусомъ; фронтъ сему послѣднему, къ взятію назначенный простымъ движеніемъ впередъ и потомъ на лѣво, взятъ во флангъ и въ тылъ. Сіе предложеніе, сильное доводами, наконецъ, принято и за полчаса предъ начатіемъ дѣла приступлено къ исполненію. Ко всему вышеизложенному присоединилась еще та польза, что непріятель, усмотрѣвъ безполезность своей прежней позиціи и желая усилить угрожаемый фронтъ, долженъ былъ, по неимѣнію глубины между позиціею и городомъ, дефилировать подъ убійственнымъ огнемъ артилеріи 1-го корпуса, тотчасъ по прибытіи на новое мѣсто открытымъ. Все исполнено было безошибочно по сему предположенію. Голова колонны резервовъ непріятельскихъ, дѣйствительно двинувшаяся изъ Вольскаго предмѣстія въ минуту приступа 2-го корпуса, ближнимъ картечнымъ огнемъ артилеріи 1-го корпуса была разстроена и быстрымъ движеніемъ всей пѣхоты онаго отброшена въ улицы. Сильное укрѣпленіе № 23-й взято съ тылу, равно какъ и прочія укрѣпленія сего фронта.

Общимъ правиломъ можно постановить, что при атакѣ линій, защищающихъ большой городъ, неизбѣжно растянутыхъ, нѣтъ никакой нужды атаковать дѣйствительно много пунктовъ вдругъ: ибо овладѣніе однимъ почти всегда достаточно, чтобы разстроить совершенно всю систему обороны общей.

28-го. Для успѣшнаго отраженія приступовъ, близкіе и отважно употребляемые резервы едва ли не важнѣе прочнаго занятія укрѣпленій сильными гарнизонами. Для закрытія сихъ резервовъ отъ огня артилеріи, обыкновенно предшествующаго приступу, полезны могутъ быть траншеи. Укрѣпленія, сзади открытыя, въ такомъ случаѣ предпочтительны. Защитники оныхъ, въ минуту спуска атакующихъ въ ровъ, должны вскакивать на крону. (Они до сего мгновенія довольно воспользовались противъ наступающихъ закрытіемъ). Безъ сего средства, мужеству приличнаго, дѣйствія опаснѣйшими почитаемыя (переходъ рва и всходъ на брустверъ) происходятъ безъ потери подъ выстрѣ-

лами защищающихъ. Турки, сему правилу слѣдующіе, отъ того такъ опасны въ укрѣпленіяхъ.

31-го Октября. Польская армія, пораженіемъ подъ Варшавой въ основаніяхъ своихъ потрясенная, но числомъ еще свыше 40 тысячъ съ 96-ю полевыми орудіями, послѣ безполезныхъ переговоровъ подъ Модлинымъ, отвергнувъ весьма выгодныя условія, ей предложенныя, приняла внезапное намѣреніе переправиться на нижней Вислѣ, чтобы продолжить еще борьбу въ Краковскомъ воеводствѣ. 1-му корпусу (всего 9 тысячъ штыковъ и около 5 тысячъ кавалеріи имѣвшему) поручено воспрепятствовать сему покушенію. Достигнувъ Гостимина, успѣхъ сталъ вѣренъ.

Когда бы Польская армія здѣсь сосредоточена была передъ первой нашей переправой въ Осекѣ, поручивъ наблюденіе по Вислѣ способнымъ офицерамъ отъ Прусской границы до Модлина: то, имѣя три обыкновенныхъ перехода до обѣихъ оконечностей сего пространства, имѣла бы совершенно достаточно времени поспѣть еще до окончательной наводки нашего моста на пунктъ переправы и учинить ее почти невозможною.—Непріятель, хотя успѣлъ навесть свой мостъ при Вроцлавкѣ и даже переправилъ два баталіона, но свѣдавъ о прибытіи 1-го корпуса въ семи верстахъ отъ переправы, не отважился продолжать оную и, при первомъ появленіи нашего авангарда, бросилъ свой мостъ и поспѣшно началъ отступленіе къ Прусской границѣ, въ коей быстро преслѣдуемый укрылся, сдавъ артилерію и всю матеріальную часть арміи Пруссакамъ; они передали все въ наши руки.

Успѣхъ не всегда есть доказательство достоинства плана. Послѣ покойнаго фельдмаршала не оставалось ничего иного дѣлать, какъ то что̀ преемникомъ его было сдѣлано. Но задача приведена была этимъ до самаго труднаго оной рѣшенія. По моему мнѣнію для Русской арміи, дѣйствующей наступательно противъ непріятеля, лѣвый берегъ Вислы охраняющаго, укрѣпленную Варшаву, Прагу и Модлинъ въ своей власти имѣющаго, точка переправы лежитъ на верхней Вислѣ между Австрійской границей и устьемъ Вепржа.

3-го Ноября. Люблинъ—главная квартира и поворотная точка движеній. На семъ пространствѣ возможна даже пере-

права усильная, имѣя на своей сторонѣ преимущество въ артилеріи, и достаточны обыкновенные понтоны.

Знаю, что политическія наши отношенія были гораздо тѣснѣе съ Пруссіею нежели съ Австріею, и потому въ пособіяхъ по продовольствію гораздо менѣе встрѣчено затрудненій въ первой нежели бы то случилось въ послѣдней, особливо по случаю дурнаго урожая въ Галиціи, между тѣмъ какъ тоже самое было въ Волынской и Подольской губерніяхъ, граница коихъ служила бы нашимъ операціямъ основаніемъ, — все это указываетъ только одно, что продовольствіе арміи во время кампаніи стало бы дороже. Но преимущество военнаго соображенія несравненно выше выгодъ продовольствія, лишь бы сіе послѣднее не было вовсе невозможно. Быстрый успѣхъ есть лучшая экономія и одинъ вознаграждаетъ даже матеріально убытки войны.

Примѣчательное и еще многообѣщающее дарованіе показалъ въ сію войну князь Михайло Горчаковъ.

3-го Ноября. 1831-ый годъ, столь мрачно для меня начавшійся, съ 10-го Марта по 9-е Ноября, прошелъ въ трудахъ и занятіяхъ военныхъ въ Польшѣ, безпрерывнымъ обществомъ гр. П. П. Палена украшенныхъ. Конецъ не оправдалъ возбужденныхъ во мнѣ ожиданій положительными обѣщаніями. Кого обвинять? Полагаю, одни наступившія мирныя уваженія къ лицамъ. Получивъ этимъ право не дорожить своимъ положеніемъ въ арміи, я употребилъ настойчивость для полученія отпуска въ Яссы къ своей женѣ. 9-го оставилъ своего брата Петра и Варшаву, 14-го обнялъ своего добраго старшаго брата Карла въ Новоселицѣ въ Бессарабіи. Онъ проводилъ меня до Скулянъ на Прутѣ. Переправа на таможенномъ паромѣ не удалась за шедшимъ льдомъ и неисправностію пристани. Карантинный перевезъ меня на любезную мнѣ этотъ разъ Молдавскую землю. Въ 12-мъ часу ночи, весьма темной, коляска скакала по Ясскимъ улицамъ съ обычнымъ здѣсь крикомъ почталіоновъ, когда знакомый голосъ изъ выѣхавшей на встрѣчу кареты остановилъ меня. Я былъ у цѣли.—Здѣсь провелъ я мѣсяцъ полнаго счастья. Оно только и есть для человѣка въ семействѣ. Любимая и любящая жена есть безъ сравненія лучшій даръ Неба на землѣ. Намъ предстояло строгое испытаніе. Зима, казавшись ненадеж-

ною (хотя было уже 16-е Декабря), мы выѣхали на колесахъ. Въ двухъ верстахъ отъ города, что̀ еще было для насъ счастье, прекрасная, двумѣстная, совершенно новая Вѣнская карета, тяжело наложенная, вдругъ подалась на осѣвшія переднія рессоры, которыя повредились. Это было предвѣстіе только того что̀ намъ позже предстояло. Мы воротились въ Яссы и выѣхали 18-го, пересѣвъ въ четвероместную карету, прежде для женщинъ назначенную. Молдавію всю проѣхали скоро и пріятно, находя вездѣ готовыхъ лошадей, квартиру и проводы. Въ Боянахъ въѣхали въ Австрійскую Буковину. Вытерпѣвъ всѣ медленныя натяжки карантинныхъ и таможеннымъ чиновниковъ и невольный ночлегъ у помѣщика Струдзы, которому я вынужденъ былъ объяснить, что, не взирая на его большое состояніе, вѣжливость противъ иностранцевъ состоитъ для него не въ пріемѣ ихъ у себя, но въ отказѣ (ибо у всякаго Жида они найдутъ болѣе выгоды и удобства, нежели у него) мы выѣхали отъ него въ сумерки, для избѣжанія втораго подобнаго ночлега, въ надеждѣ поспѣть еще до ночи въ близкія Новоселицы къ брату. Все перенесенное въ Боянахъ настроило меня мрачно, и какое-то предчувствіе близкаго несчастія дотого угнетало мнѣ душу, что на ласки жены своей, желавшей меня развеселить близкимъ свиданіемъ съ любимымъ нами братомъ, отъ котораго уже были въ полутора верстѣ, я отвѣчалъ: „подожди, мы еще не доѣхали", и не болѣе какъ черезъ двѣ минуты, карета на полной рыси слетѣла съ мосту колесами вверхъ. Я былъ только помятъ; но жену вынули съ трудомъ, безъ чувствъ, безъ признака праваго глаза, совершенно покрытаго мгновенно огромною, мертвеннаго вида, опухолью. Бросивъ карету на дорогѣ, по невозможности поднять ее, я перенесъ жену въ коляску, въ которой ѣхали женщины. Съ отчаяніемъ въ душѣ, довезъ ее до квартиры Австрійскаго офицера пограничной стражи, къ счастію сострадательнаго и образованнаго человѣка, котораго жена съ величайшею готовностію дала ей всѣ первыя пособія. Чувства возвратились; но ни за жизнь, а еще менѣе за глазъ отвѣчать нельзя было. Между тѣмъ пріѣхалъ и мой братъ, и мы общими усиліями перевезли несчастную въ его домъ, забывъ всѣ таможенные обряды. Австрійскій офицеръ послалъ поднять и доставилъ карету и всѣ вещи въ цѣлости, кромѣ разбитыхъ стеколъ. Боясь воспаленія въ го-

ловѣ, два доктора, жену пользовавшіе, употребили примочки снѣжной воды съ уксусомъ. Это и піявки около глазной опухоли были единственныя средства лѣченія и оказались совершенно дѣйствительны. Такъ прошли въ страданіи и печали Праздники Рождества и Новаго года.

Въ день моего пріѣзда я нашелъ въ Инвалидѣ свое новое назначеніе начальникомъ 2-ой драгунской дивизіи, но не зналъ, гдѣ она квартирами послѣ войны расположена была. Надобно было дождаться увѣдомленія изъ главной квартиры.

Получивъ его въ послѣднихъ числахъ Января, выѣхали изъ Новоселицы въ бездорожье, отъ котораго чрезвычайно потерпѣли. День провели въ Липкахъ у княгини Гики пріятно. Въ первыхъ числахъ Февраля пріѣхалъ въ свою дивизіонную квартиру, Александрію, Херсонской губерніи. Полки нашелъ невыгодно расположенные въ поселеніи 3-й кирасирской дивизіи. Здѣсь прожили три мѣсяца въ квартирѣ тѣсной, холодной, безъ мебели, безъ инаго знакомства, кромѣ военнаго; но таково тихое дѣйствіе семейной жизни, что, оставляя этотъ городъ, мы съ женою должны были согласиться, что провели три мѣсяца счастія, которымъ подобныхъ и въ благопріятнѣйшихъ обстоятельствахъ желать можемъ. Здѣсь мы разстались: жена поѣхала за малюткой дочерью въ Яссы, я черезъ Кременчугъ (гдѣ переправилась дивизія) въ свою Блотницу и потомъ въ Харьковъ, гдѣ уже нашелъ корпуснаго командира и головной полкъ дивизіи. Труды и усилія прошедшей кампаніи не остались безъ вреднаго вліянія на мое здоровье: на смотру полка я упалъ въ обморокъ. 24-го Мая пріѣхалъ въ Бѣлгородъ, мою дивизіонную квартиру. 6-го Іюня пріѣхала и жена съ дочерью больною. Оставленная докторами и Небу порученная, она спасена; но остались послѣдствія болѣзни, которыя одно время и попеченія могутъ изгладить. Начало моего здѣсь пребыванія отъ того было весьма печально. Занятія службою, особливо во время кампамента отъ 15-го Августа до 15-го Сентября, служили мнѣ развлеченіемъ, часто пріятнымъ. Смотръ Государя въ послѣдній день былъ истинно-важнымъ для меня происшествіемъ, какъ по прежнимъ моимъ отношеніямъ, коимъ сей смотръ положилъ конецъ, такъ и по необыкновенному благоволенію за успѣхи, дивизіею сдѣланные. Къ довершенію пріятныхъ ощущеній се-

го времени, 20-го Сентября же, Небо даровало мнѣ сына Николая, котораго прекрасное младенчество теперь уже тѣшитъ меня. Боже сохрани его!

1833-й годъ.

1833-го года 31-го Января. Годъ начался весьма уединенно, но не скучно. Государь изъявилъ свое согласіе быть воспріемникомъ моего сына чрезъ письмо отъ г. Бенкендорфа и по командѣ офиціально. Небольщія непріятности изъ Курска. Высочайшее порученіе просмотрѣть сочиненіе г. Рошеймона о службѣ легкой кавалеріи въ полѣ, вмѣстѣ съ переводомъ ученаго комитета ко мнѣ присланное для исправленія и дополненія. Работа сія кончена, но я не весьма ею доволенъ. Надобно было съ основанія передѣлать эту книгу, или вовсе ея не имѣть на глазахъ. Кажется, дѣлаю ошибку отправленіемъ сей работы.

Важнѣйшія происшествія послѣднихъ мѣсяцевъ: Осада и взятіе Антверпена (Жераръ и Шассе). Возмущеніе въ Ирландіи (Оконнель).—Войска Египетскаго паши Махмета-Али подъ начальствомъ сына его Ибрагима занимаютъ Сирію, вступаютъ въ Малую Азію, одерживаютъ совершенную побѣду надъ великимъ визиремъ Решидомъ, который взятъ въ плѣнъ. Мы покуда спокойные зрители, на долго ли?—Донъ-Педро въ Опорто окруженъ войсками Мигуеля.—Герцогиня Берри захвачена и содержится въ Бле.—Заемъ 20 мил. серебромъ въ Голландіи нашимъ правительствомъ.—Наступило испытаніе Сѣверо-Американскому Союзу: Южная Каролина возстаетъ противъ тарифа и первая подаетъ голосъ къ разрыву Союза. Прокламація президента Жаксона.—Греческій король Оттонъ съ отрядомъ войскъ Баварскихъ отправился въ Грецію.

1833 г. 23-го Февраля. Бѣлгородъ. Тихо протекли первые два мѣсяца года, кромѣ преходящихъ выходокъ и сплетней изъ Курска, молчаніемъ отражаемыхъ.

Печальное извѣстіе отъ нашего посланника Потемкина въ Мюнхенѣ: 18-ти-лѣтній шуринъ мой Константинъ Ролла убилъ на поединкѣ молодаго офицера, принадлежавшаго одной изъ первыхъ въ Баваріи фамилій, и долженъ былъ въ бѣгствѣ искать спасенія отъ строгости законовъ. Гдѣ онъ, еще неизвѣстно.

6

1834 и 1835 годы.

1835 Ноября 13-го. Неужели слишкомъ два года прошли, не оставивъ ни одной замѣтки въ моихъ книгахъ? Вѣроятно нѣтъ, но онѣ затеряны въ которой нибудь изъ другихъ.

Посмотримъ сравнительный итогъ моего настоящаго положенія послѣ столь долгаго времени. Начнемъ съ физическаго состоянія. Здоровье мое все еще сильно, благодаря сложенію и правильной жизни, въ которой ежедневное умѣренное движеніе верхомъ и шалости съ дѣтьми приготовляютъ меня къ трудамъ, мѣсту и званію моему принадлежащимъ.

Старость подкрадывается вовсе непримѣтно, по крайней мѣрѣ, какъ мнѣ самому кажется, и только кое-гдѣ на головѣ серебряный волосъ напоминаетъ мнѣ 46-ть моихъ лѣтъ.

Четверо дѣтей оживляютъ мой домъ. Игры и рѣзвости ихъ веселятъ меня. Къ плачу и крику, безъ котораго и быть не можетъ, я почти совершенно привыкъ. Вотъ скоро шесть лѣтъ семейной жизни. Вмѣсто привычнаго охлажденія, она становится все тѣснѣе и тѣснѣе. Уваженіе взаимное даетъ новое твердое основаніе любви. Время и внимательность сгладили многія шероховатости, неизбѣжныя при встрѣчѣ двухъ характеровъ пылкихъ и при такой значительной разницѣ въ лѣтахъ. Хорошій примѣръ многихъ лѣтъ устроилъ около насъ услугу, допускающую управленіе кроткое безъ вредной слабости. Нѣсколько слугъ обоего пола принадлежатъ, кажется, навсегда собственнымъ усердіемъ къ дому. Способы наши ограничиваются однимъ приличнымъ, безъ долговъ и безъ остатковъ. Будущее, какъ наше, такъ и дѣтей нашихъ, принадлежитъ Провидѣнію Божію. Еще я продолжаю служить съ силой тѣлесной и душевной и, судя по нѣкоторымъ признакамъ, не все прошедшее въ моей прежней службѣ забыто. Это наслѣдіе дѣтей, если не будетъ и другаго.